
ОГОНЁК
№ 5 ЯНВАРЬ 1951
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Ремесленные училища Киргизской ССР готовят кадры квалифицированных рабочих для развивающейся промышленности республики. На снимке: Будущие токари Алмасбек Ильясов и Бектур Байсеркеев в мастерской ремесленного училища № 1 в городе Фрунзе.

Фото В. Евграфова

На первой странице обложки: Врач-комсомолка Вера Османбекова, окончившая Медицинский институт в городе Фрунзе (Киргизская ССР).

Фото Е. Ефимова

На последней странице обложки: НА ЗАКАТЕ.

Фото Б. Кузьмина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 5 (1234) 28 ЯНВАРЯ 1951

29-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Ликует славный город Ленина! Великий вождь и учитель, родной товарищ Сталин дал свое согласие баллотироваться в депутаты Верховного Совета РСФСР по Кировскому избирательному округу Ленинграда.

В торжественной обстановке в зале Дворца культуры имени М. Горького в присутствии многочисленных представителей трудящихся района состоялось заседание Окружной избирательной комиссии Кировского избирательного округа № 73 города Ленинграда по выборам в Верховный Совет РСФСР. Комиссия зарегистрировала товарища И. В. Сталина кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР.

Радостная весть с быстротой молнии облетела заводские цехи, дома и квартиры ленинградцев. На предприятиях состоялись многолюдные митинги трудящихся города Ленина, благодарных родному отцу за оказанную честь.

Н а с н и м к а х: вверху — заседание Окружной избирательной комиссии Кировского избирательного округа № 73; внизу — общий вид митинга на Кировском заводе.

Фото А. Михайлова и П. Федотова (ТАСС)

Торжественно-траурное заседание в Большом театре, посвященное XXVII годовщине со дня смерти Владимира Ильича Ленина. В президиуме (слева направо): **товарищи М. А. Суслов, А. Н. Косыгин, П. К. Пономаренко, Л. М. Каганович, А. А. Андреев, Л. П. Берия, Г. М. Маленков, И. В. Сталин, М. Ф. Шкирятов, К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, В. М. Молотов, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, М. З. Сабуров, И. И. Румянцев, А. М. Василевский, Н. В. Попова, Т. М. Зуева, Е. А. Фурцева.**

Фото Ф. Кислова

НЕУГАСИМЫЙ СВЕТОЧ ЛЕНИНИЗМА

В торжественном трауре проходили ленинские дни в Советской стране и за ее рубежами. Народы всего мира чтут память вдохновителя и организатора Октябрьской социалистической революции, ознаменовавшей наступление новой эры в истории — эры социализма. Взоры и мысли всех трудящихся обращены к великому Сталину, под водительством которого ленинизм одержал всемирно-исторические победы.

21 января в Государственном академическом ордена Ленина Большом театре Союза ССР состоялось торжественно-траурное заседание ЦК ВКП(б), МК и МГК ВКП(б), Президиумов Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, Московского областного и городского Советов депутатов трудящихся, ЦК ВЛКСМ, МК и МГК ВЛКСМ, Президиума ВЦСПС совместно с представителями партийных, общественных организаций и Советской Армии, посвященное 27-й годовщине со дня смерти Владимира Ильича Ленина.

Торжественно и тихо в зале. Взоры собравшихся устремлены на сцену, где в обрамлении алых знамен и цветов — портрет любимого Ильича.

18 часов 50 минут, 27 лет назад в этот час перестало биться сердце великого Ленина, вождя, учителя всех трудящихся.

В президиуме появляются товарищ И. В. Сталин, товарищи В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, А. А. Андреев, Н. С. Хрущев, А. Н. Косыгин, Н. М. Шверник, М. А. Суслов, П. К. Пономаренко, М. Ф. Шкирятов.

Все встают. В зале долго длится бурная овация. Участники заседания тепло приветствуют великого вождя и учителя товарища Сталина — продолжателя дела Ленина, приветствуют руководителей партии и правительства.

* * *

«Ленинские оценки американского империализма,— сказал в своем докладе на торжественно-траурном заседании в Москве тов. П. Н. Поспелов,— раскрывают корни той преступной политики

нарушения международного сотрудничества и разжигания новой войны с целью завоевания мирового господства, которую повели правящие круги США вскоре же после окончания второй мировой войны».

Наш народ, поглощенный мирным созидательным трудом, клеймит американских империалистов, которые не раз в истории посягали на независимость нашей Родины, которые и сейчас лелеют подлые замыслы о закабалении Советской страны, о превращении ее в свою колонию.

Немало горя и слез принесли американские интервенты в 1918—1920 годах советским людям. Ленин уже тогда разоблачал американских империалистов как «палачей и жандармов русской свободы».

Вооруженная иностранная интервенция потерпела крах. Но разгромленные и изгнанные интервенты и поныне не расстались со своими бредовыми мечтами. После второй мировой войны американские миллиардеры, обуреваемые стремлением установить мировое господство, готовы бросить мир в новую бойню. Американо-английские оккупанты ведут кровавую войну против народов Востока, совершая неслыханные злодеяния на корейской земле.

«Мы видим,— говорил Владимир Ильич на VI Всероссийском Чрезвычайном съезде Советов,— как Англия и Америка — страны, имевшие больше других возможность остаться демократическими республиками,— так же дико, безумно зарвались, как Германия в свое время, и поэтому они так же быстро, а, может быть, и еще быстрее, приближаются к тому концу, который так успешно проделал германский империализм. Сначала он невероятно раздулся на три четверти Европы, разжирел, а потом он тут же лопнул, оставляя страшнейшее зловоние. И к этому концу мчится теперь английский и американский империализм».

«...Тем более,— предсказывал Ленин,— похоронят себя английский и американский империализм, когда они поведут такую авантюру, которая доведет их до политического краха, когда они обрекут свои войска на положение душителей и жандармов всей Европы».

Нет сомнения, что эти пророческие ленинские слова сбудутся!

Советский народ, успешно строящий под гениальным водительством товарища Сталина коммунистическое общество, в ленинские дни вновь продемонстрировал свою волю к миру, свою уверенность в будущем!

Великое единство

Волнующие, незабываемые дни переживают все народы нашей великой многонациональной державы: советские люди готовятся к выборам в Верховные Советы союзных и автономных республик.

На предвыборных собраниях кандидатами в депутаты выдвинуты лучшие сыны народа.

Первым кандидатом в депутаты во всех республиках единодушно назван вождь и учитель трудящихся Иосиф Виссарионович Сталин. Своими депутатами народ хочет видеть верных соратников товарища Сталина — руководителей партии и правительства.

Большой праздник у ленинградцев!

Великий Сталин дал согласие баллотироваться в депутаты Верховного Совета РСФСР по Кировскому избирательному округу Ленинграда. Избирательная комиссия этого округа зарегистрировала товарища Сталина кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР. Регистрация происходила в торжественной и радостной обстановке, в зале Дворца культуры имени Горького. Этот дворец воздвигнут ленинградцами за Нарвской заставой на месте дома, где в августе 1917 года происходили заседания исторического VI съезда партии, нацелившего рабочий класс страны на вооруженное восстание, на социалистическую революцию. Работой этого съезда руководил И. В. Сталин. Выступая с докладом, товарищ Сталин произнес пророческие слова о том, что «...именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму».

С именем великого Сталина связаны и другие замечательные страницы в истории Нарвской заставы, района славных революционных традиций.

Здесь, за Нарвской заставой, в пору подъема рабочего движения перед первой империалистической войной товарищ Сталин руководил деятельностью большевиков во время выборов в 4-ю Государственную думу.

Здесь, за Нарвской заставой, на квартире путиловского рабочего, товарищ Сталин написал знаменитый «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату».

Здесь, на подпольных явочных квартирах, товарищ Сталин встречался с большевиками Путиловского и других заводов, учил их искусству революционной борьбы, вел подготовку Октябрьского штурма.

И здесь, в Кировском избирательном округе, товарищ Сталин будет баллотироваться в депутаты Верховного Совета РСФСР.

Безмерно рады и счастливы кировцы. Безмерно рады и счастливы все жители города Ленина.

На многолюдных митингах в Ленинграде звучат слова безграничной благодарности вождю и учителю, оказавшему великую честь ленинградцам.

Прекрасно сказал мастер Кировского завода Н. Г. Карташев:

— Может ли быть еще ярче и светлее радость, чем наша радость сегодня?.. Вся жизнь товарища Сталина посвящена делу рабочего класса. Мы обязаны родному Иосифу Виссарионовичу тем, что трудовой человек расправил свои могучие плечи, понял огромную радость творческого, созидательного труда.

Ленинградцы никогда не забудут, что товарищ Сталин дважды спас город Ленина от вторжения захватчиков и интервентов.

Весной 1919 года генерал Юденич при поддержке английских империалистов пытался захватить Петроград. На фортах «Красная Горка» и «Серая Лошадь» вспыхнули белогвардейские мятежи. В Петроград приехал товарищ Сталин. Под его руководством враг был разбит.

Кольцом блокады хотели задушить ленинградцев фашисты в годы Великой Отечественной войны. Не вышло! Ленинград выстоял потому, что душой его обороны был товарищ Сталин. Вождь спаял ленинградцев, помог им, спас их. Вождь организовал разгром врага под Ленинградом.

Всеми своими победами — и ратными и трудовыми — Ленинград обязан товарищу Сталину. Город на Неве стал центром технического прогресса. Выполняя слово, данное вождю, ленинградцы добиваются замечательных производственных успехов, самоотверженно трудятся во имя укрепления нашей Родины.

Все советские люди разделяют радостные чувства ленинградцев, ликуют вместе с ними, от души поздравляют их.

С огромной радостью наш народ воспринял известие о том, что товарищ Сталин зарегистрирован кандидатом в депутаты Верховных Советов союзных и автономных республик.

Зарегистрированы кандидатами в депутаты Верховных Советов союзных республик и верные соратники товарища Сталина — руководители партии и правительства.

Все народы страны сказали: мы за товарищем Сталиным, за нашим вождем, за нашим учителем! С ним мы непобедимы!

ВОЗРОЖДЕННЫЙ НАРОД

И. РАЗЗАКОВ,
секретарь ЦК КП(б) Киргизии

Исполнилось 25 лет со дня образования Киргизской Советской Социалистической Республики.

Великая Октябрьская социалистическая революция изменила судьбу киргизского народа, навсегда освободив его от векового социального и национального гнета.

До Октябрьской революции трудовой киргизский народ изнывал под двойным гнетом — под гнетом местных баев, манапов и под колониальным гнетом царизма. Уделом бесправного киргизского народа была нищета, бескультурье.

Право на свободную, счастливую жизнь трудовой киргизский народ получил из рук великих вождей революции, создателей советского государства — Ленина и Сталина.

За 25 лет Киргизстан превратился в республику с высокоразвитой промышленностью, крупным коллективным сельским хозяйством и передовой культурой.

В республике создана индустрия, оснащенная передовой советской техникой. Угольная, нефтяная, машиностроительная, пищевая и текстильная промышленность — основные отрасли индустрии республики. Продукция крупной промышленности по сравнению с дореволюционным периодом выросла в 336 раз.

Замечательным достижением нашей республики является рост многочисленных квалифицированных кадров рабочих из киргизов. Киргизы, некогда потомственные кочевники, стали шахтерами, токарями, слесарями, электриками, металлургами, машинистами паровозов.

История развития земледелия в Киргизии очень коротка. Лишь в результате проведения советским государством земельно-водной реформы киргизы получили землю и воду и начали переходить к оседлой жизни. Сельское хозяйство республики, основанное на широком применении в колхозах и совхозах передовой техники и внедрении достижений агробиологической науки, достигло невиданного расцвета.

Наши земли без орошения бесплодны. Благодаря огромной помощи советского правительства в республике проведены большие работы по обводнению и орошению земель. Построены крупнейшие гидротехнические сооружения — Чумышская плотина, Западная ветка Большого Чуйского канала, оросительная система Отуз-Адыр и многие другие. За годы советской власти посевы на поливных землях увеличились почти в два раза.

Ведущая отрасль сельского хозяйства республики — животноводство. Богатейшие пастбища и альпийские луга служат надежной кормовой базой для высокоразвитого животноводства. В итоге многолетних трудов научные работники и передовые животноводы-колхозники вывели две новые породы высокоудойных коров, новую породу лошадей, отличающуюся выносливостью, резвостью и удивительной красотой сложения. Выведено много новых пород овец, дающих превосходную тонкорунную шерсть.

В киргизской колхозной деревне трудятся замечательные мастера, выращивающие рекордные урожаи хлопка, свеклы, табака. Их имена известны всей стране. Это Герои Социалистического Труда Матай Абдраимов, Сарахан Кочкарова, Суракан Кайназарова, Джумагуль Саринова, Айты Камчибеков и другие; Герои Социалистического Труда Асаналы Абдыраимов, Джусубалы Кулумбаев, Исак Нураков и многие другие — замечательные животноводы.

За успехи, достигнутые в развитии сельского хозяйства, 99 колхозников и работников совхозов Киргизии удостоены высокого звания Героя Социалистического Труда; свыше трех тысяч человек награждены орденами и медалями.

Киргизская культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию, достигла подлинного расцвета.

Народ, еще в недалеком прошлом неграмотный, не имевший своей письменности, за 25 лет поднялся к высотам культуры и науки. Ликвидирована неграмотность, создана киргизская литература, введено всеобщее обязательное семилетнее обучение детей в школах. В республике работают 8 вузов, 34 техникума и другие учебные заведения, где занимаются сотни тысяч человек. Каждый четвертый гражданин нашей республики учится!

Созданный в годы Великой Отечественной войны Киргизский филиал Академии наук СССР с 11 институтами и лабораториями превратился в центр разработки актуальных научных проблем, в центр подготовки национальных кадров интеллигенции.

Успешно развивается в нашей республике оперное, балетное, драматическое и изобразительное искусство и музыка. Киргизскими композиторами созданы и с большим успехом ставятся на сцене Киргизского государственного ордена Ленина театра оперы и балета спектакли «Ай-Чурек», «Манас», «Анар», «Чолпон» и другие.

Киргизский народ много читает. В республике издается 85 газет, 6 журналов, большими тиражами выпускается политическая, научная и художественная литература. За последние пять лет Киргизское государственное издательство выпустило свыше 900 названий книг общим тиражом в девять с половиной миллионов экземпляров. Переведены все основные произведения Ленина и Сталина, издано 6 томов Сочинений И. В. Сталина.

Киргизы читают на своем родном языке гениальные труды классиков марксизма-ленинизма, произведения Пушкина, Горького, Толстого, Чехова, Маяковского, Шевченко, Руставели.

Добилась серьезных успехов молодая киргизская советская литература. Создан ряд полноценных художественных произведений, отображающих исторические достижения республики в годы советской власти. Киргизскому писателю Тугельбаю Сыдыкбекову за роман «Люди наших дней» присуждена Сталинская премия.

Бурное развитие промышленности, сельского хозяйства и культуры в республике сопровождается неуклонным повышением материального благосостояния трудящихся и переустройством их быта.

На месте мрачных глинобитных мазанок в киргизских аилах строятся благоустроенные дома колхозников, клубы, школы, больницы, родильные дома. В быт народа прочно вошли радио и электричество.

В Киргизии буквально на пустырях выросли благоустроенные города — Кзыл-Кия, Сулюкта, Кок-Янгак, Таш-Кумыр и многие другие. Особенно разителен рост столицы республики — города, носящего имя знаменитого нашего земляка Михаила Васильевича Фрунзе. Некогда убогий уездный городишко стал центром промышленности, науки, культуры и искусства, городом-садом, с широкими улицами, с большими благоустроенными домами, вузами, театрами, с оживленным автобусным и троллейбусным движением.

* * *

25 лет в истории народа — срок небольшой. Однако киргизский народ за этот короткий срок прошел огромный путь — от примитивного кочевого хозяйства и патриархально-феодального строя до построения социализма.

Эти исторические успехи достигнуты в результате последовательного осуществления ленинско-сталинской национальной политики, в результате нерушимой дружбы и сотрудничества между всеми народами Советского Союза, благодаря широкой бескорыстной помощи великого русского народа, благодаря повседневной отеческой заботе товарища Сталина.

Успехи, достигнутые за эти 25 лет, создали все необходимые условия для еще более быстрого и мощного развития всех отраслей народного хозяйства, культуры и материального благосостояния трудящихся Киргизской Советской Социалистической Республики.

Киргизский народ в тесном сотрудничестве со всеми народами нашей страны, под руководством великой партии Ленина — Сталина, под водительством великого Сталина идет вперед, к полной победе коммунизма.

Мой Киргизстан

Аалы ТОКОМБАЕВ,
народный поэт Киргизии

Мощно крылья свои распрямляя,
Прилетела машина стальная.
Удивленно глядит молодой пассажир:
— Что вокруг! Не долина ли рая!
— Нет, не сказочный рай, это наша земля,
Это сердце киргизского края.

— То не город ли там, за холмами!
— Нет, колхозный кыштак перед вами!
— Что за краны и трубы, ответьте вы мне,
Возвышаются над тополями!
— Это Фрунзе, республики штаб трудовой,
Окруженный густыми садами!

Пассажир наклонился к соседу:
— Я по Чуйской долине поеду.
Там шампанские вина мы делать начнем,
Чтоб украсить и пир и беседу.
Маяковского помните! «Время, вперед!»
Наше время одержит победу...

Покорились киргизу стремнины,
Снеговые Тянь-Шаня вершины,
Там, где беркуты прежде летать не могли,
Там бегут поезда и машины.
Как велит поливальщик, так воды текут,
Орошая сухие долины.

Погляди, перелетная птица
В изумленье на землю садится:
— Где пустыня, что в прошлом году здесь
была!
Всюду свекла, ячмень и пшеница!..
Прошлогоднюю карту берет ученик —
Эта карта теперь не годится!

Там, где мчались безудержно воды,
Вырастают поселки, заводы.
Там, где были болота, поля расцвели,
Хлопка вижу я дружные всходы.
Коммунизм воздвигает кочевник былой,
Изменяя обличье природы.

Киргизстан, твои кони крылаты,
Их советские ценят солдаты!
Хороши твои овцы — как хлопок живой,
И белы, словно мрамор, ягнята.
А коровы твои — родники молока...
О страна моя, как ты богата!

Ради мира мы стали врачами,
Хлеборобами и кузнецами,
Ради мира спускаемся мы в рудники,
Поднимаемся над облаками.
Осеняют нас мирных шестнадцать знамен,
Среди них и киргизское знамя.

Киргизстан мой, где силы живые,
Где восторг ощутил я впервые!
Пред тобою великий учитель открыл
Коммунизма вершины родные.
Большевистской дорогой идешь ты вперед
И растешь под звездою России.

С каждым днем наши клады несметней,
Наши горы милей и приветней.
Приезжайте, товарищи, в мой Киргизстан —
Можно зимней порой, можно летней!
Славься, радость моя, славься, песня моя —
Киргизстан двадцатипятилетний!

Перевел с киргизского
С. ЛИПКИН

Страна небесных гор

И. ПОСЕЛЬСКИЙ,
лауреат Сталинской премии

Фото В. Евграфова и М. Савина

Около 4 тысяч километров отделяют столицу нашей родины от Киргизии. Три четверти территории Киргизской советской социалистической республики занимают вечно снежные хребты Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Тянь-Шань в переводе с китайского — Небесные горы. Страной Небесных гор называют в народе Киргизию.

Все это было известно со школьной скамьи. Но когда из окна самолета взору открылась Киргизия и мы увидели величайшие горные пики, синеватые ледники и бездонные ущелья, то невольно захотелось сказать: да, это Небесные горы!

Никто из нас, участников съемок цветного фильма «Советская Киргизия», раньше не бывал в этой республике. Но в кабине самолета нашлось много людей, которые познакомили нас с жизнью киргизского народа.

Среди пассажиров воздушного корабля был офицер. Из-под его расстегнутой шинели, на кителе, блестела золотая звездочка. Герой Советского Союза Калийнур Усенбеков летел во Фрунзе в отпуск. В годы войны он одним из первых переправился через Одер. Когда Калийнур Усенбеков узнал о цели нашего полета, он стал подробно рассказывать о родной стране.

Рядом со мной сидел смуглолицый красивый человек в свободном драповом пальто. Это был профессор, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР Иса Коноевич Ахунбаев. Он рассказал нам о молодой промышленности республики, о сельскохозяйственных машинах, сделанных в Киргизии и работающих на ее колхозных полях, о несметных богатствах гор.

— На берегах Иссык-Куля зацвели маки, — говорил Иса Ахунбаев.— Киргизский мак... Я представляю, как он должен красиво выглядеть в цветном фильме! Вы обязательно снимите, как он цветет и как его собирают. Высокогорные пастбища уже, наверно, покрыты зеленым ковром. А какие там тюльпаны, ирисы, пионы, гиацинты! Обязательно снимите сенокос! Заготовка корма на зиму — первостепенная для Киргизии задача. Раньше никогда у нас не заготовляли сена. Скот и зимой был на подножном корму. Теперь есть сено — значит, не страшны ни джут-гололедица, ни бураны, ни глубокие снега.

— Сейчас вам обязательно нужно быть в горах,— посоветовал Калийнур Усенбеков. — Начинается массовый перегон скота. Табуны коней и отары овец будут подниматься из долин на высокогорные пастбища — джайлоо. На пастбищах Сусамыра и Арпы, на сыртах Центрального Тянь-Шаня, в урочищах Каракуджура и на берегах высокогорного Сон-Куля будут пастись миллионы голов скота.

— Побывайте в Оше и Кызыл-Кия, в Сулюкте и в Боомском ущелье, — говорил нам Ахунбаев. Сын пастуха и сам в прошлом пастух, он рассказывал о киргизском народе, о своей стране вдохновенно, как поэт.

1

Перечитывая теперь свои записные книжки, я вспоминаю первые дни жизни в Киргизии. Мы положительно терялись: что же снимать в первую очередь? Куда раньше ехать?

Страна, шагнувшая из феодализма в социализм, страна, не знавшая до советской власти ни больших городов, ни заводов, ни театра, ни книг, открылась нашему взору во всем великолепии своего экономического и духов-

Бронзовый бюст дважды Героя Советского Союза гвардии капитана Т. Я. Бегельдинова, установленный в городе Фрунзе.

ного расцвета. Все было интересно и значительно в республике, во всем проявлялась коммунистическая новь наших дней.

Замечательные русские ученые-путешественники Семенов-Тянь-Шанский и Пржевальский совершали долгие и трудные походы по Киргизии, занимавшие у них недели и месяцы. Теперь тысячи километров отличных дорог пересекли Киргизию. Появились дороги — появилась жизнь. И там, где не так уж давно бродил горный баран, где спокойно шел на водопой барс или медведь, дымят заводы и фабрики, работают рудники.

Прежде всего мы познакомились со столицей Киргизской ССР — городом Фрунзе. Когда-то здесь стоял грязный и пыльный городок Пишпек. Отдаленный от железных дорог, Пишпек был глухим местечком царской полуколонии. Теперь по улицам столицы Киргизии можно, как по книге, прочитать жизнь страны, и мы начали с репортажных съемок во Фрунзе.

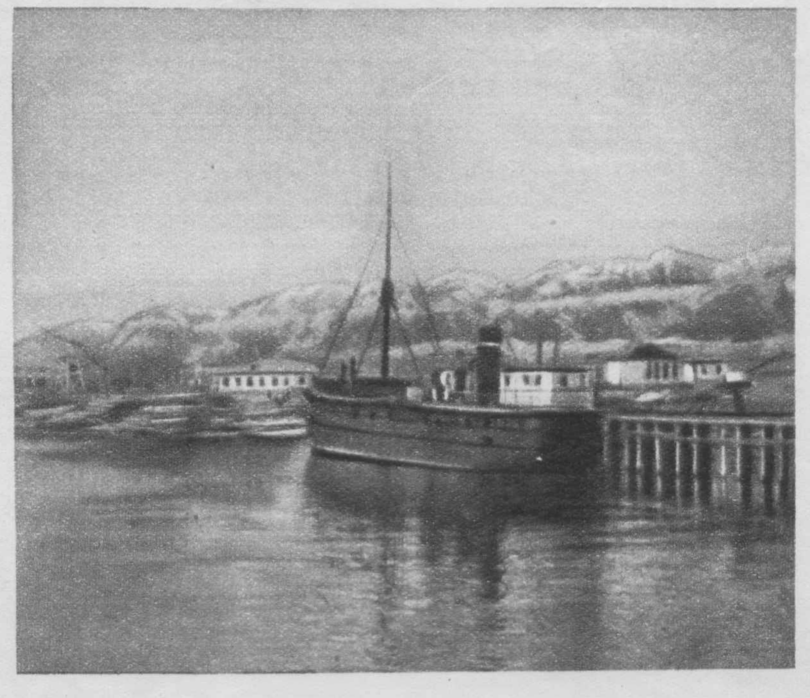
Рассвет... Солнце еще не взошло над снежными гребнями величественного Ала-Тоо. В этот предутренний час на утопающие в густой зелени асфальтированные магистрали столицы вышли моечные машины. Вскоре улицы заполнили строители. Они спешили на площадки, где возводились новые заводы, школы и дома, где строилось новое здание Государственного киргизского театра оперы и балета.

На улице появились рабочие. Они шли на заводы и фабрики. Мы сняли киргизов-стахановцев Сарманова и Аламанова, рабочих-новаторов завода сельскохозяйственного машиностроения. Аламанов — лучший литейщик на этом заводе. Он рассказал нам, что продукцию предприятия — тракторные сенокосилки, грабли и жатки — можно встретить и на полях Прибалтики и Буковины, в Сибири и в странах народной демократии. Во Фрунзе теперь десятки промышленных предприятий, тысячи рабочих-киргизов.

Вот на улицах показались веселые стайки школьников. Мы сняли третьеклассниц Аяке и Рысбюбю, спешивших в школу. И мы вспомнили, что в старой Киргизии знания были доступны лишь детям баев и манапов.

Цветная кинопленка запечатлела обычную жизнь улицы, яркую, содержательную, умную. Мы снимали студентов и ученых, артистов и писателей, государственных деятелей, художников и архитекторов, и будничный репортаж превращался в документальную публицистику.

Вокзал. Аэропорт. Заводы. Правительственные учреждения. Театры. Институты. Школы. Автомобильные станции. Музеи. Даже беглый перечень этот говорил о великих переменах, происшедших по воле народа и большевистской партии в стране Небесных гор.

Озеро Иссык-Куль.

2

Одна группа кинооператоров улетала на юг, в Ошскую область.

Я со второй группой операторов выехал на север. Мы отправились на машинах через Кант, Токмак в Боомское ущелье. На разветвлении дорог группа разделилась: одни операторы отправились на восток, в город Пржевальск, снимать плодородную Иссык-Кульскую котловину и курорты Киргизии, а другие операторы направились в горный Тянь-Шань.

Кроме аппаратуры и пленки с нами были походные кухни, палатки — все, что необходимо в экспедиции.

И вот мы въехали в Боомское ущелье. За облаками терялись горные вершины. На дне кипела река Чу. Боомское ущелье — единственный горный путь, соединяющий Чуйскую долину с Иссык-Кульской и Тянь-Шаньской областями. Всего несколько лет назад люди тратили недели, чтобы добраться из Фрунзе до Иссык-Куля. Колесная дорога, существовавшая еще со времен присоединения Киргизии к России, была плохой и небезопасной. Справа и слева — крутые обрывы. В бричку впрягали по две и три пары лошадей. Лошади цеплялись копытами за камни, бричка металась из стороны в сторону...

Недавно в Боомском ущелье прозвучал гудок паровоза. Советские люди построили в трудных высокогорных условиях железную и проложили автомобильную дороги. Всего четыре часа езды занимает сейчас путь из Фрунзе до Иссык-Куля.

В ущелье дул сильный ветер, называемый здесь уланом. Шумела Чу...

Мы знали, что по высокогорной трассе скоро должен был пройти первый тяжеловесный состав. Его поведет лучший машинист Киргизии Султанкадыр Сукеев, бывший воспитанник детского дома, теперь инструктор-лунинец, коммунист.

Поезд пришел. Мы установили на паровозе аппарат и снимали проход состава по новой дороге, вьющейся на головокружительной высоте по склонам гор. В том месте, где железнодорожная колея приближается к автомобильной дороге, мы сняли только что подошедшую автоколонну, которую вел лучший шофер Киргизии Джумакадыр Абдыев.

На станции Кзыл-Кия состоялась интересная встреча: два лучших транспортника Киргизии, Сукеев и Абдыев, старые друзья, поздравили друг друга с успехом и пожелали счастливого пути к «Киргизскому морю» — Иссык-Кулю.

3

В Нарыне в областном комитете партии нам сказали:

— Обязательно поезжайте на Арпу. Арпа — высокогорное пастбище. На Арпу сейчас поднялся скот почти всего Атбашинского района. Вы увидите там табуны коней колхоза «Пограничник», отары тонкорунных овец колхозов «Социализм» и «Авиахим», бесчисленные стада колхоза «Кара-Булун». Но главное, вы познакомитесь на джайлоо с людьми. Интересный народ! Дела у них большие. Они держат знамя победителя Всесоюзного социалистического соревнования по развитию животноводства...

Дорога из Нарына шла по крутым склонам ущелий, прорезала горные кряжи, взбиралась на вершины и снова круто спускалась в долины. Птицы, встречая в горах первого утреннего гостя, стайками сопровождали машину. Из нор вылезали толстопузые сурки. Как бы желая поближе познакомиться с нарушителем тишины в горах, они становились на задние лапки и провожали нас удивленным взглядом.

Долог путь на джайлоо... Мы ехали с большой скоростью, а конца пути все не было видно.

Горные каменные осыпи чередовались с утесами. Приблизились вершины Небесных гор. Яркая белизна вечных снегов заставила надеть дымчатые очки. Солнце припекало. Учащенно билось сердце: высота — 3 800 метров над уровнем моря.

Лишь к вечеру, когда в горах легли длинные тени, мы свернули с автомобильной дороги. Машина шла сквозь высокий ковыль по золотистой бетеге. Открылась долина Большая Арпа.

Арпа — в переводе с киргизского «Ячмень». Густо растущая в долине трава бетеге действительно напоминает ячмень. Питательная и вкусная, она содержит соли, необходимые для рациона скота.

Чем ближе мы подъезжали к джайлоо, тем чаще встречались отары овец и косяки коней. Привольно на джайлоо! Воздух здесь чист и свеж, нет мошкары, донимающей скот, прозрачна холодная вода родников...

Последним розовым отблеском окрасились льды на вершинах гор. В долине появились мерцающие огоньки. Чабаны развели костры, и сквозь надвигающуюся темноту мы увидели множество больших белых юрт, расположенных по берегу реки. Мы вошли в ближайшую юрту. Нас встретил ее хозяин — старший табунщик колхоза «Пограничник» Томатой Бирназаров. На выпасе у него шестьдесят кобыл. Бирназаров сохраняет и выращивает всех жеребят от них. В 1949 году правительство наградило табунщика орденом Трудового Красного Знамени.

Большая дружная семья у Томатоя. Его юрта едва может вместить всех членов семьи. На почетном месте, там, где горкой сложены ватные одеяла, сидит отец Бирназарова — Бирназар Кенджегозиев. Ему 84 года. Он мог бы и не подниматься в горы, а оставаться внизу, в своем колхозе, где живет в новом, светлом доме. Но Бирназар прожил большую жизнь чабана, больше сорока лет служил он баю, больше сорока лет гонял в горы скот своего хозяина. Не смог он усидеть дома и сегодня приехал в горы не как чабан, а как почетный гость и всеми уважаемый на джайлоо человек.

Поднялась в горы и его жена — мать Томатоя и бабушка многих внучат Аджар Кенджегозиева. Глубокие складки и морщины не исказили красивых черт ее лица. Аджар сидит рядом с мужем, в большом белом головном уборе — элечек.

Много внучат у бабушки Аджар. Всех она любит, и трудно сказать, кого больше балует, но с особой гордостью посматривает она на своего старшего внука. Жумадил — сын потомственного чабана, теперь студент педагогического института. Он учится в столице своей республики, во Фрунзе. Когда он станет народным учителем, обязательно вернется в родной колхоз.

Пылает костер. От костра падают отблески на самотканные ковры с киргизским орнаментом. Мать разливает кумыс в пиалы. Дети, прижавшись друг к другу, внимательно слушают рассказ Жумадила.

Студент рассказывает про большие города, про высокие здания, которые построили советские люди для того, чтобы в них учились такие же юноши, как он, Жумадил, как Тентыген и Джунус, его товарищи по колхозу. Один из них будет врачом, другой — агрономом.

О многом слышит старый Бирназар. Он хорошо знает, что человек научился летать: он часто видит, как над Тянь-Шанем пролетают стальные птицы, иногда они садятся на джайлоо. Бирназар знает, что люди его колхоза рыли большой арык, чтобы в доме его больше не горела лучина. Он знает, что черный круг, который висит на стенке в его доме, передает рассказы из самой Москвы.

Старый Бирназар хорошо знает самолет и радио, электричество и трактор, знает электрическую стрижку овец. Слышал он рассказы и про большой трактор, который бегает по длинным железным жердям и везет сразу столько грузов, сколько не перевезут все машины и верблюды его колхоза. И вот теперь внук говорит, что

этот необычайный трактор уже бежит по ущельям, поднимается в горы, пересекает бурные потоки, и его уже видели у Иссык-Куля...

Ночь опустилась на джайлоо. С гор потянуло прохладой. Все спали крепким сном, и только старый чабан подгребал несгоревшие угли в костре и думал... Думал он о большом счастье, которое вошло в киргизскую деревню. Думал о внуках своих, которые живут новой жизнью.

Где-то далеко прокричал верблюд. И это было последнее, что нарушило глубокий покой ночи на джайлоо.

4

В советской Киргизии привыкли принимать дорогих гостей из-за рубежа. Много поучительного повидали здесь делегации из стран народной демократии. В годы первой сталинской пятилетки в Киргизии гостил пламенный борец за мир и дружбу народов Юлиус Фучик. В тридцатых годах он написал книгу о своем пребывании в СССР. Многие страницы этой книги были посвящены Киргизии. Уже тогда Киргизия обрадовала и поразила Фучика. Уже тогда увидел он в республике все то прекрасное и незабываемое, что характерно для советской жизни.

В ЦК КП(б) Киргизии нам сообщили о прибытии в республику делегации венгерских крестьян. Мы решили заснять все, что увидят мадьяры в стране Небесных гор.

Венгерские крестьяне пожелали побывать в колхозах. Нам удалось снять приезд гостей в колхоз-миллионер «Кенеш», расположенный в Чуйской долине. Председатель этого колхоза Изак Кочкорбаев показал посланцам Венгрии хозяйство артели. Гости побывали на колхозной гидроэлектростанции и на радиоузле, в школе и в прекрасном клубе, они видели конюшни и коровники, поля и плантации. Они видели замечательных коней, которыми справедливо гордится колхоз. В «Кенеше» выведена новая высокопродуктивная порода крупного рогатого скота. В этом колхозе гости из Венгрии увидели, как широко используется сельскохозяйственная авиация. На их глазах самолеты уничтожали вредителей полей и садов.

В артели «Путь к социализму» венгерская делегация изучала новый способ орошения плантаций — сифонный полив. Короткие шланги — сифоны — перегоняют из арыка воду на бороздки плантаций; вода идет ровно, не размывая земли. Венгерских крестьян очень заинтересовали силосные башни новой конструкции — бескаркасные сооружения из фанерных щитов. Пользуясь ими, можно в любом месте заготовлять корма на зиму...

5

Прошли лето и осень. Наша киноэкспедиция побывала во всех уголках республики. Были мы и в ореховых лесах Арсланбоба и в цехах Ошского шелкоткацкого комбината имени ВЛКСМ; кинооператоры поднимались на ледник Петрова, где на высоте 4 тысяч метров работают советские ученые; проводили съемки в угольных шахтах, снимали «Киргизский Артек» — пионерскую здравницу в Чолпон-Ата. На пленке запечатлены хлопковые плантации под Ошем и Джалал-Абадом, табачные плантации Таласской долины и поля, засеянные маком, в колхозах Иссык-Кульской области... Я бегло перечисляю различные места киносъемок, ибо и это может дать некоторое представление о расцвете народного хозяйства Киргизии.

В Москву мы привезли большое количество интересного материала. Когда фильм монтировался, государственный оркестр СССР разучивал произведения киргизского композитора Аскера Тулеева, написанные специально для фильма.

...Месяцы, проведенные в стране Небесных гор, надолго останутся в памяти. Мы увидели большую жизнь Киргизии, цветущей республики великого Советского Союза.

В отделочно-красильном цехе Фрунзенского ремонтного завода. Слева направо: молодые слесари комсомольцы Омурбек Дюшембиев, Багий Магиев и знатный рационализатор завода маляр Д. Е. Долгушин за окончательной отделкой станков.

Студентки подготовительного отделения Киргизского учительского института комсомолки (слева направо) Айша Ургазиева, Сонумкан Рахимбаева и Заря Ахмедова.

На пастбищах Джеты-Огузского района, Иссык-Кульской области.

М. Е. Салтыков-Щедрин

(К 125-летию со дня рождения)

Я. ЭЛЬСБЕРГ

В октябре 1875 года Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, находясь в гостях у Тургенева в Буживале, близ Парижа, слушал чтение новой комедии графа В. Соллогуба. Этот шестидесятилетний светский хлыщ давно растерял к тому времени те крупицы литературного таланта и внешней наблюдательности, которые позволили Белинскому в 40-х годах использовать соллогубовский «Тарантас» для памфлетной характеристики славянофильства. Теперь это был тщетно молодящийся, плоский, лживый, опустошенный «мышиный жеребчик», если вспомнить выражение Гоголя. Ради денег он служил к тому же по тюремному ведомству, «изучая» за границей «достижения» буржуазной Европы в этой области.

И вот этот ничтожный человек вздумал в присутствии великого сатирика прочитать новую свою комедию, представлявшую собой подлую клевету на молодое русское революционное поколение. Страшный, неудержимый гнев овладел Щедриным. Он назвал Соллогуба в лицо бесчестным человеком. Тургенев сообщал несколько позднее одной своей корреспондентке: «Соллогуб... прочел Салтыкову (Щедрину) и мне преплохую свою комедийку, в которой он ругает молодое поколение на чем свет стоит. Салтыков взбесился, обругал его, да чуть с ног не свалился от волнения: я думал, что с ним удар сделается... Он мне напомнил Белинского...»

Последние слова Тургенева многозначительны. Он почувствовал и узнал в Щедрине тот же могучий, страстный боевой дух, который жил в великом критике и публицисте, идейно воспитавшем Салтыкова в 40-х годах. Это был дух непримиримой революционно-демократической борьбы против всех врагов русского народа, против угнетателей и эксплуататоров.

В Соллогубе Щедрин увидел одного из тех «всесветных хлыщей», праздношатающихся «желудочно-половых космополитов» всех национальностей, которых он имел возможность наблюдать за границей, куда загнал его мучительный недуг. Щедрин презирал этих людей, исключительно отдающихся «культу самосохранения»; у них, писал он, «ни назади, ни впереди нет ничего, кроме умственного и нравственного декольте».

Пребывание в Германии и Франции в 1875 году дало Щедрину много нового материала, подтверждавшего его вывод о решительной противоположности интересов всех господствующих и эксплуататорских классов, с одной стороны, и народных масс России и Западной Европы — с другой.

Как раз во время заграничного пребывания у Щедрина родился замысел написать «ряд параллелей: с одной стороны,— культурные люди (т. е. баре, эксплуататоры. — Я. Э.), с другой — мужики».

Началом этих параллелей и явилось тогда же написанное одно из самых замечательных щедринских произведений, к сожалению, еще далеко не достаточно известное широкому читателю, — «Сон в летнюю ночь».

В полной юмора, но проникнутой серьезной и проницательной мыслью форме Щедрин противопоставляет здесь народ господствующим классам. Саркастически воспользовавшись тогдашней манией помещичье-буржуазной общественности праздновать все и всяческие юбилеи и чествовать несуществующие заслуги, писатель рисует юбилей некоего чиновника... «главноуправляющего клозетами» в одном департаменте. Но остросатирический рисунок этот служит лишь предлогом для того, чтобы поставить вопрос о том, что «право быть чествуемыми» принадлежит вовсе не эксплуататорам, паразитам и чинушам, а трудящимся, простому человеку, крестьянину. Щедрин создает картину немыслимого и невозможного в царской России юбилейного чествования старика-крестьянина Мосеича в селе Бескормицыне.

В этой картине сказывается та способность Щедрина, которую воспитывал в своих последователях великий вождь русской революционной демократии Н. Г. Чернышевский: приближать будущее, переносить «из него в настоящее, сколько можете перенести».

Щедрин умел мечтать, но он стремился к будущему на основе глубокого изучения настоящего. Он знал, как богата народная жизнь «благороднейшими биографиями», «отличнейшими подвигами» простых русских людей. И необычайную, на первый взгляд, даже далекую от действительности того времени, картину крестьянского юбилея он мастерски насытил яркими реалистическими красками и чертами.

Сельский учитель Крамольников, которому Щедрин доверяет многие свои мысли, хочет отпраздновать пятидесятилетний юбилей Мосеича для того, чтобы развить в крестьянах «чувство самоуважения». И мы видим, как самая попытка такого празднования, вскоре пресеченного вмешательством властей, поднимает в крестьянах сознание своего достоинства, будит протест против произвола царской бюрократии, против крепостнических пережитков. Проявляется тот «рост русского человека», к которому Щедрин всегда был так внимателен.

«Сон в летнюю ночь» особенно наглядно показывает коренную направленность щедринского творчества — революционизирование народа и демократической интеллигенции, призыв к борьбе против самодержавно-крепостнического строя. Сам писатель очень высоко и совершенно справедливо ценил это свое произведение. Узнав, что оно произвело «потрясающее впечатление» на одного его приятеля, Щедрин писал Некрасову: «...сочиняя «Сон в летнюю ночь», я втайне рассчитывал на впечатление этого рода».

Великий русский писатель остро ощущал классовые противоречия в общественной жизни Западной Европы. Русский патриот и революционный демократ, Щедрин неизменно чтил лучшие революционные традиции французского народа. Не осознавая с полной ясностью историческую роль пролетариата, он тем не менее глубоко почувствовал революционную силу Парижской Коммуны. С отвращением наблюдал Щедрин торжество реакционной буржуазии, которая в это время, как сказал Ленин, создала «антидемократическую... «монархическую республику». Щедрин понимал антинациональный, антинародный характер буржуазной республики. В своей книге «За рубежом» великий сатирик дал широкую картину политической жизни, нравов, культуры французской буржуазной «Третьей республики».

По словам Ленина, «...Щедрин классически высмеял когда-то Францию, расстрелявшую коммунаров, Францию пресмыкающихся перед русскими тиранами банкиров, как республику без республиканцев».

В противовес либералам, которых он последовательно разоблачал, Щедрин стремился не к буржуазной монархии или республике, он мечтал о России демократической и социалистической. Щедрин ненавидел не только «торжествующую свинью» самодержавно-крепостнической реакции, но и собственническое свинство западноевропейской буржуазии.

Находясь за границей, Щедрин, несмотря на свою болезнь, работал неустанно, из месяца в месяц посылая свои сатиры в «Отечественные записки». Но он мучительно переживал вынужденное пребывание в Ницце среди разноплеменных «гулящих людей» космополитической аристократии и буржуазии, «рвался душой в Россию», страдая от того, что не может непосредственно наблюдать общественную жизнь родины. Он писал с гневом и презрением: «Все отребье, какое есть на свете, собралось сюда, все люди, которым неловко жить у себя, ищут здесь приюта. Те же нравы, те же дела и то же самодовольство, как и в Рязани в крепостное время».

Щедрин понимал, что буржуазия чужда национальным, патриотическим интересам своей страны. Впоследствии в «Мелочах жизни» писатель указывал: «...нет опаснее человека, которому чуждо человеческое, который равнодушен к судьбам родной страны, к судьбам ближнего, ко всему, кроме судеб пущенного им в оборот алтына».

Беспощадно резко оценивая западноевропейскую буржуазию, ее политику и культуру, Щедрин имел право сослаться на «предания «Современника», т. е. на традиции Чернышевского. Перед его мысленным взором вставал исполинский образ великого русского революционера и мыслителя, у которого Салтыков столь многому научился в 60-х годах. Вдохновенная, несгибаемая мысль Чернышевского продолжает «старую работу» и в четырех стенах «заколдованной клетки».

Как свою собственную боль, ощущал Щедрин трагическую судьбу великого революционера, оторванного царскими палачами от общественной жизни, но он был непоколебимо уверен в том, что насилию «не дано погасить... светоча мысли, озаряющей даже непроглядный мрак тюрьмы». Героические, стойкие, устремленные в будущее убеждения питали деятельность и творчество Щедрина.

Много суровых испытаний пришлось на долю писателя в течение всей его жизни. Еще в детстве он сумел противостоять развращающим, тлетворным влияниям помещичьего Пошехонья. Его не засосал топкий, удушливый быт Вятки со своими опутывающими человека «мелочами жизни». Его не сломила и полная злобной ненависти травля со стороны реакции. Он неизменно звал к героической и страстной освободительной борьбе и славил «действия героические, подвиги самоотвержения», «беззаветную преданность идее».

Щедрин призывал демократическую интеллигенцию: «...живи одной мыслью с народом».

Вслед за Чернышевским он умел в мрачном настоящем провидеть «зарю грядущего дня», светлого будущего.

Последние годы жизни великого писателя прошли в обстановке разнузданной реакции царствования Александра III. В стране хозяйничали крепостники и помпадуры, похожие на того «ретивого начальника» из «Современной идиллии», образ которого был использован товарищем Сталиным для разоблачения буржуазных критиков проекта Конституции СССР. Ненавистники и негодяи пытались «упразднить убеждение, честность, правду, самоотверженность».

Одна современница сохранила для потомства образ Щедрина, каким она его видела в редакции «Отечественных записок» в 1882 году:

«...Он шел... шумными и тяжелыми шагами и рычал, как раненый лев...» Клокоча от гнева и возмущения, прочитал он «высочайшее повеление» о назначении мракобеса Д. Толстого министром внутренних дел и громко предрекал революционный взрыв и гибель царского режима.

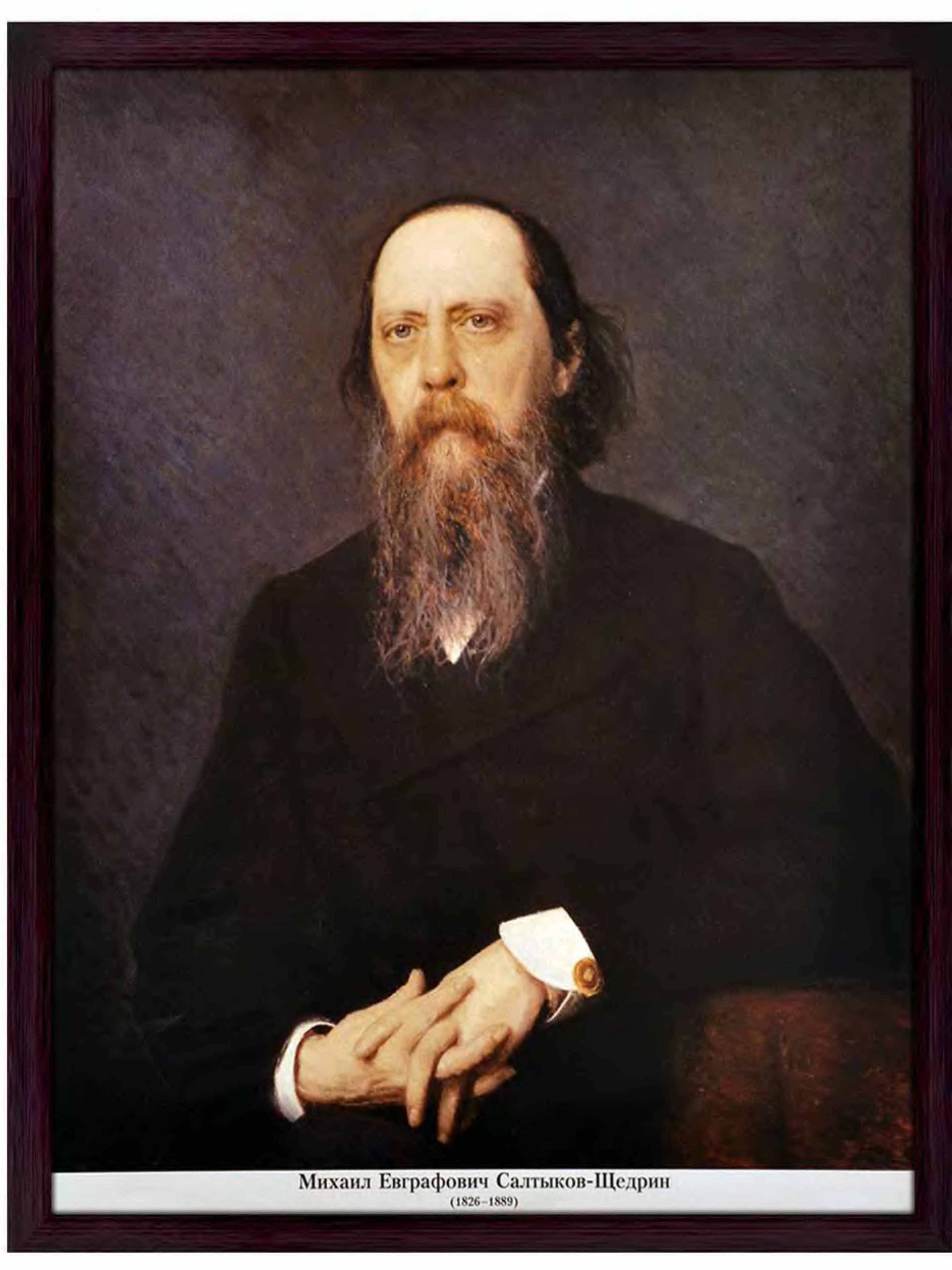
Этот святой гнев укреплял духовную мощь Щедрина. В предсмертной «Пошехонской старине» великий сатирик вернулся к годам своего детства и с неотразимой реалистической убедительностью обличил тот ад, каким было крепостническое Пошехонье.

Щедрин здесь вновь указывал на историческую обреченность крепостнической и буржуазной реакции, на тщету попыток остановить ход истории, повернуть ее вспять. Он утверждал неминуемое торжество правого, прогрессивного дела, «идеалов будущего», идеалов демократии и социализма.

Минуло 125 лет со дня рождения Щедрина. Однако «старое, но грозное оружие» щедринского слова попрежнему обладает мощной силой и благотворным влиянием.

Сатира Щедрина и сейчас разит те классы, которые сметены Великой Октябрьской социалистической революцией, но которые еще господствуют в капиталистических странах; сатира эта клеймит и разного рода «ретивых начальников», негодяев и иудушек империалистической реакции.

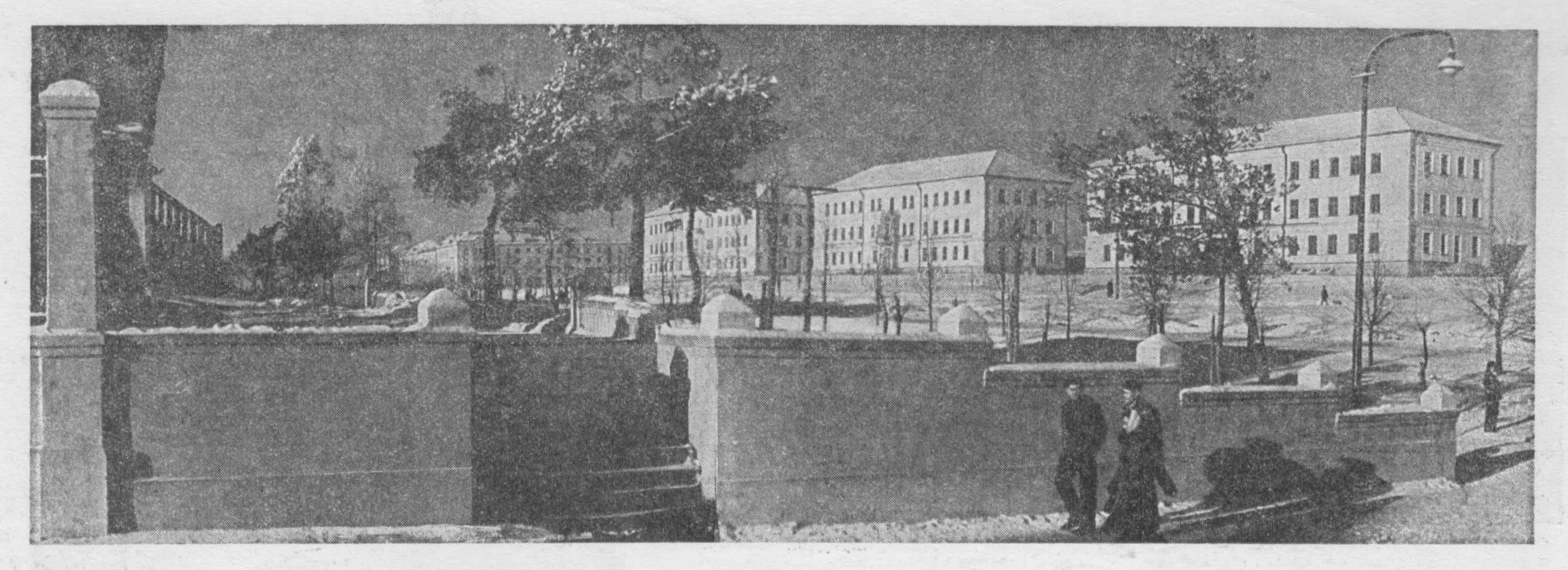
Жизнь и творчество Щедрина учат бдительности, стойкости, последовательности, самоотверженной преданности Родине, героической борьбе за лучшие идеалы человечества.

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин
(1826–1889)

К. Коровин "Зимой"

Улица в городке Минского автозавода.

АВТОЗАВОДСКАЯ СТОРОНА

Вспыхивает один огонек, вслед за ним второй... десятый... сотый... И вскоре уже невозможно сосчитать эти приветливые светлячки, мигающие, как звезды в небе, сливающиеся в огромный огненный ковер. Вечерние сумерки, которые начали было сгущаться, снова как бы бледнеют, они не в силах одолеть растущий поток света. Издалека кажется, что в небе стоит зарево. Это освещена Автозаводская сторона.

Шесть лет назад вечерами здесь было темно, хоть глаз выколи. Глухо шумели деревья, с двух сторон обступившие шоссе.

Но волей и трудовой отвагой людей раздвинулся лес и вырос посреди него чудесный городок, которому народ дал гордое имя «Автогрэд».

Так появился на белорусской земле новый избирательный округ — Автозаводский.

В вечерний час на улицах городка особенно оживленно. После трудовой вахты с завода возвращается очередная смена. Девушки и парни из заводского общежития спешат на занятия в вечерний техникум. Веселая гурьба ремесленников отправляется на каток.

Одни держат путь в агитпункт на лекцию, другие — в библиотеку Дворца культуры, третьи — в театр.

...Агитатор пришел в дом № 1 по улице Лизы Чайкиной. В одной из уютных, просторных квартир собрались жильцы дома. В тесном кругу за столом незаметно течет увлекательная беседа.

«Что дала трудящимся советская власть?» — такова тема сегодняшнего разговора. Берет слово домохозяйка, мать большой рабочей семьи, Анна Платоновна Сокольская:

— Вот мы здесь говорим о счастье. Я его вижу каждый раз, когда провожаю из дому своих на завод. Гляжу в окно и горжусь: семь Сокольских идут... Счастье, по-моему, в труде. Большая сила — труд человека. Эта сила помогла воздвигнуть нашу родную Автозаводскую сторону, украсила ее домами, клубами школами, музыкальным училищем, техникумами, детскими садами и яслями.

Большой путь за плечами самой Анны Платоновны. Вместе с мужем, сыновьями, братьями и сестрами работала она до старости в цехах завода малолитражных автомашин в Москве. Там и родилась производственная слава Сокольских. А когда в Белоруссии началось строительство Автозавода, Сокольские в числе лучших мастеров Московского, Горьковского и других автомобильных заводов страны прибыли в Минск на стройку.

Сокольские не жалели, что пришли «на пни». Они знали, что пней со временем не будет, что скоро здесь вырастет чудесный завод, такой же, как и в Москве, такие же улицы, дома, дворцы, как и в родной столице. Плечом к плечу с тысячами посланцев городов и сел Белоруссии, пришедшими строить автомобильный гигант, шла в трудовое наступление и семья Сокольских.

Возглавляет семью Валентин Борисович, старый кадровый рабочий, участник Октябрьских боев, ветеран гражданской войны, героический защитник Москвы в суровый 1941 год.

Рядом с отцом самый младший сын, Евгений, овладевший, как и отец, профессией наладчика сложнейших станков. Зять Федор — слесарь-заточник; сестра Елена — техник-учетчик; дочь Мария — работница центрального инструментального склада; вторая дочь, Тоня, старшая кладовщица цеха шасси; муж ее — слесарь по ремонту оборудования.

— Взвод Сокольских,— шутливо говорят об этой семье автозаводцы.

Семья коллективного стахановского труда — так можно сказать о Сокольских.

Вместе с социалистическим городком на окраине Минска выросли новые люди, гордые плодами своего труда.

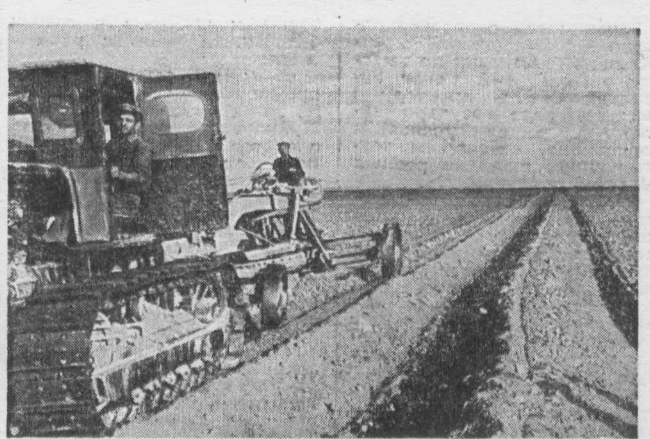
Мих. КАЛИНА

Семья Сокольских направляется на завод. Справа налево: Антонина, Мария, Евгений, Елена, Валентин Борисович, Федор и Тимофей.

Фото С. Фрида

В сердце Голодной степи

В Голодной степи прокладывается новая оросительная сеть. На снимке: Агрегат тракториста Т. Фирсова и грейдериста В. Тельнова за работой.

Фото Г. Ефимова

«Пахта-Арал» — «Хлопковый остров» — так называется крупнейший в Советском Союзе хлопковый совхоз, расположенный в Голодной степи. Вдоль оросительной сети тянутся голосы стройных тополей, могучих карагачей, ветвистых верб. Они надежная защита плантаций от суховеев и песчаных бурь. Сотни красивых белых домиков почти круглый год утопают в густой зеленой листве. В совхозе двадцать школ, семь клубов, четырнадцать красных уголков, заводы первичной обработки льна, маслобойный и искусственного льда, большие механические мастерские. В минувшем, 1950 году пахтааральцы добились выдающихся успехов в борьбе за урожай.

Примечательна история здешних мест. Четверть века назад вокруг простиралась мертвая, безжизненная земля. Единственными обитателями ее были зверь, гнус да птица прилетная. Полноправными властелинами степи были знойное южное солнце и ветер. Самым дорогим в пустыне считалась вода. «Если вам случится, — писал один из первых исследователей Голодной степи,— вдали увидеть караван, то вы заметите, что он поторопится скрыться от вас из опасения, чтобы вы не стали просить воду».

Вековая мечта о воде осуществилась только после Октября. В Голодной степи был построен крупный оросительный канал имени С. М. Кирова. С каждым годом у пустыни отвоевывались все новые плодородные земли. Возникли новые населенные районы. В самом молодом из них, носящем имя Сергея Мироновича Кирова, организовались двадцать два колхоза.

Во время прошлых выборов в Верховный Совет Казахской ССР здесь был образован Кзыл-Кумский — Кировский избирательный округ. Теперь округов стало два — Кзыл-Кумский и Кировский.

В Кировский избирательный округ вошли недавно созданные Жана-Далинский и Андреевский аульные Советы, на территории которых находится несколько новых колхозов — «Октябрь», «Жана-дала», «Кзыл-аскер», имени Кирова и другие. Сюда, на плодородные голодностепские земли, из северных районов Южно-Казахстанской области за последние три года переехали тысячи колхозных семей. Новоселы поселились в удобных домах, построенных государством, соорудили оросительную сеть и стали возделывать плантации «белого золота», развивать ценное каракулевое овцеводство.

Центр Кировского избирательного округа находится в Багаре. Еще совсем недавно это был малоизвестный населенный пункт. Сейчас Багара — большой поселок. Только за один прошлый год здесь построили много жилых домов, школу-десятилетку с интернатом, больницу. В Багаре возводятся лучший в области кинотеатр на пятьсот мест, вторая по счету больница, хозяйственные постройки.

Г. ИОДКО

Голос республики

Над картой Узбекистана склонились профессор Тиша Захидов и текстильщица Зухра Мирхашимова.

Фото О. Борисова

Закончилось очередное заседание Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет Узбекской ССР. В просторном высоком зале государственные дела решали ученый и колхозница, слесарь и текстильщица, люди из разных областей республики.

Над картой Узбекистана склонился ректор Среднеазиатского государственного университета профессор Тиша Захидов. Напротив него — работница Ташкентского текстильного комбината Зухра Мирхашимова. Они говорят об отдаленных районах Кара-Калпакской автономной республики.

— Этим районам нужно уделить особое внимание,— напоминает профессор.

Его поддерживает рабочий машиностроительного завода Николай Квардаков. Эти знатные люди Узбекистана являются членами Республиканской избирательной комиссии. Зухра Мирхашимова завершила пятилетку в 3 года 8 месяцев. Николай Квардаков с начала послевоенной пятилетки выполнил десять годовых норм.

Сорок тысяч мужчин и женщин избраны в окружные и участковые избирательные комиссии по выборам в Верховный Совет Узбекской ССР. Десятки тысяч партийных и непартийных большевиков неустанно ведут агитационную работу в кишлаках, аулах и городах.

Огромные изменения произошли в Узбекистане со времени прошлых выборов. Они ярко отражаются и в деятельности Центральной избирательной комиссии. В Узбекистане теперь на 12 избирательных округов больше, чем в 1947 году, во время предыдущих выборов.

В Ангрене и Беговате, символизирующих возрастающее индустриальное могущество Узбекистана, созданы новые избирательные округа. За последние месяцы сильно вырос и Нукус — столица Кара-Калпакии. Никогда еще не видала она такого множества инженеров, техников, геодезистов, гидрологов, как сейчас, в пору развертывания изысканий на трассе будущего канала.

Среди телеграмм, только что доставленных в Центральную избирательную комиссию, есть и донесения из новых избирательных округов, сообщения о ходе подготовки к выборам в самых отдаленных уголках республики:

«Общим собранием от профсоюза рабочих рыбзавода Уч-Сай второго аулсовета, Муйнакского района, избран в состав окружной комиссии по выборам в Верховный Совет Узбекской ССР тов. Тажимбетов Сагимбай. Председатель собрания Абдуллаев, секретарь Кильмухамбетов».

Это телеграмма из той далекой Кара-Калпакии, которую показывал на карте профессор.

Вот сообщение от скотоводов Бухары. Его несли пешие, везли на верблюдах и машинах и, наконец, передали по телеграфу из районного центра. Колхозники пасут скот в пустынной местности у колодца Жалгистау — от него до районного центра 250 километров. В день выборов они выполнят свой гражданский долг. Для них создан избирательный участок.

Из Ташкента в самые отдаленные районы республики уже давно отправились с радиостанциями учащиеся политехникума связи. С литературой и избирательной документацией они пробирались по безводным пустыням и извилистым горным тропам.

Один из отрядов этой необычайной экспедиции связался по телефону с Центральной избирательной комиссией:

— Мы находимся в Кок-Булакском районе. У нас все в порядке.

Получена телеграмма из Ахан-Гарана. Колхоз отправил скот в горы за 200 километров от районного центра. Как быть с чабанами? Как они смогут голосовать?

— Создать избирательный участок. Обеспечить скотоводам полную возможность выполнить свой гражданский долг,— последовал ответ из Центральной избирательной комиссии.

Пришла телеграмма из Муйнакского района Кара-Калпакии. Как передать в Ташкент сведения об итогах голосования рыбаков с далеких островов и, в частности, с острова Нурбай, расположенного в 245 километрах от районного центра Муйнак? Никто не может предусмотреть, будет ли ко дню выборов Аральское море покрыто льдом или удастся воспользоваться катером.

И вот принято решение:

— Направить на остров радиостанцию. Держать наготове катер.

Где бы ни были советские люди — рыбаки, пастухи, жители гор,— их голос будет услышан. Он сольется с голосом трудящихся всей республики.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Дневник ОГОНЬКА

ПЕВЦЫ МИРА

Когда кинорежиссер Ованесова поднялась на крышу прилегающего к стадиону высокого дома и посмотрела вниз, радость разлилась в сердце. Стадион Будапешта, где собрались участники фестиваля демократической молодежи, алел, словно распустившийся цветок.

Демократическая молодежь, как и все простые люди на земле, не хочет войны. Она стремится к новой, светлой, радостной жизни, какой живут юноши и девушки Страны Советов. Об этом в ярких, волнующих эпизодах рассказывает советский кинофильм «Юность мира». Об этом же рассказывала на вечере, посвященном лауреатам Международных премий мира, постановщик этого фильма кинорежиссер Арша Ованесова — лауреат Международной премии мира.

Неутомимым борцам за мир журналисту Юлиусу Фучику, поэтам Назыму Хикмету и Пабло Неруде, певцу Полю Робсону, художнику Пабло Пикассо, кинорежиссеру Луи Дакену и создателям фильма «Юность мира» посвятили этот вечер советские актеры, собравшиеся во Всероссийском театральном обществе.

Народная артистка РСФСР А. Г. Коонен и актриса Валентина Попова, поэты Маргарита Алигер и Павел Антокольский читали произведения Фучика, Неруды, Хикмета.

Поэт М. Матусовский прочел свои стихи, посвященные Юлиусу Фучику, Пабло Пикассо, Пабло Неруде.

Кинорежиссер Сергей Юткевич и артист Вейланд Родд рассказали о деятельности Луи Дакена и Поля Робсона и о своих встречах с ними.

В своем творчестве, как и в борьбе, прогрессивные деятели берут пример с Советского Союза.

«— Во мраке тюрьмы Бурсы лежит предо мною твоя фотография, Таня... Я люблю свою Родину так же, как ты. Мы коммунисты, Таня!» — обращается к героической советской комсомолке в поэме «Зоя» Назым Хикмет.

В стихах, воспоминаниях, рассказах, впечатлениях, в отрывке из спектакля Московского театра драмы «Прага остается моей», посвященном Юлиусу Фучику, вставали перед собравшимися яркие образы несгибаемых борцов, выразивших в искусстве непреклонную волю народов мира отстоять мир на земле.

И. СЕМЕНОВА

Лауреат Международной премии мира кинорежиссер Арша Ованесова рассказывает участникам вечера о своих встречах на фестивале. Слева направо: исполнитель роли Ю. Фучика заслуженный артист РСФСР С. Вечеслов, заслуженный артист РСФСР Г. Кириллов, заслуженный деятель искусств А. Ованесова. Артисты Вейланд Родд и В. Гердрих.

Фото Г. Капустянского

Тысяча номеров стенной газеты

Есть в Октябрьском районе Чувашии деревня Вурмакасы. Двадцать три года назад здесь по инициативе комсомольцев был выпущен первый номер стенной газеты на чувашском языке. Недавно колхозники отмечали выпуск тысячного номера этой газеты. Почти еженедельно в колхозе появлялась прекрасно сформленная, с любовью сделанная стенгазета.

В первых ее номерах публиковались материалы, разоблачавшие кулаков и призывавшие беднейших крестьян и батраков смело перестраивать свою жизнь. Но вот организуется колхоз, и стенгазета становится боевым рупором молодой сельскохозяйственной артели.

Колхозники ценят свою газету «Стахановец» за то, что она во-время откликается на злободневные вопросы, настойчиво добивается их разрешения. Газету любят за ее остроту, инициативу, яркое оформление.

Пятнадцать лет бессменным редактором стенной газеты состоит И. Андреев. Он начал свою редакторскую деятельность, когда был учеником 7-го класса. Сейчас он кладовщик и член правления укрупненного колхоза «Культура».

Редактор оказался не только умелым организатором селькоров, но и прекрасным художником-оформителем, работы которого в этой области получили хорошую оценку столичных художников.

Недавно были подведены итоги двадцатитрехлетней деятельности стенгазеты «Стахановец». Опубликовано более десяти тысяч заметок. Почти триста раз материалы стенгазеты, сигнализирующие о каких-либо недостатках в деятельности артели и отдельных колхозников, обсуждались на заседаниях правления и на общих собраниях колхоза.

Более двадцати раз стенгазета принимала участие в районных и республиканских выставках и всегда занимала первые места. В прошлом, 1950 году в столице Чувашской АССР Чебоксарах на республиканской выставке народного творчества стенгазета «Стахановец» была награждена дипломом первой степени.

В. РОМАНОВ

СТАХАНОВЕЦ

АЛАМЛАТПАЯ ХАЛТАШСЕМ!

НОВЕЦ

Илья Эренбург

(К 60-летию со дня рождения)

Фото О. Кнорринга

Мне кажется, что я по-настоящему понял Илью Эренбурга в тот день, когда незадолго до Великой Отечественной войны увидел его рядом с книжной полкой — не полочкой, а настоящей большой полкой, на которой стояли его, и только его, книги — те, которые он написал. Их было много — так много, что казалось почти невозможным, что все эти книги — толстые и тонкие, романы и рассказы, очерки и статьи, репортаж и стихи — написал один человек. Труд писателя — горы черновиков, десятки и сотни вариантов — вот что я увидел за границами этой книжной полки. Труд, который озаряет жизнь светом исканий, тревог и счастья.

Журналист, романист, поэт, Илья Эренбург всегда ненавидел капитализм, и самые острые страницы его книг отданы беспощадному анализу жестокости, несправедливости и лицемерия капитализма. Против него он направил самое сильное свое оружие — иронию!

И вот пришло время, когда все лучшие черты его таланта, весь его огромный опыт, все вдохновение ума и души соединились в одну целеустремленную силу, и эта сила была отдана защите Родины и ее идеалов.

Кто не помнит Эренбурга в великие годы войны? Это было в 42-м, когда, зайдя к нему в гостиницу «Москва», я нашел его «вписанным» — не подберу другого слова — в своеобразный пейзаж, состоявший из множества рукописей, лежавших на столе, на окнах, на бюро, на диване. Все это были его статьи, и каждую из них хотелось сравнить со снарядом.

По всему миру разносился тогда стук его машинки! К этому стуку прислушивались те, чей взор был с надеждой устремлен на Восток, в сторону Советской России. К нему с ненавистью прислушивались фашисты Германии — и не только Германии. Новая статья печаталась почти каждый день, но бывали дни, когда по две, даже по три статьи передавались по радио, появлялись в газетах. Они читались на фронтах и в тылу, читались с жадностью, и недаром командиры партизанских отрядов — об этом в Союзе писателей как-то рассказывал Тихонов — если разрешали раскуривать газетные страницы, то не те, где напечатаны статьи Эренбурга.

Вероятно, историки литературы задумаются над вопросом: не является ли военно-литературная деятельность Эренбурга — так она была названа в день награждения его орденом Ленина — своеобразным мостом между двумя романами: «Падение Парижа» и «Буря»? В самом деле, первый из них ознаменовал наступление бури войны, а второй, подведя итоги, объяснил глубокие причины победы. Оставим будущему решение этого вопроса. Ясно одно — выступал ли Эренбург в качестве публициста или романиста, он неизменно оставался мужественным участником той великой битвы за счастье человечества, которую ведет советский народ.

Но вот кончились суровые испытания войны, наша страна попрежнему высоко держит знамя борьбы за мир во всем мире — и Эренбург отдает свое перо этому благородному делу, с неутомимой энергией разоблачая зачинщиков новой войны — американских последователей Гитлера.

Представим себе на минуту, из чего состоит жизнь передового борца за мир, выдающегося писателя и журналиста. Это частые поездки в капиталистические страны, где через головы правительств он обращается к народу. Это речи перед огромными аудиториями, где среди друзей мира всегда может замешаться враг, провокатор. Это — умение одной удачной фразой опровергнуть низкую клевету на Советский Союз. Это — острое слово, которое, как ножом, вскрывает надутое ничтожество какого-нибудь наемного «философа» из херстовского треста. Это — искусство объединять усилия людей разномыслящих, которых связывает одно лишь могучее стремление к миру. Это способность вдохновлять равнодушных, зажигать усталых, убеждать колеблющихся.

Илье Григорьевичу Эренбургу исполнилось 60 лет. Еще недавно казалось, что годы войны были годами его расцвета. Но, читая его статьи в защиту мира, полные ума, вдохновения, иронии, невольно начинаешь думать, что вершина его творчества достигнута только теперь. Не будем загадывать: быть может, это ощущение еще повторится не раз!

В. КАВЕРИН

Судьба негритянского мальчика

Через Эльбу переправлялись репатрианты. Они шли изнуренные, изможденные, но радостные: уже близка любимая Родина.

В группе советских людей, возвращавшихся из фашистской неволи, шел черный мальчуган с курчавыми волосами. Ему было лет десять — одиннадцать. Легко было заметить, что мальчик окружен вниманием и любовью своих спутников, с которыми делил горести страшной жизни в концентрационном лагере.

У переправы к колонне подошел американец-майор.

— Стоп! Это «нигер», — заявил он. — Мальчик должен ехать в Штаты.

И, обращаясь к негру, майор сказал:

— Хелло, бой! Поедешь за океан! Там будет хорошо. Там много шоколада!

Но мальчика не соблазнил заокеанский шоколад. Он за последние недели уже успел почувствовать, что, собственно, нет большой разницы между гитлеровцами и американскими молодчиками, которые не скрывали своего презрительного отношения к неграм. Сколько раз мальчику доводилось слышать: «Эй ты, черный!» За грубым окриком следовал пинок ногой. И еще он почувствовал: советские люди, с которыми вместе он томился в лагере, — вот кто его настоящие друзья.

А сейчас этот долговязый майор предлагает ему ехать за океан. Мальчик посмотрел на американца своими большими глазами и твердо сказал:

— Нет! Я не поеду за океан. Я поеду с русскими. Мне хорошо с ними.

И мальчик продолжал путь на восток...

Это произошло в июне 1945 года с негритянским мальчиком Сашей Демидовым — так он себя называет.

Судьба закинула его вместе с отцом-моряком на Балканы. Отец погиб там, а мальчика гитлеровцы угнали в Германию, в концентрационный лагерь.

Советские воины освободили негра, и для него теперь началась новая жизнь. Приметы ее Саша ощутил сразу же, как только попал в советскую зону. Бойцы одной из частей, узнав, что негритянский мальчик — сирота, взяли его на воспитание. Саша Демидов был помещен в интернат при советской школе в городе Фюрстенберге.

...Сейчас перед нами стоит 16-летний юноша, ученик 8-го класса 3-й средней школы Минска.

Демидов отлично учится. По русскому языку, истории, литературе, географии, химии, немецкому языку у него четверки и пятерки. Он считает своим долгом помогать отстающим. На все у него хватает времени — и на учебу и на занятия музыкой, спортом, авиамоделизмом.

Саша — активный общественник. Он комсорг в 8-м классе, а у себя в детском доме — председатель совета отряда. Недавно Демидов рассказывал младшим товарищам о борьбе молодежи Индии за мир. Негритянский мальчик гневно говорил о поджигателях новой войны. Он особенно остро ощущает глубокий смысл слова «мир»...

Мир! В этом слове для него заключена и радость сегодняшней жизни и большие планы на будущее.

...Мы выходили из детского дома вместе с Сашей. На нем байковый лыжный костюм, шапка-ушанка, теплые перчатки, а на плечах лыжи.

— Хороший снег выпал. Подходящий день для прогулки.

Потом он окликнул шедших впереди мальчиков. И, обращаясь к нам, сказал:

— Извините. Я попрощаюсь с вами. Мы на лыжную прогулку собрались.

Три друга, один за другим, двинулись вперед по тихой заснеженной Грушевской улице.

С. ВЕРШИНИН

Три друга — воспитанники Минского детского дома — Коля Гукалов, Толя Долбещенко и Саша Демидов отправляются на лыжную прогулку.

Фото М. Минковича

ВВС—чемпион страны

Хоккейная команда Военно-Воздушных Сил (ВВС)—чемпион СССР. Крайний слева: капитан команды В. Бобров.

Фото Н. Волкова

Закончился розыгрыш первенства СССР по хоккею с шайбой. В нем принимали участие 12 сильнейших коллективов страны. После предварительных игр, которые проходили в Свердловске и Челябинске, финальная часть розыгрыша была проведена в Москве.

Прекрасных результатов добилась команда Военно-Воздушных Сил. Несмотря на сильный состав участников соревнований, она побеждала с рекордным соотношением заброшенных и пропущенных шайб.

Команда летчиков набрала наибольшее количество очков и получила звание чемпиона страны на 1951 год. Спортсмены ВВС показали в этом сезоне высокий класс хоккея: отличное владение клюшкой и шайбой, мастерство обводки, точные броски, а главное — редкую согласованность действий. Наилучшее впечатление оставляет игра В. Боброва, Е. Бабича и В. Шувалова.

Очень сильно начали сезон московские динамовцы. На предварительных соревнованиях в Челябинске они выиграли все встречи с хорошим соотношением шайб — 31 : 6. Однако в финальном турнире в Москве они проиграли две встречи летчикам, одну команде «Крылья Советов» и могли занять лишь второе место. На третьем месте оказался столичный коллектив общества «Крылья Советов» и лишь на четвертом — трехкратный чемпион страны — команда ЦДКА.

Семь месяцев военных действий в Корее

Обзор

П. КОЛОМЕЙЦЕВ

1

Вот уже семь месяцев в Корее идет война, развязанная американскими империалистами. Соединенные Штаты Америки бросили против Кореи крупные сухопутные, военно-воздушные и морские силы, но им не удалось сломить сопротивление мужественного корейского народа. Больше того, обстановка на корейском театре военных действий решительно складывается в пользу Народной армии, которая продолжает наносить врагу сокрушительные удары. Для того чтобы должным образом оценить военные успехи, достигнутые корейским народом в его героической борьбе за свою свободу и независимость, и составить некоторое суждение о перспективах этой борьбы, необходимо хотя бы в общих чертах рассмотреть ход боевых событий за истекшее время.

Военные действия в Корее можно подразделить на три основных этапа. Первый этап — с 25 июня до половины сентября прошлого года, когда части Народной армии, отразив нападение лисынмановских марионеточных войск, разгромили их, а вслед затем нанесли поражение по-разбойничьи вторгнувшимся в Корею американским войскам и загнали их в пусанский угол. Второй этап боевых действий начался со средины сентября новым наступлением интервентов, которым к ноябрю удалось достичь северных районов Кореи. Третий этап обозначился в конце ноября, когда войска Народной армии, приостановив продвижение противника на севере, нанесли ему мощный контрудар, переросший в наступление по всему фронту.

2

Американские империалисты и их наместник на Дальнем Востоке Макартур тщательно готовили план захвата Кореи. Детали этого плана с полной ясностью проявились в ходе практического его осуществления.

Расчёт брался на молниеносный разгром Корейской народно-демократической республики и быструю оккупацию страны, включая ее северные районы, чтобы оттуда совершить вторжение в Северный Китай. Поводом для интервенции в Корее должна была послужить гражданская война, спровоцированная марионеткой Ли Сын Маном по сигналу из Вашингтона. Агрессоры возлагали большие надежды на подготовленную ими южнокорейскую армию, предполагая использовать ее как ударный кулак на сухопутье и как ширму для прикрытия своей интервенции в Корее.

В области политической действия американских империалистов были направлены на изоляцию Корейской народно-демократической республики, на то, чтобы под предлогом «локализации конфликта» лишить ее моральной и материальной помощи со стороны миролюбивых народов. Это должно было, по замыслу американцев, обеспечить им наилучшие условия для того, чтобы быстро расправиться с намеченной жертвой и затем так же «локально» разделаться с очередной жертвой на пути к желанному мировому господству. Вслед за Кореей и Тайваном, по замыслу вашингтонских империалистов, должна была наступить очередь континентального Китая.

На деле, однако, провокация, рассчитанная на развязывание «корейского конфликта», привела к результатам, совершенно неожиданным для агрессора. Части Народной армии Корейской народно-демократической республики, отразив нападение марионеточных лисынмановских войск, наголову разбили их. Макартуру пришлось поторопиться с вводом в бой своих собственных войск, но они встретили такой отпор со стороны корейского народа и его армии, что вынуждены были обратиться в бегство. Лишь с большим трудом интервентам удалось удержаться на небольшом пусанском плацдарме; бои здесь приняли затяжной характер.

В ходе этих боев Народная армия освободила почти всю южную половину страны, где тотчас были проведены демократические преобразования. Реакционные силы в Корее, на которые так надеялись интервенты, подверглись полному разгрому и, лишенные внутренней опоры, фактически были сброшены со счета. Американские войска потерпели поражение в первых боях, но изгнать их с пусанского плацдарма корейцам все же не удалось; для ликвидации этого вражеского плацдарма, плотно насыщенного войсками и многочисленной боевой техникой, требовались дополнительные силы, которых у командования Народной армии, повидимому, не оказалось под рукой, в то время как интервенты высаживали в Пусане все новые и новые части.

Все это, однако, лишь тактическая сторона дела. Главный же итог первого этапа боевых действий состоял в том, что расчеты агрессора на быстрое овладение Кореей потерпели крах. Практически это означало не что иное, как провал плана войны, с такой тщательностью разработанного американскими империалистами. Уже в первых боях с американцами корейцы показали свою непоколебимую решимость беззаветно сражаться до полной победы над врагом; борьба приняла всенародный характер, что не сулило интервентам ничего хорошего. Но они все еще не теряли надежды поправить свои дела и спешно готовились к походу на Север.

3

В середине сентября прошлого года Макартур крупными силами начал широкое комбинированное наступление в Корее. Если в начале

войны американские войска действовали несколько разрозненно, что было обусловлено, очевидно, их растерянностью из-за непредвиденного хода событий, то теперь они наступали подвижной компактной массой, по всем правилам американской тактики.

Наступление танковых и пехотных дивизий на суше сочеталось с массированными ударами с воздуха и действиями крупных сил военно-морского флота у берегов Кореи. Благодаря господству на море интервентам удалось высадить в Инчоне (Чемульпо) шестидесятитысячный десант — 10-й корпус. Цель Макартура заключалась в том, чтобы ударом этого корпуса из Инчона на Сеул и одновременным наступлением 8-й армии с пусанского плацдарма зажать в «клещи» главные силы Народной армии, отходящие с юга, и уничтожить их в этом районе. Но это не удалось. Героическая оборона Сеула и умелые действия частей Народной армии, совершавших плановый отход с юга, не позволили противнику достичь главной цели своего наступления.

После этого Макартур пытался окружить войска Народной армии севернее 38-й параллели, когда они вели оборонительные бои на подступах к Пхеньяну и в районе его. Но и здесь из американских «клещей» ничего не получилось. Главные силы Народной армии, выполнив возложенные на них задачи, во-время выходили из-под удара.

В итоге этого важного этапа боевых действий интервентам удалось ценою огромных потерь достичь значительного территориального успеха; они продвинулись в глубь Кореи, дойдя до ее северных районов. Но исход такой народной, освободительной войны, какую ведет корейский народ, не решается одним захватом пространства. Освободительная война продолжается до тех пор, пока существуют силы, способные ее вести. Народные армии, ведущие такую войну, чрезвычайно жизнеспособны, потому что базой их существования является народ с его непреклонной волей к борьбе и победе. И то, что происходит в Корее, еще раз подтвердило эту непреложную истину, которой в ослеплении пренебрегают империалисты.

Продвинувшись на 500 километров в глубь страны и оказавшись в гуще корейского народа, войска американских интервентов столкнулись с неразрешимой для них проблемой закрепления захваченной территории. Они пытались решить эту проблему методами гитлеровцев, то есть путем массового истребления населения. Но нельзя уничтожить народ, который организованно борется за свое существование, свою свободу и независимость. В тылу интервентов, вышедших в северные районы Кореи, образовался сплошной фронт партизанской борьбы. Имея за спиной такой тыл, американские войска не могли обрести тактической устойчивости, и это сказалось сразу, как только войска Народной армии, сохранившие свою боеспособность, нанесли мощный удар с фронта.

После занятия Пхеньяна захватчики очертя голову продолжали наступление на север. Макартур поставил своим войскам задачу быстро, рывком выйти к маньчжурской границе,— этим, по его расчетам, должно было завершиться завоевание Кореи и превращение ее в исходный плацдарм для последующего вторжения в Китай. Как известно, американцы начали совершать воздушные налеты на Северный Китай еще с августа прошлого года, но особенно широкий размах эти налеты приняли в октябре — ноябре, когда на приграничные районы Маньчжурии распространила свои действия и тактическая авиация американцев, непосредственно взаимодействующая с сухопутными войсками.

Войска интервентов вели наступление на севере Кореи двумя ударными группировками. Наиболее мощной из них была западная (8-я армия, включавшая в себя 1-ю механизированную, 2, 24 и 25-ю американские пехотные дивизии, английскую бригаду, 5—6 лисынмановских дивизий и отдельные части других американских вассалов). Сосредоточенная у реки Чхончхоньган, эта группировка была нацелена на пограничный район в нижнем течении реки Ялуцзян, где расположены корейский город Синыйчжу и китайский город Аньдун.

Другая группировка войск интервентов — назовем ее северо-восточной — состояла из двух дивизий 10-го американского корпуса и двух лисынмановских дивизий, а позже была дополнена 3-й американской дивизией. Сосредоточенная в прибрежном районе северо-восточной Кореи, эта группировка начала продвигаться на север вдоль основных горных дорог. От порта Хыннам в направлении водохранилища Чхосинь наступала 1-я американская дивизия морской пехоты, а от Сончжина на Килчу и далее на Хесаньчжинь — 7-я американская дивизия; по прибрежной дороге прямо на север наступали две лисынмановские дивизии. Такова была расстановка сил интервентов, когда они приступили к «завершающему» этапу своего большого наступления в Северной Корее.

4

Военные действия состоят из непрерывной цепи боев, приводящих к тем или иным тактическим результатам, которые могут изменяться в процессе дальнейшей борьбы. Но рано или поздно боевые действия войск неизбежно перерастают в решающее сражение, предопределяющее собою исход войны. Такое сражение произошло в конце ноября в Северной Корее — в районе реки Чхончхоньган. Командование Народной армии дало решающий бой интервентам в тот момент и в том месте, где было ему выгодно по стратегическим и тактическим соображениям.

Битва в районе реки Чхончхоньган, в которой рядом с корейскими воинами сражались доблестные китайские добровольцы, закончилась разгромом главной ударной группировки агрессора. Следует заметить, что в этом сражении интервенты, не уступая своему противнику в численности людского состава, имели на своей стороне подавляющее превосходство в боевой технике. Но последнее было сведено на нет весьма искусными действиями войск Народной армии; это с военной точки зрения, говоря вольным языком, была красивая, изящная и умно проведенная операция. За ее внешним изяществом скрывается высокое боевое мастерство и непреклонная воля к победе мужественных воинов Народной армии и их славных соратников — китайских добровольцев.

Столь же искусно командование Народной армии провело операцию по разгрому северо-восточной группировки вражеских войск. Эта группировка была разрезана на части, и главные ее силы попали в окружение в районе водохранилища Чхосинь. Позже остатки войск 10-го американского корпуса, отброшенные к восточному побережью, бежали морем, погрузившись на корабли. В декабрьских боях в районе р. Чхончхоньган и в районе водохранилища Чхосинь интервенты потеряли 50 тысяч солдат и офицеров и много боевой техники.

Развивая наступление, войска Народной армии и китайские добровольцы продолжали гнать 8-ю американскую армию на юг. 6 декабря они освободили Пхеньян, а к концу декабря изгнали интервентов из Северной Кореи.

Потерпев поражение в Северной Корее, Макартур прилагал отчаянные усилия к тому, чтобы стабилизировать фронт. Но это ему не удалось. В конце декабря войска интервентов в составе четырех американских и восьми лисынмановских дивизий заняли прочную линию обороны вдоль 38-й параллели. В результате мощного наступления, начатого войсками Народной армии и китайскими добровольцами накануне нового года, эта линия обороны противника была прорвана, и занимавшие ее американские, английские и лисынмановские части подверглись новому сокрушительному разгрому.

Сбитый с основных позиций противник пытался удержаться на подступах Сеула. В первых числах января здесь развернулись ожесточенные бои, закончившиеся освобождением столицы Кореи и ряда других городов, в том числе Инчона (Чемульпо). В дальнейшем на этом западном участке наступление частей Народной армии и китайских добровольцев продолжалось на юг; 12 января был освобожден Сувон и ряд других пунктов в этом районе.

В центре местом ожесточенных боев был город Вончжу и весь район в изгибе реки Ханган; это направление выводит на центральную дорогу, которая связывает Сеул с юго-восточным районом Кореи. Туда же идет дорога, проходящая вдоль восточного побережья. Эти три дорожных тракта: Сеул — Тэчжон — Тэгу — Пусан (западная дорога), Сеул — Аньдон—Пусан (центральная дорога) и Каннын — Пхохан — Пусан (восточная дорога) — являются осями, вокруг которых развернулись ожесточенные бои. Центр тяжести этих боев все время перемещается с одного направления на другое по почину войск Народной армии и китайских добровольцев, прочно удерживающих инициативу и преодолевающих упорное сопротивление противника.

* * *

Военные действия в Корее вступили в свою решающую стадию. Авантюристическая тактика Макартура, порожденная столь же авантюристической стратегией и политикой американского империализма, терпит крах. Теперь усилия интервентов направлены к тому, чтобы получить передышку, пополнить запасы пушечного мяса и затем с новой яростью броситься на свою жертву. Но корейский народ это прекрасно понимает и полон решимости довести до конца освобождение своей страны.

ТРАКТОРИСТЫ СТАНЦИИ ОЛЕШНА

Крестьянство Чехословакии твердо встало на путь строительства новой жизни. Крепнут единые сельскохозяйственные кооперативы, растет количество машинно-тракторных станций.

Государственная машинно-тракторная станция в селе Олешна лучшая в Пражской области.

Осенью прошлого года трактористы этой станции вспахали девять тысяч гектаров земли, перевыполнив план полевых работ в полтора раза.

Своими трудовыми успехами трактористы убедили многих крестьян села Олешна в преимуществах коллективной обработки земли. Сейчас трактористы Олешны связаны договорами с шестнадцатью едиными сельскохозяйственными кооперативами.

В зимнюю пору коллектив государственной машинно-тракторной станции Олешна упорно учится.

— Все проверено, все в порядке — таков наш лозунг к весне! — говорит тракторист Мирослав Дворжак своему товарищу по бригаде Мирко Амлеру.

Фото Чехопресс

Я вновь увидел Испанию

Поль ХОГАРТ

Поль Хогарт — известный английский художник, член исполнительного комитета прогрессивной Международной ассоциации художников. Картины и рисунки Хогарта отражают острые социальные темы современности.

Будучи студентом, Хогарт поехал в Испанию и сражался там за свободу испанского народа в рядах английского батальона Интернациональной бригады. Недавно художнику удалось снова увидеть Испанию — он был командирован туда английским журналом «Лидер». Однако острые рисунки и статьи Хогарта, разоблачающие франкистский режим, не были напечатаны ни в этом журнале, ни в других буржуазных изданиях.

Поль Хогарт присутствовал на Втором Всемирном конгрессе сторонников мира в Варшаве в качестве специального корреспондента-художника газеты «Манчестер гардиан».

Публикуемая ниже статья об Испании написана и иллюстрирована П. Хогартом по просьбе редакции журнала «Огонек».

Я снова в Испании. О, как не похожа она на ту страну, которую я знал, когда добровольцем сражался на Эбро! Сегодня передо мной лежит фашистская Испания. За любым приезжим здесь следят от самой границы — с момента его прибытия и до отъезда из страны. Повсюду, даже останавливаясь на частной квартире, он вынужден заполнять бесконечные анкеты, содержащие сведения, которые нужны полиции.

Для туриста эта слежка — не очень большое неудобство: тайная полиция Франко умеет не выдавать своего присутствия. Но зато ваш глаз поражает обилие вооруженных до зубов отрядов «закона и порядка»: повсюду вам попадаются патрули полицейских и гражданской гвардии, с пистолетами у поясов, с карабинами и автоматами через плечо. Они непрерывно обходят улицы, сторожат дороги, сопровождают все поезда, их можно увидеть у общественных зданий и силовых станций. Создается впечатление, что страна находится в состоянии войны. Тайных и явных агентов, по словам испанцев, больше даже, чем нищих, которых в Испании очень много.

По пути в Бильбао я проезжал через Гернику. Этот город, разрушенный с воздуха гитлеровским легионом «Кондор», много лет оставался заброшенным и только недавно был частично восстановлен. Немало других городов в стране басков до сих пор представляет собой груды развалин...

После непродолжительного пребывания на баскском побережье я продолжил свой путь в Овиедо — столицу Астурии. Из этого города я собирался предпринять ряд поездок в угольные районы.

Чтобы избежать встреч с назойливыми полицейскими, я решил было бо́льшую часть своих рисунков сделать, сидя в машине, но это лишило бы меня возможности разговаривать с людьми...

Город Овиедо имел такой вид, словно отмер какой-то нерв, дававший ему жизнь. Здесь не говорят уже о разрушениях, причиненных войной, но разрушения эти прежде всего бросаются в глаза. Прекрасный собор XIV века, одна из башен которого была превращена бомбежкой в бесформенный обрубок, стоит в глубине древней площади. А напротив висят плакаты, превозносящие венгерского кардинала — предателя Миндсенти — и объявляющие поход против «марксизма и масонства». Реакционная деятельность католической церкви чувствуется по всей стране гораздо больше, чем забота о восстановлении архитектурных сокровищ испанского народа...

То тут, то там кварталы жилых домов и административных зданий современного типа перемежаются со скрюченными остатками разрушенных строений. На окраинах города, где республиканские и фашистские войска ожесточенно боролись более двух лет, целые районы еще не очищены от развалин. Большие таблицы нелепо именуют их «зонами национальной реконструкции».

В магазинах есть все, что могло бы потребоваться рабочей семье. Но цены на продовольственные и промышленные товары очень высоки: за килограмм белого хлеба рабочий должен отдать весь свой дневной заработок. Благоприятный для туристов курс обмена денег значительно снижает стоимость жизни для иностранцев.

Книжные магазины Овиедо, подобно книжным магазинам большинства испанских городов, забиты макулатурой — романами об американском «диком западе» и дешевыми юмористическими журнальчиками.

Во франкистской Испании нет бесплатных библиотек. Всякие книги являются здесь предметом роскоши, покупать их могут только богатые люди. Эта изоляция народа от культуры типична для политики испанского фашизма. Фашизм уничтожил культурное наследие страны. Где испанские талантливые поэты, писатели, художники, музыканты, педагоги, ученые? Рассеянные по всему свету, они живут, как беженцы и изгнанники, оторванные от родной земли. Не в этом ли одна из величайших трагедий испанской современности?

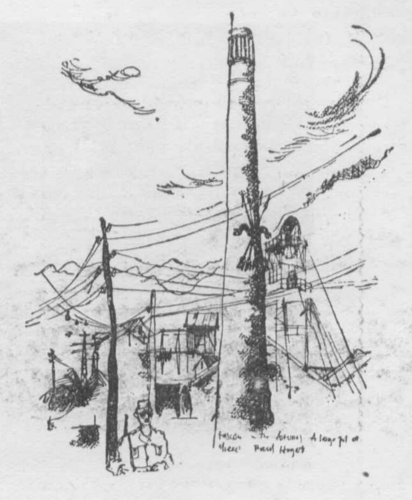
Возле гостиницы, где я остановился, высятся мрачные казармы. Когда-то их не раз штурмовали астурийские шахтеры-динамитчики. На больших наклонных стенах еще сохранились выбоины от шрапнели и пуль. Бесконечные ряды маленьких окошек загорожены ржавыми железными решетками. На галерее стоят вооруженные автоматами солдаты штурмовой охраны, воинственно взирающие на прохожих. В Овиедо, как и везде, на каждой улице вы встречаете вооруженную полицию и воинские части. А вокруг казарм раскинулся старый рабочий квартал — густо населенный лабиринт нищеты и развалин...

* * *

Автобус до Пола де Лена отходит каждое утро в восемь часов с маленькой площади, неподалеку от казарм Санта Клара. Незадолго до отправления водитель делает перекличку пассажиров, купивших билеты. При этом гражданская гвардия тщательно оглядывает каждого. Только после этого все садятся в автобус: шахтеры, крестьяне, женщины в черном, с усталыми, морщинистыми лицами. Включается мотор, и автобус катит по улицам, погруженным в гнетущую тишину.

От Овиедо дорога идет через опустошенные предместья. Несколько минут спустя город остается внизу, в долине. Извилистая, словно нарисованная на театральной декорации, дорога продолжает подниматься кверху. Мы миновали несколько шахтерских поселков. Боже, как живут там люди! Большинство шахтеров с семьями ютится в полуразвалившихся лачугах, еле держащихся на подпорках. Кажется, что война окончилась здесь каких-нибудь два года назад. Повсюду на стенах домов — плакаты с портретом Франко, глупо улыбающегося на манер голливудской кинозвезды. То тут, то там можно еще видеть на стенах следы прошлого: старые республиканские лозунги и наляпанные поверх них надписи марокканцев и лозунги генерала Мола. История говорит здесь языком стенных надписей.

Солнце уже жарко палит. Дорога круто поворачивает в сторону, и мы въезжаем на длинную главную улицу Мьереса.

Мьерес — один из крупнейших центров угольного бассейна Астурии. Он расположен в долине, окруженной горами, и мог бы сойти по виду за уэльский горняцкий городок. Мьерес, как большинство городов и поселков Астурии, славен своими боевыми традициями в борьбе с фашизмом. Именно из Мьереса выступило в 1934 году в Овиедо крупнейшее соединение вооруженных шахтеров для участия в астурийском восстании, а оставшиеся отряды пять дней задерживали генерала Очоа и его марокканских головорезов. После того как восстание было подавлено, марокканцы и наемные палачи из иностранного легиона начали самую кровавую в истории Испании расправу. Они методически сжигали все города и деревни, расположенные на пути от Кантабрийского прохода до Овиедо.

А что же сегодня? Сегодня марокканцы снова оккупируют все города и поселки каменноугольного бассейна. Если вспомнить все их зверства, то нет ничего удивительного, что шахтеры подымаются со стульев и уходят из кофеен и кабачков, как только там появляются марокканские солдаты. Пожалуй, ни в одном другом районе Испании не встретишь более лютой и закоренелой ненависти к фашистским палачам, чем здесь. И, разумеется, ни в одном другом районе страны не приходилось мне видеть такого огромного количества фашистских войск.

По всей Астурии ведется тщательное наблюдение за шахтерами, рабочими заводов, электростанций. Франко прекрасно понимает, что этот район — один из самых непреклонных в борьбе против его режима. И все-таки, несмотря на террор, рабочие, особенно шахтеры, ни на минуту не прекращают борьбы. Партизанские отряды в горах поддерживают тесную связь с подпольными группами на шахтах и заводах. Недаром в этих местах поезда конвоируются вооруженными отрядами полиции, охраняются все мосты и контролируется все движение на дорогах.

В Пола де Лена мы приезжаем в полдень. В кафе у вокзала я зарисовываю одного марокканского пехотного офицера. Затем я хочу сделать набросок сидящего поблизости пожилого шахтера с суровым лицом. Но горняк не разрешает мне этого. Лишь только после того, как я ясно даю ему понять, что я не фашист, он соглашается и в знак доверия предлагает мне свернуту папиросу. Когда он поворачивается на стуле, я вижу деревянную ногу. «Это в 1934 году»,— говорит он, не дожидаясь моего немого вопроса.

— Чем может похвастаться Франко после этих полутора десятков лет? — задаю я ему вопрос.

— Что касается шахтеров,— ничем,— отвечает мой собеседник. — Его ненавидят за все, что

он сделал и продолжает делать. У нас никто не хочет иметь с ним что-либо общее...

Он заканчивает так:

— Рука каждого направлена против фашистов. И фактически очень мало таких, которые не наносят ударов...

* * *

После полудня я прибыл в Леон. Зеленые окрестности города — полная противоположность суровой Астурии. Перед фешенебельными клубами и гостиницами на главной улице рядами стоят блестящие американские машины. А на окраине все те же страшные раны войны. Среди разбитых стен заброшенных заводов поднимается из самодельных труб дым. Я спросил, что это. Мне ответили: это подземные жилища рабочих семей.

Я собирался посетить еще Белчите и Каспе, но из-за плохих дорог пришлось от этого отказаться. Сеть шоссейных дорог вокруг Примо де Ривера за время гражданской войны пришла в негодность, и с тех пор дороги фактически не ремонтировались. От Сарагоссы я направился по трассе Мадрид — Барселона и через некоторое время остановился в одной деревне на Эбро.

Был полдень. Солнце сияло, отбрасывая на белоснежные стены острые, как бритва, тени. В кузнице большая группа мужчин и детей окружила кузнеца и плотника, занятых ремонтом молотилки. Пахло свежераспиленной сосной. На кучах опилок играли дети.

Я зашел спросить, где найти человека, обслуживающего бензоколонку. Я почувствовал, что должен остаться и поговорить с этими людьми. Когда-то я близко знал их, но это было очень давно, и я не пенял на них за то, что

они не сразу отвечали на мои вопросы. Я обратился к кузнецу и заговорил о прошлом. Сначала он был сдержан, но когда я рассказал ему о себе, он стал дружелюбнее.

— Да, фронт проходил здесь, — сказал он мне. И добавил совершенно открыто, при всех: — И сейчас проходит!

Он продолжал говорить о боях, которые шли за эти деревни, о частях Интернациональной бригады, которые здесь стояли. Это были части имени Гарибальди и имени Тельмана, а неподалеку — имени Домбровского и Линкольна. С любовью он вспоминал о русских.

Все внимательно примолкли, когда один старый крестьянин стал вспоминать о переправах республиканских войск через Эбро, предшествовавших вторичному взятию Гандезе. В кузнице воцарилась дружеская атмосфера воспоминаний. О прошлом говорили так, как будто все это было только вчера. И воистину трудно было представить себе, что теперь здесь все идет по-другому.

Внезапно вбежал подросток, предупреждая, что сюда направляется «чивиле» — охранник из «гражданской гвардии». Было ясно, что вся присутствовавшая здесь молодежь была настроена антифашистски. Это ли не лучшее доказательство упорного сопротивления испанского народа фашистской идеологии, неустанно насаждаемой в школах!

Много безымянных могил погибших республиканцев разбросано по пустынному берегу Эбро. Фашисты осквернили могилы республиканцев почти сразу же после окончания войны, но местные крестьяне погребли борцов за свободу в других местах.

Я прошелся пешком по дороге, ведущей в Лериду. То тут, то там бело-зеленые пятна оливковых рощ оживляли местность. Сопровождавший меня кузнец говорил, что война продолжается и что в районе между Сарагоссой и Леридой и дальше на юг — к Беличите и Гандезе — активно действуют партизанские отряды.

Крестьяне, помогающие партизанам, жестоко расплачиваются за это. С шоссе Сарагосса—Лерида видны развалины их домов и заброшенные поля. Но крестьяне не могут и не хотят забыть аграрную реформу республики. И они оказывают партизанам всяческую поддержку. Именно эта поддержка позволяет усиливать борьбу.

— Сколько уже это продолжается лет, вы только подумайте! — скажет вам испанец и добавит: — И как только они живут там, в скалах!

Как бы то ни было, борцы за свободу Испании живут, черпая силу в единодушной ненависти народа к режиму Франко...

В Лериде я остановился в маленькой гостинице близ главной улицы. Подавая мне ужин, официант поведал, что он пытается покинуть Испанию. Он добавил, что это можно сделать, если найдется достаточно денег, чтобы купить необходимые документы. Как выяснилось, официант сражался в рядах республиканцев, бежал во Францию и провел некоторое время в концентрационном лагере Ле-Верно. В 1942 году он был освобожден и четыре года работал в Бордо и Марселе. В Испанию он вернулся по случаю так называемой «амнистии» 1946 года. Но ему пришлось провести еще целый год в тюрьме.

Он подтвердил сведения об активных действиях партизан. Было ясно, что человек этот уже давно стоит в стороне от борьбы, что дух его сломлен годами тюремного заключения. Относясь ко всему с горьким безразличием, он хотел бы эмигрировать в Мексику, Англию — все равно куда. Заработка его — 20 песет в день — не хватает на многодетную семью. Я рассказал ему о том, что видел в Астурии. Оказывается, он не знал, что марокканские войска вернулись в провинцию. Это очень характерно: лишь немногие испанцы знают, что происходит в стране.

На следующий день я покинул Лериду и вскоре пересек границу Франции.

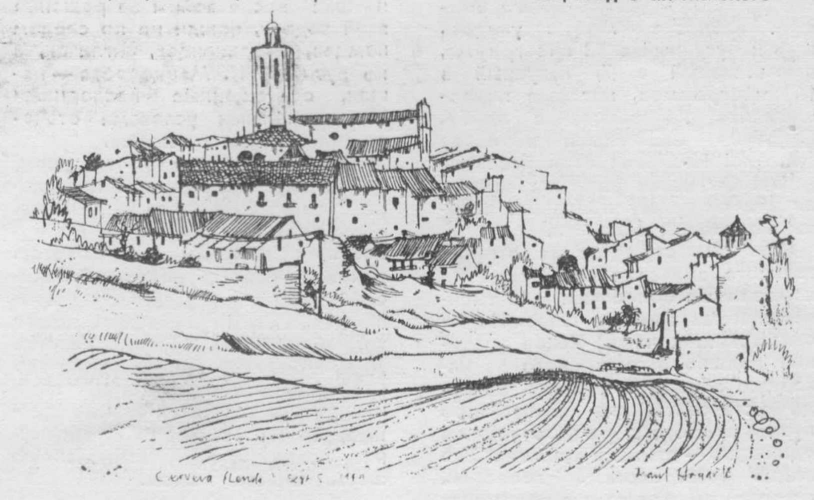
За четыре недели пребывания в Испании у меня накопилось много впечатлений. Из них можно выделить основные. Фалангисты говорили, что они строят «новую Испанию». Мы слышим об этом много лет, но страна никогда не была такой нищей и опустошенной, какой она является теперь. Четыре вида секретной полиции и вооруженные охранники следят, шпионят и наблюдают за жителями. Некоторые районы, где активно действуют партизаны, негласно находятся на военном положении. С 1939 года в общей сложности три миллиона испанцев было брошено в тюрьмы и концентрационные лагери.

Фашистские реакционеры задерживают какое бы то ни было восстановление хозяйства. Тысячи семей живут в условиях, не поддающихся описанию: в подвалах, в лачугах, из которых состоят целые города. И в то же время повсюду в Испании идет строительство аэродромов, казарм, роскошных квартир и гостиниц.

Несмотря на террор, испанцы бесстрашно высказывают свое мнение о фашистском режиме, высказывают его повсюду: на улицах, в кафе и тавернах, у себя дома. Фашистский режим не может заставить людей молчать. Этот режим ненавистен народу. Кроме того невозможно же посадить за решетку все население!

За пределами Испании среди изгнанников и верных ее патриотов ширится движение за свободу испанского народа. В этом движении сочетаются борьба за мир, борьба за сплочение всех подлинных патриотов Испании, которые не хотят видеть свою страну порабощенной американским империализмом. Это борьба за установление демократической республики в Испании.

Перевод с английского

Случай в Рио де Жанейро

Поучительная сцена разыгралась в «Копакабане», фешенебельном отеле в Рио де Жанейро. Эту гостиницу с некоторых пор облюбовали американские бизнесмены, дипломаты и генералы, налетающие густыми стаями в столицу Бразилии.

Разнузданное хозяйничание этих господ и агрессивная политика Уолл-стрита давно уже вызывают возмущение в стране. Очевидно, чтобы смягчить недовольство, правящие круги США решили организовать широкую кампанию «американо-бразильского сближения».

Для открытия ее был приглашен известный американский боксер Джо Луис. По мнению руководителей кампании, выступление Джо Луиса, в свое время завоевавшего абсолютное мировое первенство по боксу, должно было пользоваться особым успехом.

Американизированная бразильская печать усердно расписывала значение приезда этого «посланца доброй воли».

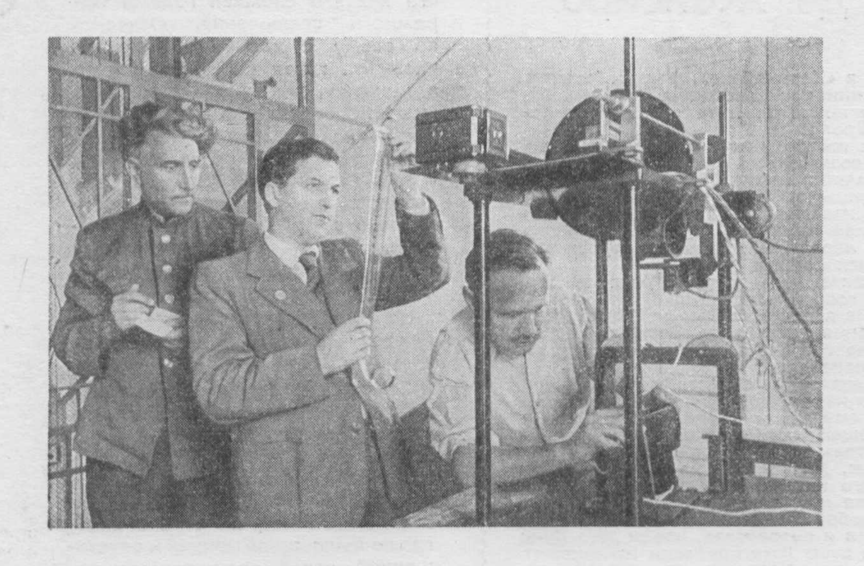
Наконец событие совершилось. На аэродроме Рио де Жанейро из самолета вышел Луис, и бразильские устроители встречи, груди которых распирало от не бесплатно взволнованных чувств, торжественно повезли гостя в отель «Копакабане».

Джо Луис решил не мешкать. Едва войдя в вестибюль отеля, он обратился к находившейся здесь многолюдной аудитории жильцов с горячей речью в духе данных ему наставлений. Он говорил о «прекрасной свободе», господствующей в США, об их «цивилизаторской роли» и многих других трогательных вещах.

Увлеченный своим красноречием, Джо Луис не замечал, как белели и багровели физиономии его нечаянных слушателей — американских бизнесменов, дипломатов и генералов. Но когда оратор сделал паузу, выжидая шумных одобрений аудитории, к нему подошел дежурный администратор отеля и потребовал, чтобы Джо Луис немедленно покинул гостиницу: на этом категорически настаивают постояльцы, дорогие соотечественники проповедника «американских свобод». Луису пришлось подчиниться.

Полагаем, что читатель догадался о причинах такого переполоха. Джо Луис — негр.

ФАБРИКА ТОЧНОСТИ

В лаборатории Института метрологии (слева направо): научные сотрудники А. И. Марциняк, лауреат Сталинской премии П. Н. Агалецкий и К. Н. Егоров у аппарата для изучения закона свободного падения тел.

На проспекте имени Сталина в Ленинграде расположен институт, который называют «фабрикой точности». Это Научно-исследовательский институт метрологии имени Д. И. Менделеева.

Здание института увенчано башней с часами, вошедшей в архитектурный ансамбль Ленинграда, так же как шпиль Адмиралтейства. По башенным часам издавна проверяют время. Еще бы: здесь, в подвалах, хранятся самые точные часы. Отсчитываемое этим механизмом время является эталоном. Тут же эталоны длины и массы, электрических единиц, температуры, силы света.

Недалек день, когда в список государственных эталонов, созданных советскими учеными, войдет еще один. Его не нужно будет хранить, как многие другие, с величайшей осторожностью в подвалах или сейфах, оберегая от изменения температуры и колебаний почвы. Это будет своеобразная единица измерений, выраженная не куском металла или точнейшим прибором, а... одним шестизначным числом.

В башне, построенной полвека назад Д. И. Менделеевым, устроена труба, идущая вертикально через все здание: 22 метра над поверхностью, 16 метров под землей. Она предназначалась для определения силы тяжести. В музее Д. И. Менделеева — его бывшем кабинете — можно увидеть шары: чугунный в 32 килограмма, алюминиевый в 7, латунный в 16 килограммов, которые подвешивались на тросах в трубе. С этими маятниками и начал Дмитрий Иванович свои исследования. Он искал решение задачи, начало которому положили законы Галилея и Ньютона.

Известны определения относительного значения силы тяжести, измеренные более чем в 10 тысячах пунктах земного шара. Но по отношению к чему? Какое значение должно быть принято за исходную абсолютную меру? Ее надо установить для какого-либо пункта земного шара по основным единицам — длины и времени. Это важно метрологам, геологам, астрономам для самых различных точных измерений.

Поиски упорно велись, но, как писал Дмитрий Иванович за два года до смерти, успешность усилий «составляет дело предстоящей впереди работы, труд которой ляжет преимущественно на... моих помощников по Главной Палате, и я надеюсь, что они доведут это дело до возможного конца».

Его ученики продолжили уточнение сведений, «представляющих не мало сомнительного».

Занимались этой проблемой ученые всех стран мира. Шесть лет наблюдали за качанием маятника в Потсдаме. В начале нашего века выводы немецких ученых было решено считать исходной мерой. Все исчисления шли по отношению к Потсдаму: «В данном пункте ускорение на столько-то единиц больше, чем в Потсдаме». Но скоро оказалось, что сама исходная мера не точна. Производили длительные эксперименты американцы — у них получались данные, отличные от немецких. Четыре года следили за качанием маятника из легкого сплава англичане — и снова итог разошелся и с немецким и с американским.

Какое же числовое значение принять за исходную меру? Кому верить? Ни одна страна не могла представить на регулярно созываемые международные конференции достоверные показатели.

Советские ученые, вновь принявшись после войны за решение этой задачи, пошли не по следам немцев, американцев, англичан, а по пути Д. И. Менделеева — пошли, обогащенные последними блистательными успехами отечественной науки и техники.

Испытания шли день за днем, год за годом, упорные и тщательные, смелые, а часто и дерзкие, с ошибками и неудачами. Но небольшой коллектив метрологов, руководимый лауреатом Сталинской премии кандидатом технических наук П. Н. Агалецким, нашел то, что искал. Дело, начатое Д. И. Менделеевым, доведено «до возможного конца», теперь надо накопить экспериментальные данные, чтобы всесторонне обосновать исходную меру, выраженную шестизначным числом.

Л. ФЕДОРОВ

Советские магнитофоны

Поздно ночью или рано утром вы нередко слушаете передаваемые по радио концерты мастеров искусства, ансамблей песни, симфонических оркестров.

Но если заглянуть в радиостудию, то там, кроме диктора, никого нет. Зато в аппаратной можно увидеть аккуратные стопки картонных коробок, в которых хранятся как бы законсервированные звуки, и магнитофон — аппарат, внешне похожий на невысокий шкаф. С помощью магнитофона записывается и воспроизводится мир звуков во всем его разнообразии: музыкальные произведения, живая речь и гул самолета, завыванье ветра, шум поезда и гудки автомобилей.

Магнитофон — самый юный, самый «одаренный» отпрыск в семействе, где старшинство принадлежит фонографу и его сыновьям — граммофону, патефону. «Младший» брат отличается от своей родни: у него нет мембраны и иглы, он не нуждается в пластинке, на которой проложена звуковая дорожка.

В магнитофоне звуковые колебания преобразуются микрофоном и усилителем в электрические. Невидимыми магнитными линиями они наносятся на узенькую ленточку, покрытую слоем ржавчины, или, как говорят химики, окиси железа. Рулон, диаметром равный граммофонной пластинке, заключает в себе звучание на 25—30 минут, почти в десять раз больше, чем умещается на обычной пластинке.

Магнитная запись обладает многими преимуществами по сравнению со всеми другими видами записи. Она очень долговечна: пленка почти не изнашивается; радует чистотой звук, который лишен неприятного шипящего фона. Запись изготовляется сразу, ее не надо дополнительно обрабатывать; а если она больше не нужна, ее легко стереть, то есть размагнитить, а пленку — использовать под другую запись.

За последнее время советские инженеры-конструкторы создали новые типы магнитофонов, усовершенствовали и избавили их от некоторых недочетов.

На выставке в Институте звукозаписи в Москве демонстрировались 14 звукозаписывающих аппаратов различного назначения: радиовещательные репортажные, клубные, речевые диктофоны, бытовые. Студийные магнитофоны, выпускаемые московскими заводами — экспериментальным и Гостеаспет,— а также Ленинградским институтом радиовещательного приема и акустики, обладают исключительно хорошей чистотой и длительностью звучания и занимают немного места.

Интересен аппарат «МАГ-5». Связанный с ним проводами специальный пульт позволяет управлять аппаратом издалека, на большом расстоянии. «МАГ-5» автоматически останавливается, как только кончилась или оборвалась пленка. У него есть особое приспособление, регулирующее скорость движения ленточки,— замедляющее или убыстряющее ее скорость.

Магнитофоны для репортажных, внестудийных радиопередач «МЭЗ-3» и «МАГ 3-М» привлекают внимание своими портативными размерами. Они умещаются в двух — трех маленьких чемоданчиках, их можно легко переносить на далекое расстояние.

На выставке показали диктофон «МДС-1», предназначенный для записи речи. Это магнитофон стационарного типа, смонтированный с небольшим столиком, на котором помещена пишущая машинка. Оборудованный полуавтоматическим устройством для повторения текста, он очень удобен, чтобы записанное на ленте перепечатывать на машинке. Аппарат может производить запись от радиоприемника, телефона, трансляционной сети.

Совсем маленьким выглядит бытовой магнитофон «Москвич» облегченного типа, удобный для личного пользования. Он похож на патефон. «Москвич» можно подключить к обычному радиоприемнику, к трансляционной сети и записать выступление артиста, ученого, передовика-стахановца.

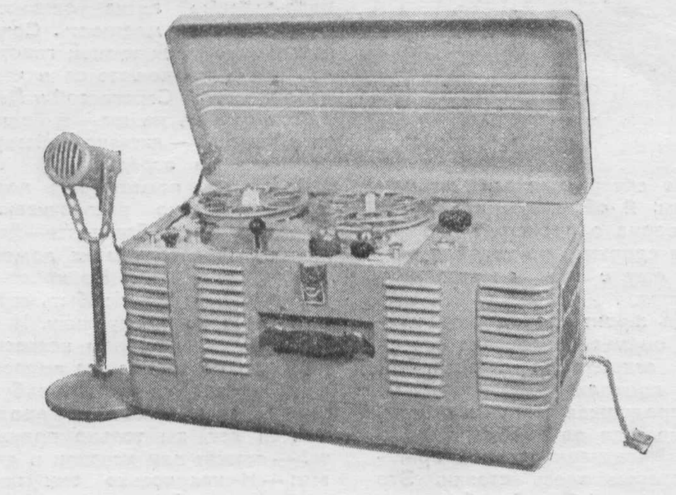
В недалеком будущем магнитофоны станут незаменимым «орудием производства» певцов, музыкантов, чтецов, писателей, лекторов. Люди искусства, готовясь к выступлению, прослушают предварительно сделанную запись, чтобы устранить замеченные недочеты, добиться наибольшей тональности и выразительности голоса или музыкального инструмента.

В поликлинике магнитофон поможет врачу, исследующему больного. Воспроизведение записи даст точную картину биения сердца, шумов и хрипов в легких, а сравнение с предыдущими записями покажет, насколько улучшилось или ухудшилось состояние больного.

С помощью магнитофона можно также изучать вибрацию моторов, ведущую к их преждевременному износу. Раньше этой цели служила сложная и громоздкая установка, которую трудно было поместить в автомобиле или самолете. Переносный магнитофон легко фиксирует вибрацию в любой обстановке, даже в воздухе и под водой. Неуловимые ухом инфра- и ультразвуки также могут быть записаны.

Бесспорно, что советские магнитофоны, снабженные комплектом пленок, получат широкое распространение в дворцах культуры, в клубах и избах-читальнях, послужат в качестве учебного пособия, лектора, исполнителя.

С. БОРИСОВА

Переносный магнитофон «МАГ 3-М».

Лучшие работники Новотроицкого сахарного завода Киргизского свеклосахаротреста—помощник сменного инженера Сара Бердыбаева (справа) и работница фильтрпрессов Надежда Святкина.

Лауреат Сталинской премии писатель Тугельбай Сыдыкбеков.

Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР и Верховного Совета Киргизской ССР, председатель колхоза имени Калинина, Кагановичского района, Фрунзенской области, Киргизской ССР, Суракан Кайназарова.

Народная артистка Киргизской ССР Марьям Махмутова в роли Чачикей в опере «Айчурек».

Фото В. Евграфова

ЛЫЖНЫЙ СЛЕД

Рассказ

Вл. ДУДИНЦЕВ

Рисунки О. Верейского

Буран мел почти неделю. Мы уже не говорили об отъезде. Хозяйка даже предлагала нам остаться навсегда.

— Работа найдется, — шутила она, — в деревне есть новая МТС, туда набирают людей, так что можно и остаться!

На шестую ночь — под воскресенье — в избе вдруг стало жарко. Я попробовал выйти на крыльцо. Дверь открылась только на одну треть: ее завалило снегом. За дверью стояла непривычная тишина. В черной вышине дрожали звезды, крупные и чистые, как роса. Морозные блестки мерцали в неподвижном воздухе. Буран улегся.

Утром Степан Дюков, молодой райисполкомовский кучер, поднял с пола свою доху, на которой мы оба спали, громадную доху, сшитую из шкур семи или восьми горных козлов. Я помог ему надеть эту пепельно-серебристую тяжесть. Степан попрощался с хозяйкой и ушел к лошадям.

Часа через два мы выехали. Сидя уютно и глубоко в ворохе соломы, я не чувствовал дна саней. Две толстоногих лошадки, уже покрытые инеем, мелко трусили, то и дело порываясь в галоп. Степан сдерживал их:

— Куда торопитесь, землемеры! Все километры ваши! Все шестьдесят!

Дорога за деревней была расчищена. Слева от нас горбилась белая степь. Справа, за валом снега, отброшенного с дороги, далеко внизу была видна вся ширь Енисея. Как великий белый путь, он уходил от нас в молчаливые просторы Сибири.

Полозья уже час пели одно и то же. В тулупе было тепло. Мне все казалось, что я не сплю; но вот мягкий толчок заставил меня глубже вздохнуть, я открыл глаза и увидел, что мы стоим. Впереди, вплотную обступив лошадей, толпились колхозники с лопатами — человек двадцать. Лошади были запряжены по-новому — «гусем» — и стояли одна в хвост другой.

— Вот так-то вернее будет по нашему снегу, — услышал я незнакомый старческий голос.

— Вам бы к вечеру ехать, когда машины пойдут, — нерешительно вставил другой колхозник, помоложе.

— Про-ле-е-езем! — добродушно гаркнул Степан.

— Не бойсь, поезжай, — сказала женщина. — Тут лыжник полчаса, как прошел. Вот тебе и трасса.

Степан махнул полой дохи и опустился около меня в солому. Сани тронулись. Народ бросился в стороны, и впереди открылось белое поле со слабо заметным снежным гребнем там, где была дорога. Мы поплыли в мягком скрипучем снегу. Я оглянулся в последний раз. Колхозники, опираясь на лопаты, серьезно смотрели нам вслед.

Мы ехали рядом с глубокой бороздой, пропаханной лыжником в рыхлом снегу.

— Должно, по колено шел, — сказал Дюков. — Охотник. Правду говорят: охота пуще неволи.

Он засмеялся и глубоко ушел в доху. Мы долго ехали в тишине, в тепле, слушая мирную песню полозьев.

— Не сворачивает, — заметил Степан, с интересом следя за лыжной бороздой. — У него, видать, капканы поставлены. Напрямую едет.

— Не завел бы куда, — осторожно сказал я.

— А шут его знает. Куда-нибудь приедем!

Я опять закрыл глаза и тут же почувствовал странное беспокойство, оглянулся и увидел, что сижу один в неподвижных санях. Было отчетливо слышно, как постукивают в зубах лошадей железные удила. Дюков стоял далеко впереди и озирался, самому себе показывая кнутом то в одну сторону, то в другую.

Он вернулся, молча шагнул в сани и, стоя, тронул лошадей. Мы поплыли неизвестно куда. Лыжного следа уже не было. Невольно повторяя движения Степана, я приподнялся, стал озираться по сторонам, но не увидел ничего, кроме снега и серого неба.

— Так-так-так! — вдруг пропел Степан. — Вон, видишь? Лоцман-то наш! Сделал круг и обратно. Дорога-то, видно, под нами!

Опять побежала рядом с санями снежная борозда. Степан повеселел.

— Ну-ка, посмотри на часы. Часа два едем? Полежи еще три, и будем в чайной.

Борозда привела нас к высокому снежному валу. Сани влезли на него, нырнули и легко покатились по твердой, недавно расчищенной дороге. Лошади перешли на галоп, и резкий ветер в первый раз словно горячим утюгом тронул мое лицо.

— Наверх выходим! — крикнул Степан.

Я поднял воротник повыше. Через полчаса край овчины перед моими глазами оброс ледяной коркой. Я не двигался и опустил воротник только тогда, когда сани остановились в большой деревне против чайной.

После обеда мы выехали дальше по укатанной, чуть-чуть заметенной дороге.

Раздвинув края воротника, я стал смотреть сквозь заиндевелые кудряшки на скачущую навстречу ковыльную пустыню, теперь уже ровную, желтоватую, почти без снега. Валенки мои быстро отвердели. Я задвигал ногами, и в это время Дюков придержал лошадей и предложил:

— Сделаем физзарядку?

Мы побежали вслед за санями. Когда Дюков, сделав несколько последних прыжков, на ходу повалился в сани, я схватил вожжи и остановил лошадей.

— Смотри! — крикнул я. — Дюков! Ведь это лыжи!

По самому краю дороги шли две отпрессованных в снегу блестящих полосы.

— Да-а... — протянул Степан. — Ну скажи, что делается! Ведь это он побольше сорока километров отмахал!

— Похоже, что нам с ним по пути, — заметил я. — Мы сейчас его догоним.

— Смотри, какой скороход! — Степан стал в соломе на колени и тронул лошадей. — И на охотника не похоже. Прямо интересно становится!

Начался долгий спуск под уклон. Перед нами вся степь была глубоко прогнута, а дальше из огромной снежной впадины вырастала

Из рассказов, поступивших на конкурс журнала «Огонек».

белая, словно фарфоровая гора. Степан поднялся во весь рост, оглянулся на меня и молча указал кнутовищем между лошадьми. Привстав, я увидел на далеком ровном дне впадины маленькую одинокую пылинку. Это был наш лыжник.

Дюков засвистал, дернул несколько раз вожжами. Комья снега полетели из-под копыт к нам на солому. Это было похоже на погоню. Мы смотрели вперед, и оба подгоняли лошадей. Фигура лыжника медленно вырастала перед нами.

Наконец сани вылетели на ровное дно впадины и поплыли в глубоком снегу. Лыжник шел впереди, шагах в ста от нас. На нем была кожаная ушанка, ватник, перехваченный ремнем, и стеганые штаны, заправленные в черные валенки. За спиной вниз стволом висело ружье, сбоку под рукой болталась убитая лиса — красная с белой грудью. Шел он очень красиво, прямо, без палок, широко отмахивая одной рукой, словно рассевал по снегу зерно.

Мы поровнялись, и я увидел, что лицо нашего попутчика до самых глаз обвязано вафельным полотенцем. Не обращая на нас внимания, парень скользил на желтых лыжах все вперед и вперед, оставляя за собой в рыхлом снегу широкую борозду. Степан, склонив голову на плечо, с улыбкой наблюдал за ним. Он долго готовился к беседе и наконец спросил:

— Чем лыжи смазываешь, охотник?

Парень сдернул полотенце ниже подбородка. Открылось худощавое усталое, красное от мороза лицо с маленькими губами, вздрагивающими от сильных вздохов. Он был очень молод. Свежая, чистая улыбка тронула его губы, и сильный вздох тут же ее согнал.

— Эта мазь, — он выдохнул облако пара, — эта мазь на край света довезет! Ни у кого, — он опять вздохнул, — нет такой мази!

— Где уж достать! — Степан осторожно стал подбираться к главному вопросу. — Мы вот на паре шесть часов за тобой гнались. Думаем: что за скороход объявился? Какую такую важную эстафету несет?

Лыжник ничего не сказал.

— Лису, что ли, догонял?

— Лису, — подтвердил парень и зорко посмотрел на Дюкова.

— Хороша, чорт! Эх, и лиса! Похоже, огневка... Ишь ты, ведь забежала!

«Эх, и лиса!» — подумал я, взглянув на Степана.

— Такую лису взял! Ты шкурку осторожно сымай. Первым сортом пройдет.

Парень отлично все понимал. Он засмеялся, опустив голову.

— А то, может, еще кому назначается? — невинно спросил Степан.

Лыжник не ответил.

— Куда едешь-то?

— В Дугино.

— Дела, что ли, какие есть?

— В МТС. За подшипником.

— Что ж так-то? Денек погодил бы — машины пойдут.

— Срочное дело.

— Стой! У вас ведь теперь своя МТС! Что это ты в даль такую за подшипником снарядился? — Степан мигнул в мою сторону, лицо его изобразило мучительное недоумение, он округлил глаза и замер.

— Положение такое. Надо ехать, — лыжник спокойно посмотрел на него.

— Что за МТС такая? — недоумевал Дюков. — Подшипника нет! Ты видал, товарищ, когда-нибудь такую МТС? — он решил и меня привлечь к делу.

Я сразу понял его, развел руками и сказал лыжнику:

— Если срочное дело, садись к нам! Мы тебя доставим прямо на двор в МТС.

— Доеду сам. Уже близко, — парень натянул полотенце на лицо, и карие глаза его зорко посмотрели на нас из этого укрытия.

— Все. Закрыто на обед, — сказал Дюков.

Он поднял кнут. Лошади прижали уши и потащили нас вперед, к белой горе.

— А врешь, дело у тебя есть, — заговорил Степан, когда сани начали подниматься в гору. — Подшипник! — он оглянулся назад. — За подшипником тебя не пошлют шестьдесят километров дорогу мерять. Скажет ведь такое... Но-о, шевелись!

Сделав вместе с дорогой несколько змеиных поворотов, мы очутились на гладком белом темени горы и увидели внизу по другую сторону далекие дымки.

— Дугино, — сказал Дюков.

Он натянул вожжи, лошади присели на задние ноги и осторожно стали спускаться. На половине горы Дюков пустил их галопом. Мы пронеслись через мост, ударились крылом саней о столб и влетели на улицу большого села.

Я не раз приезжал в Дугино. У меня здесь был знакомый — механик из МТС Панкратий Савельевич. Степан направил лошадей к его избе, что стояла против кирпичной церкви, переделанной в гараж. Еще издали я увидел старого механика. Панкратий Савельевич дергал ручку калитки, словно собирался уйти домой. Около него стояли двое — высокий, полный парень в телогрейке и девушка, обвязанная белым пуховым платком с длинными кистями. Стоя к ним боком, механик говорил парню последние, должно быть, очень убедительные слова.

Увидев нас, Панкратий Савельевич вышел на середину улицы — тонконогий, в накинутом на плечи черном полушубке, затертом до блеска. Он замахнулся кулаком на лошадей, и сани резко остановились.

— Не обижайся, дорогой, — объявил он, глядя на меня веселыми черными глазами. — Не обижайся, дальше ходу нет. Застава! — и повел лошадей к своим воротам.

— Сам виноват, милый человек, — на ходу продолжал он прерванный горячий разговор с парнем. — У тебя мотор и то не выдержал. А механик, думаешь, железный? Три ночи подряд работать не могу. Как хочешь. Спать теперь буду.

— Сам разберу! Товарищ механик! — просил круглолицый парень в телогрейке. Он просил руками и бровями, поднятыми вверх.

Я выпрыгнул из саней, топнул несколько раз и нечаянно взглянул на девушку. Не удержался и еще раз посмотрел. И сразу понял: это была первая красавица села. В платке ей было трудно двигать головой, и она вся повернулась к нам. По-детски чистые, серые с синевой глаза смотрели на механика, который стучал воротами у меня за спиной.

Панкратий Савельевич провел лошадей во двор. Он долго ворчал за забором. Потом вернулся к нам.

— Тарелку щей съесть не дадут! Позавчера вечером прибегают: движок стал на маслозаводе. Всю ночь с ним возился. Вчера ночью на пилораму вызвали. Сейчас пустил ее, только что. Ну, думаю, воскресенье. Отосплюсь за всю неделю. Сажусь обедать, а тут полуторка ползет по улице. Из совхоза. Пронеси, господи, думаю. Куда тут! Мой бог молитвы не слышит!

Девушка чуть заметно улыбнулась. Нас со Степаном она не замечала.

— Вот она, Катерина Матвеевна наша, — механик остановился против нее. — Гляжу, ведет ко мне этого шофера. Водителя, — он произнес это слово, по особенному приподняв губу. — Я так и думал сначала, с женихом идет.

Дюков налег на забор и склонил голову на плечо, рассматривая Панкратия Савельевича:

— Дядя Панкрат, а дядя Панкрат...

— Думаю: идет благословляться, — продолжал механик. — А тут вона — подшипник расплавил!

— Дядя Панкрат! — Степан стрельнул глазом в мою сторону. — Слышь, что говорю: везет тебе на подшипники. Сюда ведь еще один клиент едет.

— Какой такой клиент?

— Срочный. На лыжах. Мы от самой Большой Речки за ним гнались. За подшипником, говорит, еду. В Дугинскую МТС.

— За подшипником? Что у них там, запчастей нет? Какой хоть из себя человек?

— Такой вот, с тебя ростом парнишка. На лыжах.

— На лыжах? К нам? А-а-а! — протянул Панкратий Савельевич и вдруг резко ткнул пальцем в серую доху Степана. — Шапка кожаная?

— Хромовая. Черная.

Катерина Матвеевна повернулась два раза кругом, словно от нечего делать, и отошла на несколько шагов. Отошла, а потом побежала к соседней избе. Обитая рогожей дверь хлопнула за нею.

— Зна-а-аю теперь, — все хитрее и тоньше заулыбался механик. — Он уже не в первый раз за этим подшипником к нам едет. Никак увезти не может.

Тут Панкратий Савельевич выразительно покосился на соседнюю избу.

Мы вышли на середину улицы и стали смотреть на далекую белую гору, что поднималась над снежными, уже сиреневыми крышами села. Хрустя снегом, к нам подошли двое парней в драповых черных пальто и в одинаковых кубанках из серой мраморной мерлушки. У того, что постарше, под рукой висела на ремне гармонь.

— Дядя Панкрат на улицу вышел! — гармонист перехватил папироску в угол рта и протянул руку механику. — Хорош будет вечерок?

— Для вашего брата когда он плох? — ответил Панкратий Савельевич.

— А то пойдем, погуляем? А, дядя Панкрат? Уважь разок. Твои ученики просят!

— Ученики, только не по этим делам.

— А то пойдем? Вот и Катерина Матвеевна вышла. Вечерок почуяла. Катерина Матвеевна, картину пойдем смотреть?

Я опять увидел эту девушку. На ней были уже не валенки, а фетровые боты. Девушка стояла на крыльце, не решаясь сойти вниз.

— Уговор дороже денег, Катерина Матвеевна! Билеты куплены!

Девушка взглянула на него и что-то тихо сказала.

— А? — переспросил гармонист.

— Не пойду, — громко и отчетливо произнесла она. Сошла вниз, взялась за рубленый угол избы и потянулась вперед, стала смотреть на белую гору.

— Что это вы все смотрите? — удивился гармонист. — Пожар или что?

— Леша едет, — коротко ответил Панкратий Савельевич.

И в этот момент на вершине горы появилась черная пылинка. Она задержалась на несколько секунд и затем поплыла вниз по белому склону. Вот точка стала крупнее. Лыжник исчез за бугром, потом вынырнул значительно ниже и понесся поперек склона, снижаясь, как самолет.

— Что делает, что делает! — проговорил дядя Панкрат, следя за лыжником восхищенными глазами. — Смотри ведь, и не упадет!

Лыжник круто развернулся и камнем скользнул вниз за далекие крыши. Мы бросились вперед по улице. Сделали несколько шагов и увидели Лешу. Он шел нам навстречу так же красиво и прямо, отмахивая рукой. Панкратий Савельевич выступил вперед. Леша узнал его и заторопился, словно хотел соскочить вперед с медленно скользящих лыж. Полотенца уже не было на его разгоряченном исхудалом лице.

Он подъехал к нам, сдерживая сильное дыхание, на ходу снимая варежку. Минуя протянутую руку, Панкратий Савельевич принял его в объятия, покачнул и звонко расцеловал в обе щеки:

— Ну и парень! Ну, ходок! Это что же, лисичку добыл? А я думаю: зима, теперь совсем нас забудет.

Леша взял механика за руку, посмотрел вдоль улицы, и вдруг радость его стала угасать. Все еще пожимая руку дяди Панкрата, он опустил глаза. Оглянулся по сторонам, словно не узнавая села. Потом так же внезапно развеселился.

— Привет братьям Власовым! — раздался его громкий, напряженный басок. Оба парня в черных пальто шагнули вперед и пожали ему руку. Старший не донес папироску до рта, поднял бровь и повел глазами — сперва в сторону, потом на Лешу.

Наконец-то я понял, в чем дело: прихрамывая в новых ботах, к нам медленно приближалась Катерина Матвеевна. Опустив глаза, она тихонько обошла Лешу и братьев Власовых и стала за спиной у Панкратия Савельевича.

— Здравствуй, Леша, — почти шепнула она.

— Здравствуйте, Катерина Матвеевна, — еще тише сказал Алексей. И весь разговор! Леша сам поспешил прервать его.

— Дядя Панкрат, я к вам по делу, — громко сказал он, взглянул на Степана и побагровел.

— Знаю, знаю, — заторопился, замахал руками механик, быстро, как-то снизу оглядываясь на всех. — Знаю. Товарищ мне сказал. Сейчас сам подберу тебе все детали. Это сделаем. Для тебя, чего уж говорить.

— Я сегодня же обратно. Завтра после обеда мне надо на работу.

— Сделаем, сделаем, — Панкратий Савельевич опустил голову. — Чего уж говорить. Ты поди, родню проведай и ко мне заходи. Не бойся, машины скоро пойдут. Посадим. А я живо все соображу.

И дядя Панкрат, не взглянув на нас, побежал к своей избе, как будто и впрямь Леше было нужно что-нибудь.

— Ну, как вы на новом месте? — несмело спросила Катерина Матвеевна.

— Ничего, работаем, — ответил Леша и, скривив ногу, посмотрел под лыжу. — Станки новые получили. А как у вас в школе?

— Все так же. Ездила в район. Учебники привезла...

И они медленно пошли по улице, не глядя друг на друга, как будто между ними шел третий.

Старший Власов, все так же держа папироску у рта, проводил их одними глазами. Потом повернулся, и оба брата пошли в другую сторону. Резкие, насмешливые звуки гармони встряхнули тяжелую тишину. Круглолицый шофер остался один посреди улицы, вздохнул и побежал вразвалку через площадь к гаражу.

В избе механика уже горело электричество. Панкратий Савельевич сидел за столом перед миской со щами. Тонкие губы его были сжаты. От носа через впалые щеки легли энергичные складки. Широко открыв глаза, он смотрел на синее от сумерек окно.

— Понимаешь, приехал... — проговорил он, шевеля ложкой в миске. — Ты понял что-нибудь там, на улице?

— Кое-что понял, — сказал я.

— Приехал, голова садовая. Не смог! А увидят друг дружку — рот не могут открыть. Видишь, на нашу Катерину Матвеевну Власов виды имеет. Тот, что с гармонью. Комбайнер. Гроза, на Героя все тянет. Думается, не вытянет: учиться не хочет.

Панкратий Савельевич хлебнул щей и отодвинул миску.

— Ничего не скажешь, малый он из себя видный. Власов, Власов — только и слыхать. Кто в деревне на виду? Власов. Нашего брата, обыкновенного слесаря, — нас не видать. А я тебе скажу: сядь Лешка на комбайн — завтра же Власова забудут. Это мастер. Механик-универсал.

За окнами проплыли переливчатые, веселые переборы гармони. Дядя Панкрат прислушался.

— Разгулялся Власов. Бушует! Прошлой осенью я говорю Алексею: что ты смотришь, Леша? Послушай меня, сядь на комбайн. Спесь кое с кого посбей. Нет! — механик ударил ладонью по колену. — Не сел! Ничего не говорит, только бледнеет. Гордый! — Панкратий Савельевич вздохнул. — Этот нашему делу не изменит. Почему и взяли его отсюда в Большую Речку. Он там вроде меня — за старшего.

Дядя Панкрат положил на стол темную, жилистую руку с кривыми, перебитыми ногтями. Посмотрел на нее, повернул вверх мозолистой ладонью.

— Механик — то же, что врач. День ли, ночь ли — будь в готовности, лечи больных. Личные дела — завтра. — Тут он толкнул меня и приблизил черный чуб к моему лицу. — А завтра-то, оно у нас только в календаре!

— Проша, — спросил из другой комнаты низкий женский голос, — стелить, или пойдешь куда?

— Стели. Нынче слово дал. Вот Лешку только посажу в машину, и будем спать все.

Он посмотрел на окно и опять задумался.

— Приехал и уедет. Не судьба! Тут еще учительница промашку дала: сидела с Власовым в кино. Баламут, сам подсаживается. Уверен. Девчата непременно Лешке передадут. И это будет все.

Жена механика принесла нам со Степаном щей. Мы пообедали. Дюков попросил сала и намазал вздутое, обмороженное ухо. Затем он ушел к лошадям. Панкратий Савельевич поднялся и снял с гвоздя свой полушубок:

— Айда на улицу, пройдемся. Что-то не идет наш лыжник.

Мы вышли на свежую, как весна, улицу, освещенную двойной цепочкой электрических огней. Высоко над селом стояла луна, между избами громко скрипел снег, был слышен топот, девичьи смешки. Мы зашагали к сельсовету. У большой избы в полосе света, отброшенной из окна на снег, стоял грузовик. Мы обошли машину. В кузове на горе мешков, пряча руки в рукава, сидели женщины в платках.

— Куда идет машина? — властно осведомился Панкратий Савельевич.

— В Большую Речку, — ответило сверху несколько голосов.

— Где шофер?

И тут мы увидели Лешу. Он стоял позади грузовика, опираясь на длинные лыжи.

— Машина перегружена, еще раз тебе объясняю, — раздраженно говорил ему приземистый человек в светлом полушубке. — Сгони вот баб попробуй — тогда можешь располагаться.

— А прощаться? Забыл? — Панкратий Савельевич подошел к Алексею. — Душа из тебя вон!

Два стихотворения

Николай РЫЛЕНКОВ

СОВЕСТЬ МИРА

Еще и ржавый лом войны не переплавлен,
Еще вдова и мать солдатская скорбит,
А ветер, взвеяв прах пожарищ и развалин,
Доносит по ночам к нам эхо новых битв.

В Корею ли удар, еще ль куда направлен,
Нам раны жжет огонь и соль чужих обид.
Но в мире совесть есть. И эта совесть — Сталин.
На страже мира Кремль, как часовой, стоит.

ЯБЛОНЯ

Дикая яблоня выросла в чаще лесной,
Нож садовода ее не касался весной,
Летом тропинки никто не прокладывал к ней,
Яблоки осенью падали сами с ветвей.
Только давно бы засохла она от тоски,
Если б узнала, как яблоки эти горьки.

Яблоня в поле у самой дороги растет.
Щедрую душу привил ей свою садовод.
Девушки цвет ее в косы вплетают весной,
Тянутся к яблокам жницы в полуденный зной.
И, что ни год, расцветает все краше она...
Знает, наверно, какая ей доля дана!

— Не прощайся. Он завтра уедет, — весело сказал шофер.

— А мы еще посмотрим!

— Это кто? Дядя Панкрат? Тогда другой разговор.

— Кто бы ни был!

Панкратий Савельевич оглядывался во все стороны. Он кого-то искал. Вдруг он быстро шагнул за спину Алексея. Даже побежал по снегу, догоняя кого-то в белом платке с кистями. Через несколько минут он вернулся.

— Вот что, — резко сказал он шоферу. — Ты, дорогой мой, можешь ехать. Раз такой разговор, — заводи и до свиданья.

— Дядя Панкрат!.. — растерянно заговорил шофер. — Я ж не знал. Дядя Панкрат!

— Раз такое дело, — поезжай. Просить, молить — это не наше дело.

— Так я посажу! Пускай садится!

— Леша, ты уедешь утром, — еще громче сказал механик. — Раз такое дело, я сейчас иду в гараж к совхозной полуторке. Хоть я и не спал, конечно, три ночи. Но валяться в ногах у этих пиратов — это не наше с тобой дело.

Панкратий Савельевич закончил свою речь, повернулся спиной к удивленному шоферу, взял Алексея под руку и отвел в сторону.

О чем они говорили, я не слышал. Механик отобрал у Леши лыжи. Было слышно, как дядя Панкрат приказал ему: «Ступай». После этого Панкратий Савельевич подошел ко мне.

— Катюша-то... Плачет... — тихо сказал он. — Похоже, что я во-время здесь оказался. Ну что ж, пошли к гаражу?

Шофер, которого я видел днем у избы механика, спал, завернувшись в тулуп, в кабине своей полуторки около гаража. Панкратий Савельевич открыл дверцу и нажал кнопку гудка. Тулуп зашевелился, круглая голова приподнялась над овчиной.

— Делом, делом надо заниматься, а не спать! — резко сказал механик. — Ну, что смотришь? Вылезай, говорю, мотор разбирать будем. Устраивает это тебя?

Он отпер ворота гаража, распахнул их, зажег электричество. Втроем мы налегли на кузов, раскачали машину и вкатили на деревянный пол под церковные своды.

— Что стал? Спускай масло, полезай под картер! — крикнул дядя Панкрат шоферу.

Тот наконец понял все, засмеялся и побежал вокруг машины. Его длинные ноги вылезли из-под грузовика, изгибаясь, упираясь в пол: он начал отвинчивать болты.

Через полтора часа чугунная крышка картера уже стояла на полу около грузовика, рядом с головкой блока. Панкратий Савельевич держал в коричневых от масла руках поршень с шатуном и качал головой:

— Бить тебя надо, дурья голова! Кто же так ездит? Ты ерша со дна моря достань — сразу вся внутренность наружу выскочит. Давление не то. А мотор? Две тысячи оборотов дал — вот он и пошел вразнос. Водитель! Бери вон паяльную лампу...

Дядя Панкрат неожиданно умолк и поднял голову, прислушиваясь:
— Вроде шел кто-то. А, ребята?

В час ночи мы все стояли вокруг стола, на котором возвышалась печурка, сложенная из кирпичей. Фиолетовое пламя паяльной лампы ревело и рвалось, омывая черный тигель. Панкратий Савельевич — я впервые увидел его в очках — собирал головку шатуна. Он положил шатун на стальную плиту. Затем зачерпнул большой ложкой из тигля и стал лить блестящий, как ртуть, металл туда, где был подшипник. Худая щека его дергалась, он был увлечен работой. «Механик — то же, что врач»,— вспомнил я.

Когда баббит застыл, Панкратий Савельевич погасил лампу, взял шатун и вышел из гаража. Далеко, за несколькими стенами, запел электромотор. Потом мотор умолк, и механик вернулся, на ходу рассматривая серебристую внутренность подшипника.

— Никто не приходил? — спросил он.

— Нет, товарищ механик, — ответил удивленный шофер. — А что?

— Ничего. Радуйся, водитель! Шабрить будем!

И вдруг сзади него раздался знакомый басок:

— Можно?

На пороге стоял Леша.

— Ты что ж, не спал? — механик посмотрел на него поверх очков.

— Не спится, дядя Панкрат. Давай что-нибудь поделаю.

Леша взял у механика шатун. Проворными пальцами развинтил головку, полез под грузовик, подвигал, покачал шатуном, потом вылез и молча пошел в глубь гаража, за грузовик, к тискам.

— Все помнит. Как будто вчера здесь работал, — заметил дядя Панкрат, садясь на стол. — Так и знал, что придет, — тихо добавил он. — На что хошь мог бы поспорить.

Он достал кисет, и мы закурили.

— Дрянь табак! — сказал механик, прислушиваясь к скрипу снега за воротами. — Вот мне сейчас принесут — то будет табак.

Я уловил особенные нотки в его голосе. Я понял его. Мы умолкли и минут двадцать сидели, прислушиваясь, и все эти двадцать минут снег пел на улице на разные лады.

— Вот, — сказал вдруг механик, светлея. — Табачок бежит.

Сначала я не мог ничего разобрать в тихом хоре снежных ночных голосов. Потом мне показалось, что где-то на краю села тоненькая пилка быстро распиливает снег. Это были торопливые шаги. Они быстро приближались.

Вот снег захрустел около гаража. Ворота приоткрылись. Вошла Катерина Матвеевна, румяная от быстрой ходьбы. В руке у нее был мешочек из пестрого ситца.

— Отец нарезал или сама? — весело спросил дядя Панкрат.

— Сама. Отец спит, — девушка быстро взглянула по сторонам. Нет, никого она не увидела, кроме нас троих.

— Посиди, Катерина Матвеевна. — Глядя на нее, Панкратий Савельевич все время улыбался.

Девушка села около него на стол. Она прислушалась, и медленная краска залила ее лоб и виски.

— Кто это там скребется? — спросила она немного погодя.

— Домовой, — добродушно сказал механик. — Мы сидим, а он нам машину чинит. Леша! — он спрыгнул со стола.

Алексей вышел из-за грузовика. Шапка его была сбита на затылок.

— Поди-ка проводи Катерину Матвеевну, — строго сказал дядя Панкрат. — Дело позднее. Лыжи твои будут у меня в сенцах. Не забудь, меня разбуди, когда поедешь. Подшипники возьмешь.

Катерина Матвеевна быстро взглянула на Лешу и опустила глаза.

— Поди сюда, — приказал ей механик.

Она подошла. Панкратий Савельевич распахнул ворота, и я увидел голубую блестящую дорогу и две тропки, убегающие от гаража врозь, в темноту.

— Ты учительница, а ты механик, — сказал дядя Панкрат. — А оба вы еще дети малые. Сейчас же выходите отсюда за порог. Видите три дороги? Если да,— идите прямо. Ежели нет,— значит, бегите сразу врозь и не попадайтесь больше друг дружке на глаза. А мы закроем ворота и не будем глядеть. Ступайте! Марш!

Не сказав ни слова, они медленно вышли наружу. Панкратий Савельевич действительно закрыл ворота на задвижку и даже закрутил ее проволокой.

Вскоре механик отослал спать и меня. Я пошел по пустой, холодной площади к избе дяди Панкрата. Жена его открыла дверь и, увидев, что Панкратия Савельевича со мною нет, вздохнула. В избе на полу была разостлана широкая постель. На ней уже спал Дюков, захватив и мое место. Красное ухо его еще больше вздулось: память о степном ветре.

На заре Степан вывел на улицу лошадей, запряженных в сани. До районного центра оставалось тридцать километров. Мы напились чаю перед дорогой. Панкратий Савельевич, накинув полушубок, вышел на крыльцо нас провожать. Он был бледен. Синезатая щетина выступила на его впалых щеках.

Прекрасное зимнее утро ожидало нас на тихой улице. Все село лежало еще в глубокой фиолетовой тени. Белесые дымы ласково тянулись вверх и, порозовев, таяли в глубокой синеве. А вдали ярко светилась, сияла бело-розовая гора.

— Ты понимаешь, уехал и не попрощался! — уже в который раз огорченно сказал мне Панкратий Савельевич. — Даже лыжи не взял!

В это время в соседней избе запела дверь. На крыльцо, нагнув голову, вышел пожилой высокий колхозник в жилете из овчины. Он держал в руке лисью шкурку, распяленную на рогульке. Я сразу узнал пушистый красный хвост с белым кончиком.

— Матвей! — крикнул механик, глядя на этот хвост и ожизая. — Где лисичку добыл?

— А что?

— Я тебя дело спрашиваю, а ты «а что»! Охотником заделался?

— У меня дочь подросла, слава богу! Вон какую принесла патрикевну! — Матвей поднял шкурку над головой и потряс.

Они оба замолчали и долго смотрели друг другу в глаза.

— Чего смотришь, петух? Завидно? — Матвей скрыл улыбку и пошел во двор, к сараю.

— Погоди! — закричал Панкратий Савельевич. — Чорт шальной!

— Ты чего ругаешься? — Матвей остановился и ласково посмотрел на него через плечо.

— Охотника-то видал?

— Ты чего ругаешься?

— Тьфу! Видел, спрашиваю, кто лису добыл?

— Как не видать? Видел. Он у меня в избе чай пьет.

Сказав это, Матвей спокойно ушел в сарай. Панкратий Савельевич махнул мимо меня полушубком и побежал к соседней избе. Обитая рогожей дверь сильно хлопнула и долго после этого не открывалась. Наконец механик вернулся и взял в сенях лыжи.

— Сидят! — он вынес лыжи и поставил к забору. — Прогуляли машину! Я его спрашиваю: «На чем поедешь, голова?» А он: «На чем приехал, на том и уеду! Ты,— говорит,— сам виноват — дорогу такую указал». Дорога-то, видишь, длинная была. Только утром домой пришли!

Дверь соседней избы снова хлопнула. Вышел Алексей с ружьем за спиной. Панкратий Савельевич подошел к нему прощаться. Леша стал на лыжи, затянул пяточные ремни. Дверь опять запела, и на крыльце появилась Катерина Матвеевна в большом белом вязаном платке. Ей было трудно поворачивать голову, и она двигала счастливыми серыми глазами, улыбаясь каждому и никого не замечая.

— Пошли, Леша! — сказала она. — Провожу тебя.

Алексей махнул нам варежкой. Панкратий Савельевич догнал его, обнял, торопливо поцеловал и остался стоять посреди улицы без шапки, в косо накинутом полушубке.

А те двое не спеша удалялись от нас по широкой, все еще фиолетовой улице. Вскоре они исчезли за дальними избами. Потекли долгие минуты.

— Во-о-он они! — сказал вдруг Степан.

По бело-розовому сахарному склону горы чуть заметно передвигались две точки. Они восходили все выше и выше, приближаясь к далекой границе между снегом и чистой синевой. Вот они остановились на самом верху. Вот одна точка исчезла...

— Далеконько ему шагать,— сказал сзади меня Матвей. — Ладно хоть мороз отпустил.

— Дойдет! — Панкратий Савельевич все еще не двигался с места. — Дойдет! Теперь он полетит, как на крыльях!

На трудной земле

Рассказ

Дмитрий ХОЛЕНДРО

Рисунки О. Георгиева.

Сапоги быстро простучали по крыльцу, кто-то с силой рванул дверь, и Киреев сердито поднял глаза: «Что ты скажешь! Даже в выходной покоя не дадут». Он заперся в конторе, чтобы посидеть над докладом о тех переменах, которые принесут колхозу воды Днепра, когда они повернут сюда, в родные, но сухие, как черствый хлеб, крымские степи.

В дверь забарабанили кулаком.

— Ах ты, чтоб вас там! — Киреев с досадой почесал карандашом за ухом, встал, и половицы, прогибаясь, заскрипели под ним.

— Слышу! — крикнул он из коридора, откинул крючок и увидел на пороге Вареньку.

— Тю! Дядя Митя! — изумленно пропела она. — Чего ж вы тут?

— А где мне быть? Кого тебе надо?

— Да мне вас! К первомайцам инженеры приехали!

Киреев даже откачнулся:

— Ты сама, своими глазами видела?

Варенька стояла в стеганке, в грязных сапожках, с кнутом в руке.

— Конечно же, сама! — воскликнула она, глядя на председателя снизу вверх. — Я поехала, дядя Митя, молоко сдавать, понятно? Сдала! Обратно погоняю себе, вдруг вижу, стоят...

— Возле «Первомайского»?

— Ну, да... Один высокий, а другой, как вы, солидный, только пониже...

— Погоди-ка, не тарахти! — перебил ее Киреев, любящий порядок, но он сам не знал, что теперь сказать.

Получалось, что канал пройдет в стороне, в «Первомайском», а он-то размечтался!.. Да разве он один? Кирееву вспомнился старик Талалихин, которого он застал возле этого крыльца утром, когда шел в правление. Сторож не сидел, как обычно, а прохаживался вокруг: ветерок крутился и морозило.

— Куришь? — еще издали услышал Киреев. — Позволь огонечку, а то у меня за ночь все спички перевелись.

Старик вытащил папиросу и задымил ею, как головешкой.

— Значит, будем рыбу промышлять, Дмитрий Кузьмич?

— Какую рыбу? — не сразу понял Киреев.

— Живую, — сказал старик Талалихин. — Из Днепра-то своим ходом придет, небось. А нет, так сами в прудах ее разведем.

— Это вы уже от сына понаслушались, что ли, от Прохора? — удивился Киреев и качнул головой.

Старик вынул изо рта «головешку».

— Зачем от сына? Ты б спросил его, чего он от меня наслушался. А я — от своего отца. По воде у нас, Кузьмич, тоска родовая. Да и сам ты вырос тут, знаешь, небось...

И вот Варенька привезла новость! Половили рыбку!

— Почему ты решила, что это инженеры? — спросил Киреев, когда ввел Вареньку в кабинет и усадил на стул, а сам остановился перед нею.

— Как же так, дядя Митя! Один, в кожанке, что-то рукой показывал, вокруг смотрел и все записывал, а другой примеривался в аппаратик на треноге, как у землемера, который прошлым летом у нас работал.

— С треногой в степи? Это похоже, — еще больше заволновался Киреев. — Почему ж райком не предупредил?.. Вот что! Надо тащить к себе инженеров. Поняла? — он прошелся по комнате так, что стулья в дальних углах откликнулись легким стуком, и снова замер перед Варенькой. — Бери двух девчат и сама поезжай. Как комсорг, и поскольку ты их уже видела. Да оденься получше. Будто у тебя и нет ничего, кроме стеганки... Да орден надень!..

Время тянулось невыносимо долго, и лишь часа через два Киреев первым заметил вареньkину бричку. Издалека, где столбы телеграфа казались не больше спичек, она выглядела черной точкой, птицей над легкой, как свет, зеленью озимых.

Эх ты, степь, степь!.. До чего ж в тебе привольно, до чего ж все открыто, все отчетливо видно, сколько в этом могучем просторе свободы и силы! И обильна и хороша земля, и солнце над нею чуть ли не круглый год, лишь Днепра всегда недоставало. И не успевала поселиться здесь весна, как уже поднимались пыльные ветры, раскалялся воздух, и катился на десятки километров то ли прошлогодний, то ли молодой бурьян. Трава становилась бурой, копны свежего сена, как обугленные, темнели во дворах. И трудно дышать, и некуда укрыться от зноя... Обделила тебя вода. Ни речки, ни ручейка... Одна земля, земля...

— Сейчас выедут на нашу дорогу, быстрей покатят, — сказали из толпы, собравшейся возле дома председателя.

Бричка, и правда, скоро покатила быстрее. Кто-то заметил, что надо бы хлеб-соль для такой встречи, но искать каравай было уже поздно. А жена председателя, Даша, всплеснув руками, кинулась в хату накрывать на стол.

— Едут, глядите.

В бричке сидели и тот, в кожанке, и другой, потолще и пониже... Первый, белокурый, с приятным улыбчивым лицом, поразился встрече и сказал оторопело, с поклоном:

— Здравствуйте, дорогие товарищи!

— Здрасте, дорогие гости! — ответили ему громкие голоса.

Киреев поправил ремень на добротной гимнастерке и по очереди стиснул гостям руки так, что это отразилось на их лицах. А девушки окружили Вареньку.

— Чем ты их приманила?

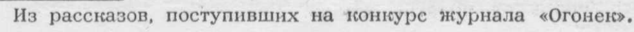
— Да ничем! Сказала: поедемте в наш колхоз, очень просим; они сели и поехали.

— Ну, где будет канал? Распытала?

— Ничего я не распытывала. Совсем об этом не говорила, будто и не по делу везла... Пусть им Дмитрий Кузьмич все скажет.

Все хотели поздороваться с инженерами за руку, и Киреев представлял гостям колхозников, улыбаясь и стараясь прибавить веселое и ласковое словцо.

— Это Прохор Талалихин. Наш новатор производства и передовик мысли, — говорил он, широким жестом показывая на щуплого человека

Из рассказов, поступивших на конкурс журнала «Огонек».

живиться мы не хотим. Но мы хотим, чтобы сам канал прошел у нас. И он должен у нас пройти! Талалихин! Прохор Ильич! Высказывайся.

Талалихин поправил кепку за козырек и живо спросил:

— Знаете, какие у нас будут лесополосы? Что там будет расти? Не знаете?

— Дубки, акации, наверно...

— Дубки, акации... И абрикосы, и яблони... И хурма.

— Хурма? Эта неженка?

Талалихин пожал плечами:

— Что же из того, что неженка? Мы ж к ней тоже не по-грубому, а с подходом...

Где-то сзади безобидно прыснули. Киреев оглянулся.

— Так вот,— опять перехватил он.— А папаша их, Илья Талалихин, думает даже рыбоводством заняться... Где же проводить канал, скажите, как не здесь, не у нас? У нас ведь земля самая трудная.

— Но это еще и от топографии зависит, где пройдет канал,— усомнился низенький.

— Топография кругом ровная, как стол,— махнув на степь рукой, отрезал Киреев.— с живыми глазами, одетого в новый костюм по случаю приезда гостей. — Сам он стоит здесь, а капуста его уже едет на Сельскохозяйственную выставку. Не удивляйтесь! Вам, товарищи инженеры, очень интересно будет с ним поговорить...

Гости переглянулись, и белокурый сказал:

— Мы не инженеры...

— Ну, геологи, топографы или, как это, извините, геодезисты... Не знаю... — сказал Киреев, прижимая к себе тяжелые ладони, а затем осторожно кладя их на грудь обоим гостям. — Я не знаю, кто вы, но одно знаю крепко, что канал должен через нас пройти, то есть по территории нашего колхоза...

И вокруг зашумели в поддержку своего председателя, а белокурый, приподнимая брови, спросил:

— Почему через вас?

— Сейчас объясню,— серьезно сказал Киреев, взглядом уняв другие голоса. — Вот вам Прохор Талалихин. Вы узнайте, какой у него будет огород? Полстепи! — и Киреев поднял руки, как крылья. — А сады? Жадность на них годами скапливалась, у нас же — ни деревца! Или вот Варенька Черненко. Как раз она за вами ездила... Мы по даести пудов пшеницы с га снимать собираемся, когда канал проведут, а она уже сейчас снимает. У нее Трудовое Знамя за это. И Героем будет. И другие будут! Только ведь сейчас эта сушь нам ходу не дает,— и Киреев сжал кулаки и потряс ими в воздухе. — С хлебосдачей у нас, конечно, все в порядке, и районное знамя у нас. А если бы не эта сушь! — тут он посмотрел на солнце в бескрайнем небе и вдруг смачно чихнул.

— Правильно,— сказали из толпы. — Будь здоров, Дмитрий Кузьмич.

— Спасибо...

Что-то попытался вставить Талалихин, но Киреев знаком попросил его подождать.

— Спрошу вас еще: а Ольга Резунова в чьем колхозе? Та самая, которая по всей степи своим хлопком славится? Это она на митинге, где вся степь сошлась и съехалась, при народе дала слово завести поливной участок и собрать на нем сорок центнеров белого золота с га! — повысил голос Киреев. — Вместо девяти! Зачем она это делает? А затем, чтобы, когда к нам вода придет, мы уже умели толково ее использовать, знали поливное хлопководство. Мастеров имели!

— Здо̀рово,— сказал белокурый.

— А где ж это «здо̀рово», я вам говорю? Где Ольга Резунова?

Киреев пробежал глазами по толпе.

— А где же Оля? — спросил он растерянно и сердито. Многие оглянулись.

— Да вон она сидит с вашей Дарьей Игнатьевной.

Со скамеечки возле хаты встала рослая степнячка, подстать самому Кирееву, а быть может, даже чуть пошире его. У нее было полное красивое лицо, густые брови, темные большие глаза, и, видно, хорошо она пела, потому что голос ее зазвучал сильно и мягко, когда она заговорила с улыбкой:

— Меня одну не расписывайте, пожалуйста, а уж всех наших девушек называйте. Вместе просим, чтобы канал мимо нас не прошел.

— Да,— сказал Киреев,— вы не думайте, что пустил воду в степь, и все в порядке. Нужно в эту воду еще душу вложить. Люди будут степь переделывать, а у нас вон сколько таких людей — сами видите.

Он и сам дивился. Да ведь это ж, действительно, что за люди! Дай им канал, так они эту степь садом сделают. Не узнаешь. Правда же!

Народу все прибавлялось. Задние уже привставали на цыпочки, чтобы разглядеть инженеров, и спрашивали:

— Кто это? Откуда?

— Да с канала ж! — шептали им. — Это — канал!

А низенький товарищ белокурого меж тем возражал Кирееву:

— Но ведь такие люди везде есть, и вода всем нужна.

— Отвечаю! — поспешил объяснить Дмитрий Кузьмич. — Это верно вода всем нужна, и все ее получат через отводы. За чужой счет по-

Я у вас еще только одно, извините, хочу узнать: какую помощь обещали вам первомайцы?

Белокурый неловко развел руками.

— А мы,— с загадочной улыбкой проговорил Киреев, обведя всех взглядом,— обязались в помощь экспедиции выделить пятнадцать человек и машину. И выделим! А понадобится — все пойдем на строительство. Всем колхозом. Так я говорю?

— Точно, Дмитрий Кузьмич!

— А дорогу на подъезде к нам вы приметили? Ну лучше, чем там? Это ж мы недавно, в честь канала, в целях строительства отремонтировали. И дальше этого не оставим, слово даем. В общем, дорогие наши товарищи...

— Товарищи,— смущенно перебил белокурый. — Дайте мне сказать. Тут вышла ошибка. Мы не инженеры, не топографы и не геологи...

— В «Первомайском», небось, не отказывались,— сказал старик Талалихин, а Киреев покосился на Вареньку и спросил белокурого:

— Кто же вы?

— Мы корреспонденты,— ответил тот, и стало тихо.

Белокурый посмотрел на друга.

— Я прошу от души извинить нас,— стал оправдываться он. — Во-первых, мне не дали сразу сказать, а, во-вторых, такая беседа пошла, что я просто забыл. А канал,— улыбнулся он,— я думаю, никого не обойдет. Он будет у всех, если не сам, то его вода. И строить его будем все вместе, а где,— специалисты определят.

Пока он все это рассказывал, Киреев грозно шептал Вареньке:

— Всадила ты меня в историю! Беги, позвони в райком, справься...

— Вы не обижаетесь, товарищи? — допытывался белокурый, заглядывая в глаза, но кругом все еще молчали.

— А где тренога? — вдруг вспомнил Киреев, в упор глядя на низенького. — У вас тренога была.

— Была и есть! Она в бричке. Это штатив для фотоаппарата, и я всех ваших героев сниму. Обязательно!

Прибежала Варенька. Киреев только глянул на нее и покачал головой. Щеки ее пылали, как помидоры с талалихинского огорода. Дмитрий Кузьмич сам побагровел и отошел с ней в сторонку:

— Корреспонденты?

— Откуда же я знала, Дмитрий Кузьмич? Мы так ждали инженеров, только и разговору...

Варенька чуть не заплакала, и Киреев смягчился и потрепал ее по плечу, а у Вареньки от этого все же побежали слезы по щекам...

— Вот история! — громко сказал Киреев и усмехнулся. И Варенька улыбнулась тоже. — Конфуз вышел!

Колхозники вокруг заулыбались, а корреспондент сказал:

— Ничего.

— Ну ладно, ничего,— повторил Киреев, тряхнув головой. — Пойдемте в хату, к столу. Всё.

— Нет, не всё,— возразил белокурый, доставая из своей кожанки блокнот. — Я об этом должен написать.

— Зачем же еще об этом писать? — процедил Киреев, мрачнея.

— А пятнадцать человек и машина в помощь экспедиции? А дороги ремонтировать? А почин Резуновой? Что вы! Надо, чтобы об этом узнали, такой факт для газеты!

— Ох и корреспонденты, хитрый народ! — щуря глаза, проговорил Киреев со вздохом. — Цифры точные, не отступим, а? — обернулся он ко всем.

— Ясно, нет!

— Конечно! — подхватил белокурый. — Кто знает, геологи прочитают, да, может быть, как раз сюда и завернут...

— Тогда я вам еще кое-что прибавлю,— пообещал Киреев, обнимая обоих корреспондентов и направляясь с ними к хате. — Сядем, поговорим по порядку...

Щедрин об «Исповеди» Толстого

Два неизданных письма

С. МАКАШИН

В самом конце 1884 года в Москве вышла из печати книга М. С. Громеки «Последние произведения графа Л. Н. Толстого». Автор ее был лично знаком с великим писателем и даже показывал ему предварительно рукопись своего «критического этюда».

Первая часть книги содержала разбор романа «Анна Каренина», во второй — в беллетризованной форме бесед автора и вымышленного персонажа Иванова с Левиным — излагались философско-моральные воззрения Толстого последнего времени, знаменовавшие переворот в его жизни и творчестве. Воззрения эти были изложены Толстым в двух известных сочинениях начала 80-х годов: «Исповедь» и «В чем моя вера?». Однако оба сочинения были запрещены царской цензурой: первое — в мае 1882, второе — в феврале 1884 года. Но и не будучи изданными, они стали тогда же известны русскому обществу. Одним из источников этой популяризации явилась как раз книга Громеки.

Цензура недосмотрела, что «вымышленные» диалоги, которыми обмениваются «автор», «Иванов» и «Левин», представляют на деле публикацию больших отрывков запрещенного толстовского текста из «Исповеди» и частично из сочинения «В чем моя вера?». Это обстоятельство, обнаружившееся, разумеется, сразу же после выхода книги, привлекло к ней повышенное внимание читателей и печати. Все 1 250 экземпляров ее тиража разошлись очень быстро. Книгу спешили купить, так как опасались, что она будет арестована и уничтожена, как это формально и полагалось по закону за обнародование текстов «безусловно запрещенных» высшей политической и духовной цензурой.

Выход в свет книги Громеки был отмечен среди других отзывов печати большой статьей известного критика А. М. Скабичевского. Статья его появилась в № 35 газеты «Русские ведомости» от 6 февраля 1885 года. Собственно, о Громеке и его критических суждениях в статье говорилось мельком. Она была посвящена характеристике и оценке «Исповеди» Толстого.

Скабичевский в течение многих лет был первым литературным критиком в журнале Некрасова и Щедрина «Отечественные записки», издание которых было прекращено правительственным постановлением весной 1884 года. Считая себя последователем Чернышевского и Добролюбова, Скабичевский не был, однако, в состоянии продолжать их великие традиции. Этому препятствовали не только несравнимые размеры личного дарования. Мировоззрение Скабичевского, хотя и развившееся под воздействием революционно-демократической литературы 60-х годов, носило на себе печать либерально-народнической ограниченности и неустойчивости. Прекращение «Отечественных записок», а тем самым и литературно-критической работы под идейным и редакторским руководством Щедрина оказалось роковым для Скабичевского. Вынужденный после закрытия журнала искать прибежище в либеральной прессе, он быстро стал эволюционировать вправо. Эта эволюция явственно сказалась и в его статье о «критическом этюде» Громеки. Скабичевский встал в ней на путь идеализации «переворота» Толстого и его «нового учения». Не подлежит сомнению, что Щедрин никогда бы не напечатал такой статьи в своем журнале.

Щедрин признавал огромный авторитет Толстого, завоеванный его гениальным художественным творчеством. Возглавив после смерти Некрасова «Отечественные записки», Щедрин неоднократно делал попытки привлечь Толстого к сотрудничеству в своем журнале, являвшемся для периода 70-х и начала 80-х годов крупнейшей трибуной русской демократической мысли. «Поверьте, — писал Щедрин Толстому в одном из писем, — что я не ради рекламы желаю Вашего участия в журнале, а просто потому, что ценю высоко Вашу литературную деятельность».

Но, высоко ценя художественное творчество Толстого (хотя и не все принимая в нем), Щедрин был суровым и непримиримым критиком тех сторон мировоззрения великого писателя, из которых сложился, по определению Ленина, «исторический грех толстовщины»: теорий «нравственного самосовершенствования» и «непротивления злу». Революционный демократ, идейный ученик и последователь Белинского и Чернышевского, Щедрин неустанно разоблачал и бичевал в своей сатире идеи покорности и религиозного смирения, все политические предрассудки «непротивления», веками прививавшиеся народу правящими классами.

Писатель хотел пробудить в народе сознание его собственной силы, чувство революционного протеста. Тема народной, крестьянской пассивности занимает огромное место в творчестве Щедрина. Эта тема — естественное отражение основных исторических вопросов, стоявших перед Щедриным как перед революционным просветителем-демократом, вопросов, связанных с задачами идейного вооружения и воспитания русского народа для революционной борьбы.

В эту тему органически входит и щедринская резкая, но глубоко принципиальная критика толстовских теорий «самосовершенствований» и «непротивления», как теорий, уводящих с путей революционной борьбы, проповедующих «холопьи идеалы» смирения. Критика эта содержится в художественно-обобщенной форме во многих произведениях Щедрина последнего периода, в том числе в «Сказках», где сатирик яростно бичует различного рода теории и программы мирного прогресса, «бескровного преуспеяния», получившие такое широкое развитие — и не только у Толстого — в условиях реакции, наступившей после краха революционной ситуации конца 70-х годов. Но мы до сих пор не знали, как воспринял и оценил Щедрин такой программный документ Толстого, как его «Исповедь».

Два впервые публикуемых ниже письма Щедрина к Скабичевскому позволяют ответить на этот вопрос, хотя и не исчерпывающе, поскольку отзыв сатирика основывается в этих письмах не на полном тексте «Исповеди», а на немногих выдержках, приведенных в статье Скабичевского. Заметим также, что наиболее резкие обличительные страницы «Исповеди» не вошли в источник, цитируемый Скабичевским, в книгу Громеки, и остались, таким образом, неизвестны Щедрину, по крайней мере в тот момент.

Получив номер «Русских ведомостей» со статьей Скабичевского и прочтя ее, Щедрин тут же написал автору следующее письмо:

7 февраля [1885 г.]

Многоуважаемый Александр Михайлович!

Я с величайшим удовольствием прочитал сегодня в Р[усских] Вед[омостях] Ваш этюд о гр[афе] Толстом. Только мне кажется, для того, чтоб быть совсем логичным, надо и игру в верования счесть баловством. Мне кажется, тот может назвать себя вполне хорошим человеком (хотя и не назовет, потому что ему это в голову не придет), кто живет честно и трудится как может. Все прочие, а в том числе и раскольники и взыскующие вечного града, в роде Сюсляева, гр[афа] Толстого и проч. суть досужие люди, баловники и кобени (от глагола кобениться). Право, литературное ремесло, ежели оно согрето убеждением, не так гнусно, чтобы на него смотреть как на блевотину сатаны.

Искренне Вам преданный
М. Салтыков

У меня сын скарлатиной болен, и я сижу секвестрованный.

Слова «с величайшим удовольствием прочитал» следует понимать в смысле **величайшего интереса,** проявленного сатириком к программному сочинению Толстого. По существу же, никакого «удовольствия» ни само это сочинение, ни оценка, которую ему дал Скабичевский, не доставили и не могли доставить Щедрину. Наоборот, с присущим ему темпераментом бойца он сразу же ринулся в бой и против Толстого и против Скабичевского, выступившего в роли апологета реакционной утопии писателя.

Для того, чтобы содержание опубликованного письма стало вполне ясным, необходимо привести несколько высказываний Толстого из «Исповеди», которые (в цитации Громеки—Скабичевского) привлекли наибольшее полемическое внимание Щедрина.

Рассказывая историю «переворота» в своей жизни и верованиях, историю своего разрыва с кругом людей, к которым он принадлежал по рождению и воспитанию, с кругом «богатых и ученых», Толстой писал: «Жизнь нашего круга не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл. Все наши действия, рассуждения, наука и искусство, — все это представилось мне одним баловством. Я понял, что искать смысла жизни в этом нельзя».

«...Не найдя удовлетворения в вере людей моего круга, я стал сближаться с верующими из бедных, простых, неученых людей, со странниками, монахами, раскольниками и мужиками».

Среди них — Щедрин знал это — большое влияние на Толстого оказал крестьянин Тверской губернии Сютаев, основатель секты «сютаевцев», фамилию которого сатирик всегда презрительно переиначивал в Сюсляева. Этих людей, которые якобы знали смысл жизни и смерти, так как обладали «знанием веры», и потому «спокойно трудились, переносили лишения и страдания», Толстой называл «хорошими людьми», а себя — великого писателя — дурным человеком. «Я полюбил хороших людей, **возненавидел себя** и — признал истину...»

Можно себе представить, с каким гневом читал Щедрин эту проповедь покорности и пассивности, эту апологию отсталости, темноты и религиозных предрассудков! Щедрин отказывал Толстому в праве выражать эти мысли от имени народа, так как отчетливо понимал, насколько они вредны для его борьбы за свое освобождение. Отсюда наименование религиозных мечтателей из народа и самого Толстого щедрински-суровыми и резкими словами «баловники и кобени».

Не менее остро должен был реагировать Щедрин и на толстовскую «анафему» литературе, на зачисление последней в рубрику «баловства». Известно, какой исключительной и страстной привязанностью к литературе была проникнута вся деятельность Щедрина, с каким чувством ответственности нес сатирик «звание литератора», предпочитая ему всякое другое. По собственному определению, «литератор до мозга костей, литератор преданный и беззаветный», Щедрин так высоко ценил великую русскую литературу именно за то, что видел в ней, вслед за Белинским и Чернышевским, могучее средство служения народу. Именно это убеждение «согревало» и питало великим оптимистическим пафосом горькое и бичующее творчество самого Щедрина.

Получив письмо, Скабичевский справедливо усмотрел в нем не только критику взглядов Толстого, но и резкое осуждение его собственной апологетической позиции по отношению к этим взглядам. Он счел нужным в чем-то оправдываться перед своим недавним грозным редактором и что-то объяснять ему. Письмо это не сохранилось. Но из ответного письма Щедрина видно, что, защищая главный тезис своей статьи: «...жизненность новой веры гр. Л. Толстого заключается именно в том, что дело состоит

М. ТАРАНОВ. Иллюстрации к «Пошехонской старине» М. Е. Салтыкова-Щедрина. (Государственное Издательство Детской Литературы)

здесь не в изменении каких либо теоретических умозрений, а в стремлении изменить самое содержание жизни, весь ее склад»,— Скабичевский сослался на пример известного революционно-демократического писателя и деятеля В. А. Слепцова.

Стремясь внедрить новые общественные идеалы в социальную практику, Слепцов под непосредственным воздействием социалистических идей романа Чернышевского «Что делать?» организовал в 60-х годах общежитие для кружка демократической молодежи. Общежитие это, получившее название «Слепцовская коммуна», вскоре распалось из-за разногласий между его участниками. Щедрин в свое время посещал «Слепцовскую коммуну» и понимал ее утопичность. Пример Скабичевского нимало не укреплял тезиса его статьи. С этого указания и начинает Щедрин свое второе письмо:

9 февраля [1885 г.]

Многоуважаемый Александр Михайлович!

Мне кажется, что привлекая пример Слепцова и его Коммуны Вы только запутываете вопрос самым неожиданным образом. Это дело было совершенно ребяческое, так что, по моему мнению, об нем лучше всего позабыть. Примеры опыта осуществления коммуны были гораздо серьезнее, но и они совсем не идут к делу. Что касается до отрицания искусства для искусства, какое было в начале 60-х годов, то оно явилось, действительно, во имя отрицания баловства, тогда как теория Толстого — самосовершенствование ради самосовершенствования — есть именно **продолжение** баловства.

Всего обиднее тут ссылка на народ: народ вовсе не думает о самосовершенствовании—об этом разговаривают Сюсляевы, Толстые, Успенские, Достоевские, а просто верует. Верует в три вещи: в свой труд, в творчество природы и в то, что жизнь не есть озорство. Это и вера и в то же время дело, т. е. дело в форме доступной народу. Если жизнь испытывает его, он «прибегает», просит заступничества и делает это в той форме, какая перешла к нему от предков, т. е. идет в церковь, взывает к Успенью-матушке, к Николе-батюшке и т. д. Но это не значит, что он верует в них по существу, а верует он в собственные слезы и в собственные воздыхания, которые и восстанавливают в нем бодрость. Подобие сему и культурный человек. Вера его тоже не иная, а вера в труд, вера в творчество природы и в жизнь. Он может применять эту веру ошибочно, но никак не может смотреть на честные свои убеждения, на свой честный труд, как на блевотину.

По моему мнению, Толстой не только балуется, но, может быть, и кобенится.

А впрочем, извините. Вперед не буду.

Искренне Вам преданный
М. Салтыков

Пожалуйста, не подумайте, что лавры Толстого не дают мне спать. Уверяю Вас, что я на всякие вообще **лавры** — плюю, или, лучше сказать, совсем об них не думаю.

Об урыльниках тоже Толстой напрасно коснулся. **Свои** урыльники всякий вынесет без особенной гадливости, но я иду дальше: и чужие урыльники человек вынесет без гадливости [но] не по чувству самосовершенствования, а потому, что это **труд**. Нашел оселок для испытания нравственного совершенства! Фурье и в чистке нужников видел только предлог для особенной комбинации, а в его время и ватер-клозетов не было. Я же убежден, что со временем и урыльников не будет, так что этот способ доказательства нравственного преуспеяния устранится сам собой.

Сын мой был очень опасен, но теперь скарлатина уступает.

Я пробуду в карантине до 3-го марта.

Слова письма о том, что «примеры опыта осуществления коммуны были гораздо серьезнее», чем опыт бытового «социалистического общежития» Слепцова, имеют в виду всемирно-исторический опыт Парижской Коммуны 1871 года. Щедрин принадлежал к числу тех немногих представителей русской демократии той эпохи, которые близко подошли к пониманию классовой природы Коммуны. В 1871 году, идя по горячим следам событий, он сделал смелую, но безнадежную попытку напечатать в «Отечественных записках» статью (пятая глава цикла «Итоги»), гневно клеймящую «одичалых консерваторов Франции», версальских палачей и выражающую уверенность в исторической правоте дела Коммуны, в неизбежности его победы в будущем. Статья эта, запрещенная цензурой, смогла быть опубликована лишь после Октябрьской революции. При всей краткости нового, не известного ранее упоминания Щедрина о Парижской Коммуне оно представляет существенный интерес.

Продолжая резкую критику теории нравственного самосовершенствования, Щедрин решительно отводит попытки Толстого выдать эту теорию за выражение подлинных взглядов и социальной практики народа. В этой связи сатирик разоблачает реакционную легенду о «глубокой религиозности» русского народа. В новых исторических условиях, по отношению к другому великому писателю, ставшему на путь проповеди «...одной из самых гнусных,— по словам Ленина,— вещей, какие только есть на свете, именно: религии», Щедрин как бы повторяет гневные слова Белинского, обращенные к Гоголю: «По вашему русский народ — самый религиозный в мире: ложь!.. Приглядитесь пристальней, и вы увидите, что это по натуре своей атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности».

В постскриптуме Щедрин полемизирует с теми своеобразными «доказательствами» в пользу жизненности «новой веры» Толстого, содержавшимися в ответе Скабичевского, о которых мы узнаем из следующих строк письма сатирика от 22 февраля 1885 года к Н. К. Михайловскому:

«О Толстом Вы тоже правильно пишете. Но Скабичевский вспламенул таки в «Русских Ведомостях». Я, признаться, написал ему по этому поводу, что Толстой не более, как Кобеня, но он не совсем согласился со мной; помилуйте, говорит, ведь он советует самим выносить из урыльников!

Хорошо, коли у кого урыльники есть, а вот у мужичков и этого нет. И рад бы выносить (в огород бы он снес), да приходится прямо на пусто поскудить. А между тем, и Толстой и Успенский только и бредят мужичком; вот мол кто истинную веру нашел!»

В словах постскриптума о том, что «Фурье и в чистке нужников видел только предлог для особенной комбинации», Щедрин имеет в виду тот способ, при помощи которого один из создателей утопического социализма пытался «гармонически применить» в будущем идеальном человеческом общежитии — «фаланстере» — свою идею привлекательного труда» — «travail attrayant» — по отношению к грязным, неприятным для человека работам. Фурье полагал, что такие работы будут брать на себя добровольно «когорты самоотверженных».

* * *

Высоко ценя литературную деятельность Толстого, Щедрин, всегда сурово-непримиримый ко всякого рода проявлениям реакционной идеологии, не пощадил слабых сторон великого писателя, столь ярко выраженных в его «Исповеди». Он резко осудил вместе с тем начавшуюся либерально-народническую пропаганду толстовской теории непротивления злу насилием, так как отчетливо понимал, какой социальный яд таит в себе эта теория.

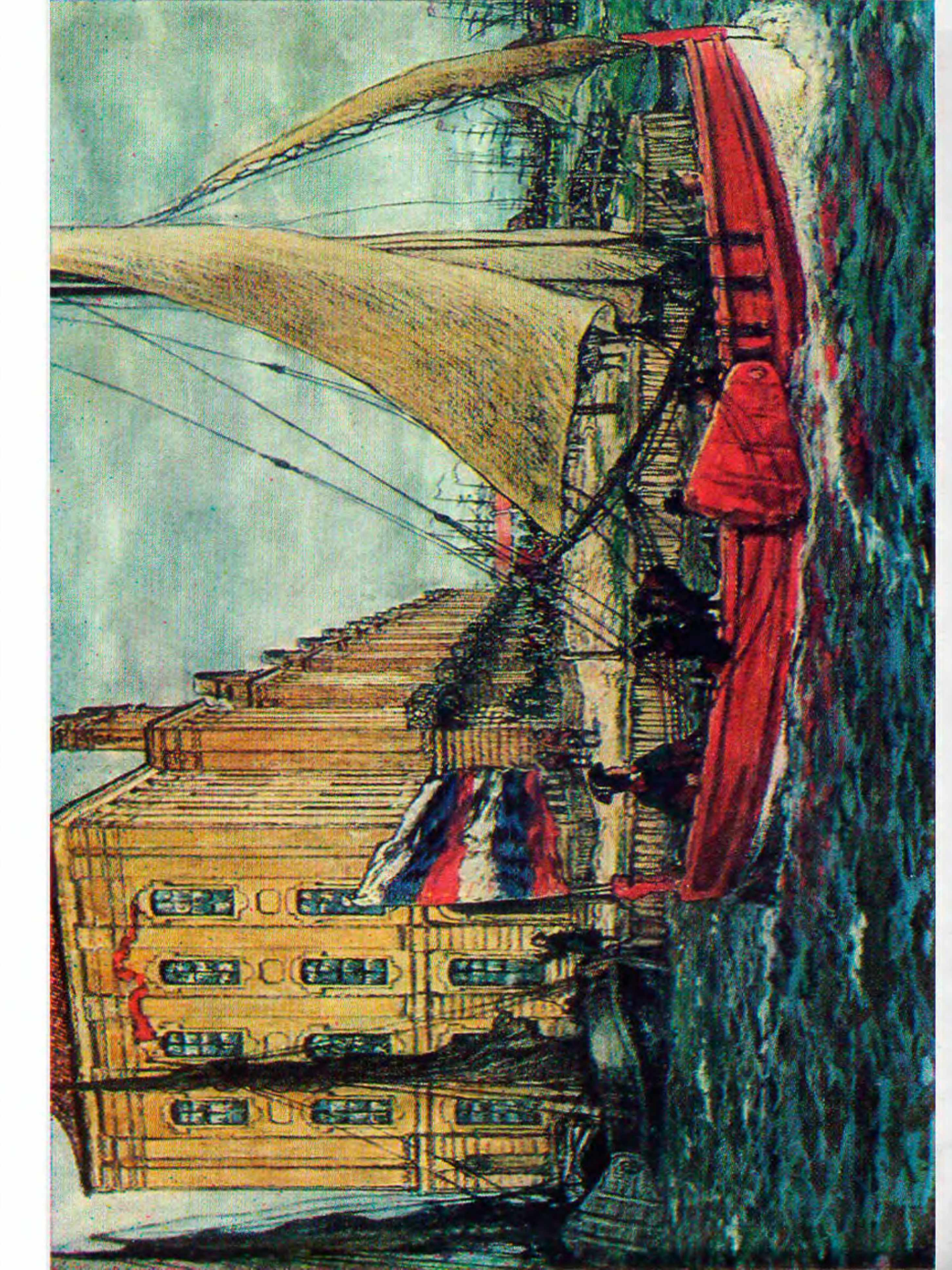
Щедринская критика религиозно-нравственных воззрений Толстого исходила из революционно-демократической идеологии. Для своего времени это была наиболее передовая критика, но она была исторически ограничена как просветительским мировоззрением сатирика, так и тем, что учение Толстого — «толстовщина» — в ту пору, о которой идет речь, еще полностью не сложилось и не выявило все свое содержание.

Ленин писал, что «...правильная оценка Толстого... возможна только с точки зрения социал-демократического пролетариата». Эту оценку Ленин дал в своих знаменитых статьях о Толстом. Гениальная ленинская формула о Толстом, как «зеркале русской революции», разъяснившая конкретно-историческую основу творчества и взглядов великого писателя, вскрыла и подлинную социальную природу «исторического греха толстовщины».

Щедрин, критикуя теорию непротивления и нравственного самосовершенствования, думал, что Толстой «не только балуется, но и кобенится», то есть усматривал истоки учения Толстого в его индивидуальной социальной биографии, в его «барстве», отвлекаясь от широкого исторического развития. Ленин не менее резко писал о «помещике, юродствующем во Христе», но связывал слабые стороны идеологии Толстого с недостатками крестьянской революционности.

«Историко-экономические условия,— писал Ленин,— объясняют и необходимость возникновения революционной борьбы масс и неподготовленность их к борьбе, толстовское непротивление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании».

Автографы писем хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом).

Скульптор из села Кузоватово

Фото А. Шарова

Деталь парадного входа.

Кузоватово, Ульяновской области, — богатое селение с электрифицированными и радиофицированными домами. На главной улице Дом Советов, почта и телеграф, магазины. В поселке несколько промышленных предприятий, в их числе промысловая артель имени Калинина и деревообделочная фабрика.

На одной из улиц, расположенных близ фабрики, выделяется дом, украшенный искусной резьбой.

Дом принадлежит резчику по дереву артели имени Калинина Семену Петровичу Сорокину. Построен и украшен дом его руками.

В комнате Семена Петровича множество мастерски вырезанных фигурок из дерева: насторожившийся в своем гнезде вальдшнеп; медведь, играющий на скрипке; готовая к прыжку изящная серна; пограничник с замершей около него собакой; натюрморты, изображающие охотничьи трофеи. Среди этих работ выделяются деревянные резные часы. Великолепны скульптуры зайца, петуха и коршуна над ними, готового ринуться на свои жертвы...

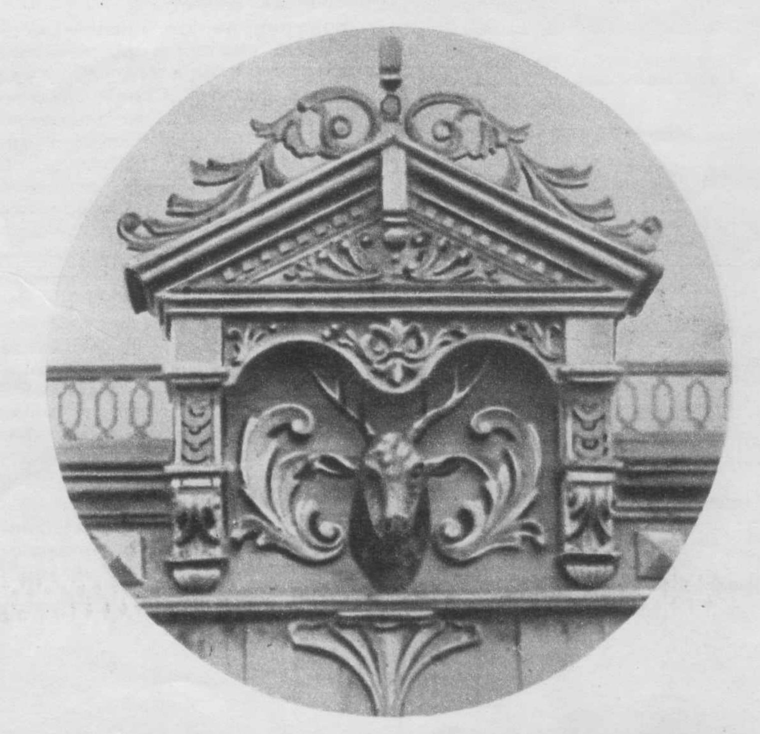
Отец Семена Петровича был известным во всей округе искусным столяром, изготовлявшим резную мебель. Учиться резьбе он начал семи — восьми лет, но мастерством овладел уже в зрелом возрасте. Приходилось трудно: мастера ревниво оберегали «тайны» своего искусства. Школ столярного ремесла и резьбы по дереву в те годы не существовало, не было и хороших художественных образцов, а немногие имевшиеся попадали в собственность частных лиц.

В такой же обстановке начинал свою трудовую жизнь и Семен Петрович. Но Великая Октябрьская революция открыла ему доступ к настоящему мастерству. В государственных музеях он увидел образцы подлинного искусства резьбы по дереву. Так, в зрелом возрасте начался второй, советский период учебы Семена Петровича Сорокина. Он много читал, изучал историю искусств, знакомился с художественными репродукциями.

Резные деревянные часы работы С. П. Сорокина.

Ворота дома Сорокина в селе Кузоватово.

Прошли годы, и столяр села Кузоватово Семен Петрович Сорокин стал мастером в избранной им области искусства. Ныне он свободно и уверенно превращает кусок дерева в скульптурное произведение.

Работая в артели, Семен Петрович передает свои знания молодежи. За минувшие годы он обучил резьбе по дереву около двухсот человек, из которых многие уже проявили себя как талантливые художники.

Троих сыновей вырастил Сорокин. Всем им он привил с детства художественные навыки, обучил рисованию, резьбе. Особенно радовал отца своими успехами старший из них, Иван. Но он увлекся живописью. Окончив недавно Ленинградскую академию художеств, И. Сорокин создал большое полотно — «А. С. Попов демонстрирует адмиралу Макарову первую в мире радиостанцию». За эту картину автор удостоен Сталинской премии.

Сам Семен Петрович — постоянный участник многих устраиваемых в СССР выставок народного творчества — получил премию за скульптуру «В. И. Ленин у шалаша на станции Разлив».

К сожалению, артель имени Калинина, бывшая ранее школой мастерства резьбы по дереву, в последнее время стала изготовлять лишь простую мебель. Мастера резьбы уже не могут применять свое искусство в прикладной области, ограничиваясь изготовлением «ходовых» изделий. Возникает опасность, что созданная С. П. Сорокиным группа умельцев распадется, а эта школа может создать много ценного.

Н. НАЙДЕНОВ

НОВОЕ в оперетте

Фото О. Кнорринга и Д. Хренова

Сцена в цирке. Укротительница — З. Пашкова.

Квартет из первого действия оперетты «Сын клоуна». Слева направо: Иван — С. Аникеев, Ксения — В. Вольская, Иван Иванович — С. Хмельницкий, Фрося — М. Петрова.

Ирина Иконникова — З. Белая, Максим Молодцов — Н. Рубан.

Поднимаясь все выше и выше,
Друг наш солнце, скорей освети
Наши первые в жизни афиши
На пороге большого пути.

Шумная толпа молодежи заполнила площадку перед небольшой подмосковной дачей. И кажется, что нет предела этому веселью, этой звонкой песне.

Еще вчера вы могли бы повстречать всех этих девушек и молодых людей в стенах циркового училища. Но сегодня... дни учебы уже позади. Здесь, на даче воспитавшего их учителя, вчерашние студенты отмечают свое второе «совершеннолетие» — начало самостоятельной артистической жизни.

Так начинается новый спектакль Московского театра оперетты «Сын клоуна», спектакль о радости творчества, о крепкой и требовательной дружбе, о молодости.

Жизнь театральных кулис неоднократно изображалась на старой опереточной сцене. Но каждый раз эта тема находила лишь крайне однобокое отражение. В центре внимания неизменно оказывались причуды и капризы всемогущих примадонн, роскошь их туалетов, путаные закулисные интриги, ажиотаж премьер — весь незатейливый ассортимент «театральной романтики» (как ее понимали многие незадачливые драмоделы), делавший возможным создание так называемых «постановочных» оперетт.

Конечно, не эта мишура интересовала коллектив Московского театра оперетты в его работе над «Сыном клоуна». Своим спектаклем театр, впервые на опереточной сцене, поднял большую морально-этическую проблему об отношении художника к своей профессии, о долге художника перед народом.

«Нужно и можно увлекаться своей профессией, — говорил К. С. Станиславский, — нужно любить ее преданной, страстной любовью, но не за нее самое, не за те лавры, не за то наслаждение, которое они приносят художнику, артисту, а за то, что избранная вами профессия дает вам возможность говорить со зрителем о самых важных и нужных ему в жизни вещах...»

Именно об этом, об ответственности актера перед воспитавшим его народом, забыл сын известного русского клоуна, молодой артист цирка Максим Молодцов — герой оперетты «Сын клоуна» (музыка И. Дунаевского, текст Е. Помещикова и В. Типота). Шумный успех первого самостоятельного номера, имя на афише столичного цирка вскружили Максиму голову: он перестал тренироваться, работать.

...Представление окончено. Опустел зрительный зал, погасли огни у входа. А артисты все не уходят с арены. Сегодня Максим Молодцов едва не сорвал номер.

Гневом и болью за Максима полны слова его товарищей по работе. И самую суровую правду Максим слышит от Ирины Иконниковой, своей партнерши по номеру, своей невесты.

Так рождается главная тема спектакля — тема принципиальной товарищеской критики.

С большим интересом следят зрители за историей «прозрения» Молодцова. Сама жизнь, наша действительность, прямые и честные взаимоотношения советских людей помогают ему найти правильное решение, приводят его к верному выводу:

Чем ближе друг, роднее и дороже,
Тем ты сильнее другом дорожи.
Ему в лицо, при всех, как можно строже
Ты правду горькую скажи.

Чувство большой жизненной правды объединило в этом спектакле исполнителей больших и маленьких ролей, актеров разных поколений. Рядом с хорошо известным московской публике артистом Н. Рубаном (Максим Молодцов) зритель видит совсем еще юную М. Петрову (Фрося), доказавшую, что и в маленькой эпизодической роли можно добиться настоящей актерской удачи. Зрители радуются успеху молодой актрисы Е. Комаровой, создавшей остро гротесковый образ «девушки-каучук», и горячо аплодируют С. Аникееву, который выступил в очень «неожиданной» для него лирической роли и впервые в своей артистической деятельности создал положительный образ советского человека.

Новый спектакль еще раз продемонстрировал растущее мастерство молодой певицы З. Белой, искренне и правдиво исполнившей роль Ирины Иконниковой,

и удивительно молодой талант двух актеров старшего поколения — В. Володина и Е. Савицкой (старый артист цирка Данила Трофимович и его сестра Оксана Трофимовна).

Большого успеха добился в «Сыне клоуна» и балетный коллектив театра (балетмейстер Г. Шаховская). Интересно и остроумно решил спектакль художник Г. Кигель, создавший на небольшой сцене Московского театра оперетты и ощущение громадного цирка, и широту бескрайних колхозных полей, и уголок тенистого подмосковного сада.

В «Сыне клоуна» еще раз проявилось богатое мелодическое дарование И. Дунаевского, меткость и выразительность его музыкальных характеристик, заразительность его мелодий. Нет сомнения, что лучшие вокальные номера из «Сына клоуна», такие, как песня молодежи из первого акта, цирковой марш, песня о веселом мае, задорные колхозные песни и пляски, получат широкую популярность.

Новая постановка Московского театра оперетты празднична и жизнерадостна. Обилие ярких и интересных находок, темпераментность массовых сцен — большая заслуга постановщика спектакля, лауреата Сталинской премии И. Туманова.

Теплый прием, оказанный зрителем новому спектаклю, говорит о верности пути, по которому идет сейчас Московский театр оперетты.

Может быть, ни в одном из жанров театрального искусства старые каноны, старые штампы не держались с такой силой, как в оперетте. В течение долгого ряда лет русский театр оперетты жил своей обособленной, застойной жизнью. Здесь все было определено «раз и навсегда». Менялись парики, менялись имена действующих лиц, менялись названия оперетт, но, в сущности, из вечера в вечер в театре происходило одно и то же. Застывшая форма, навязанная опереточному театру западной неовенской опереттой, застывшие амплуа — героя, простака, субретки, каскадной героини, — в которые насильственно втискивались отношения и нормы поведения изображаемых людей, ничтожные, далекие от жизни сюжеты, бесконечно варьировавшие пять — шесть драматургических схем...

Перед актером ставилась одна задача — создать «маску» того или иного амплуа, найти ряд постоянных, одинаковых для ролей этого типа внешних приемов и трюков. Эта маска — абстрактная, внеисторическая — переодевалась затем в костюмы разных эпох.

Нарушить этот застой, сломать устаревшие каноны, сделать искусство оперетты искусством современным можно было только путем создания нового репертуара, раскрывающего темы нашей действительности.

Одним из первых вступил на этот путь Московский театр оперетты, показавший в 1927 году премьеру первой советской музыкальной комедии. Это была сатирическая оперетта И. Дунаевского «Женихи».

Однако даже в таких удачных советских опереттах, как «Свадьба в Малиновке» или «На берегу Амура», театру не удалось избежать резкого противоречия между новым содержанием и устаревшей, условной манерой актерского исполнения.

Советская оперетта требует живых людей, развивающихся характеров, а не штампованных образов-масок.

Стало очевидным, что полноценное решение советской темы на сцене Театра оперетты невозможно без коренной перестройки всей школы актерской игры.

Именно по этому пути, руководствуясь замечательным опытом работы К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко над музыкальными спектаклями, пошел Московский театр оперетты после реорганизации в 1946 году.

К работе был привлечен широкий круг композиторов и драматургов. Из десяти спектаклей, поставленных Московским театром оперетты за последние три года, восемь являются новыми произведениями советских авторов, созданными ими в тесном содружестве с театром.

...«Беспокойное счастье», повествующее о возвращении защитников Родины к мирному труду, и «Мечтатели», отражающие замечательное движение добровольцев-черкасовцев; «Вольный ветер» и «Воздушный замок», посвященные мужественной борьбе народов Европы против фашистских последышей и их американо-английских хозяев; удостоенная Сталинской премии «Трембита», рассказывающая о новой, советской жизни на освобожденной земле Закарпатской Украины...

Во всех этих ярких и разнообразных спектаклях Московский театр оперетты успешно решает проблему положительного героя современности.

Не все эти постановки, однако, равноценны по своему общественному значению и художественным достоинствам. Некоторые из них не лишены и недостатков. В ряде случаев еще ощущается различие актерских школ представителей старшего и младшего поколения, нарушающее целостность ансамбля. Серьезное внимание следует обратить театру на повышение вокальной культуры. Необходимо также предъявить более строгие требования к литературному тексту пьес.

Не свободен от этих недостатков и «Сын клоуна»; литературная сторона этой оперетты, в особенности ее стихотворный текст, оставляет желать лучшего. От дурных традиций старой оперетты идут и образы заведующего колхозным радиоузлом и его невесты, показанных ограниченными и недалекими людьми. Досадным недоразумением в цельной музыкальной драматургии спектакля выглядит широкое использование композитором И. Дунаевским во вступлении к третьему действию темы песни «Как родная меня мать провожала», связанной с образами эпохи гражданской войны и никак не отражающей жизни современной украинской колхозной деревни, показанной в третьем действии.

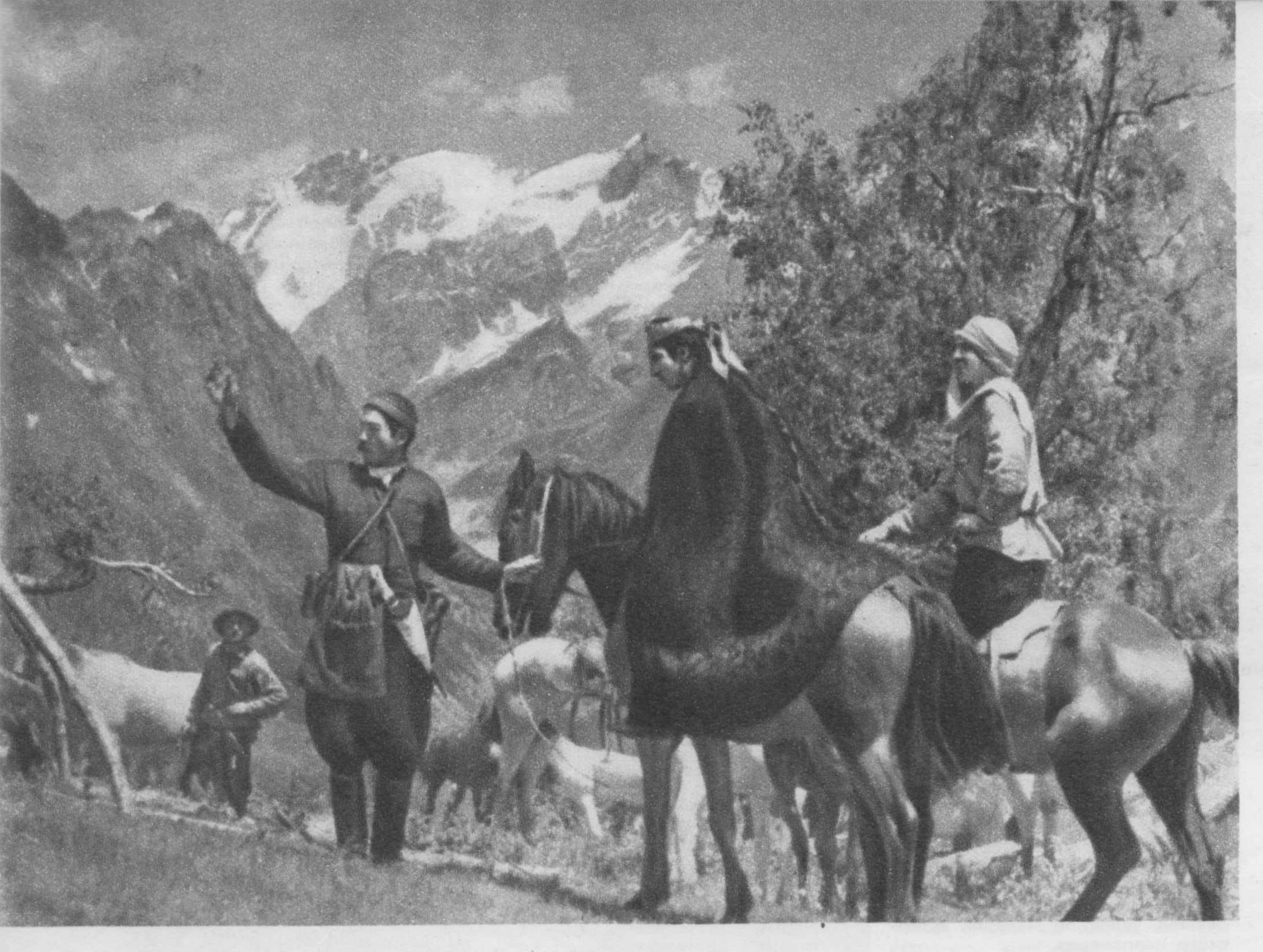
Перед театром открыты широкие горизонты. «Мы знаем, — говорит художественный руководитель театра И. Туманов,— что оперетта — гораздо более широкий жанр, чем его обычно себе представляют. Этот жанр хочет показать на своей сцене людей с большими желаниями и идеалами, мыслями и чувствами, он хочет настоящей поэзии и романтики наряду с комедийным началом».

А. СКВОРЦОВ

«Мечтатели» в Московском театре оперетты. В роли Васены Волчек — К. Кузьмина, Павла Бондаренко — В. Зарубеев (фото в круге). →

Сцена из II действия оперетты «Трембита». В центре — Алексей Сомов — Б. Струлев.

На горном перевале.

С киноаппаратом В САКЕН

Н. САНИШВИЛИ,
заслуженный артист Грузинской ССР

В машине нас было трое: кинооператор А. Дигмелов, художник Реваз Мирзашвили и я. Мы направлялись в селение, именуемое Сакен. Писатель лауреат Сталинской премии Георгий Гулиа в своей талантливой повести «Весна в Сакене» писал: «Не пытайтесь искать Сакен на карте мира — слишком малы масштабы карт, чтобы обозначить на них столь укромные уголки земного шара... Однако, если попадется вам на глаза карта Абхазии, ищите Сакен приблизительно в северо-восточном углу».

Там, где Гуандра с шумом вливается в Кодор, из ущелья подул свежий, ласкающий горный ветерок, должно быть, тот самый ветерок из Сакена, про который писал Гулиа.

Величественные панорамы открывались при каждом повороте машины. Абхазия — действительно один из самых красивейших уголков нашей необъятной Родины.

Перед нами бурно пенится одна из восьми горных рек, описанных в повести Гулиа. И с этого момента мы уже не расстаемся с автором, хотя Гулиа был далеко от нас: на каждом шагу вспоминаем мы его лукавые реплики о любимом недоступном, «чортовом» Сакене.

Далее мы были вынуждены продолжать путь пешком. Пройдя висящий над бурным потоком мост, мы попали в царство гор и водопадов.

На севере возвышались крутые отроги Кавказского хребта. На востоке мрачно стояла высокая гора Гуагуа с вечными ледниковыми покровами. Неожиданно издали донесся оглушительный грохот снежного обвала — шалости той самой коварной горы Клыч, не доверять которой советует Гулиа: у нее «за пазухой всегда припасена снежная лавина, — так, на всякий случай».

Встреча Кесоу Мирба (артист Э. Магалашвили) с отцом (артист А. Омнадзе).

Но вот и Сакен, родное село новатора Кесоу, энергия и воля которого направляют силы колхозников на борьбу за высокий урожай, село свободной и счастливой советской девушки Камы, передовых колхозников Коста, Нины, Смела и других.

О новом человеке — чистом, бодром, смелом, преодолевающем все препятствия на пути к цели, — о человеке, умеющем творить, рассказывает поэтическая повесть «Весна в Сакене».

Желание экранизировать эту полюбившуюся читателям повесть Гулиа и привело нас, группу тбилисских кинематографистов, на горные дороги Абхазии.

Съемки производились на высоте трех тысяч метров, и группа, поднимаясь в горы — сначала на лошадях, а затем пешком, — добиралась по узким тропам до снеговых вершин Сванетии.

Работая над сценарием «Весна в Сакене», мы придали некоторым эпизодам больше драматизма и динамики. Это несколько изменило сюжет, но идея произведения, его образы, характеры героев остались, по существу, нетронутыми.

Во время работы над фильмом мы жили в абхазских селах, общались с колхозниками. Во всех массовых сценах снималось местное население.

К участию в картине «Весна в Сакене» мы привлекли актеров, только начинающих свой творческий путь. Роль героя фильма колхозника-новатора Кесоу Мирба играет воспитанник тбилисской киношколы Эдишер Магалашвили. Исполнительница главной женской роли колхозницы Камы, артистка Лиана Асатиани, уже снималась в нескольких кинокартинах. Роль Нины, подруги Камы, исполняет студентка киношколы Лела Абашидзе.

Наряду с молодежью в картине выступают известные грузинские мастера сцены — народные артисты Грузинской ССР Шалва Гамбашидзе (Адамур) и Александр Жоржолиани (Антон) и заслуженный артист Грузинской ССР Георгий Шафгулидзе (Рашит).

Фильм снимали операторы Александр Дигмелов и Давид Канделаки.

Музыка фильма написана заслуженным деятелем искусств Александром Кереселидзе. В основу партитуры композитор положил народные абхазские и сванские мелодии.

Картина заканчивается большим народным праздником, посвященным окончанию уборки урожая. В сцене скачек всадники участвуют во главе со знаменитым наездником Абхазии Лекербаем.

Создавая нашу картину, мы хотели, чтобы каждый советский зритель увидел, как вдохновенным и упорным трудом покоряют сакенцы суровую природу родного края.

В горах Абхазии, как и во всей нашей обширной стране, действуют великие законы советской жизни. Советский быт сделался здесь прочным и привычным. Отдаленные от всех и всего, сакенцы живут единой жизнью со всей страной. «Большевистский дух всюду проникает, через все горы, перевалы и реки», — говорит в фильме секретарь райкома партии Александр Иванович. И эти слова могли бы служить основной мыслью нашего фильма о колхозниках-патриотах, отдающих все свои силы любимой Родине.

Герой фильма «Весна в Сакене» Кесоу Мирба (артист Э. Магалашвили) и Кама (артистка Л. Асатиани).

НА ПОРОГЕ МАСТЕРСТВА

Е. ШАТРОВ

Ремесленные училища Ленинграда славятся хорошими спортсменами. В одном из них много отличных боксеров, в другом — лучшие среди ремесленников пловцы, в третьем — самые способные конькобежцы.

В ремесленном училище № 15 коньками увлекались почти все юноши и девушки. И это не только потому, что училище находится на Васильевском острове, в двух шагах от Невы, превращаемой морозами в сплошной каток. И не потому еще, что директор училища Василий Иванович Аноушкин — завзятый болельщик и первый покровитель конькобежного спорта. Нет, главная причина заключалась, пожалуй, в другом. Именно в этом училище обучался слесарному ремеслу высокий худощавый паренек Толя Павлов — чемпион и рекордсмен по конькам среди юношей Ленинграда. Стоит ли удивляться, что в училище все старались подражать Толе и шли следом за ним на ледяную дорожку.

Среди своих юных сверстников Толя Павлов держался всегда очень солидно. Он высказывал свое мнение о перспективах предстоящих всесоюзных соревнований, давал начинающим конькобежцам советы тактического характера или — в который уже раз! — вспоминал захватывающие подробности своих рекордных забегов.

Но стоило Павлову выйти на лед, как от его солидности не оставалось и следа. Чемпион и рекордсмен превращался в прилежного и послушного ученика. На катке Толя встречался с тренером — мастером спорта Аркадием Васильевичем Макаровым.

Казалось бы, что Макаров должен быть очень доволен своим воспитанником. Всего третий год занимался он с Павловым. За это время Толя успешно овладел многими элементами конькобежной техники. У него выработались длинный накатистый шаг и сильный толчок, он научился хорошо брать старт и уверенно набирать скорость. Были в молодом конькобежце и выносливость и воля к победе. Несомненно, Анатолий оказался не только самым восприимчивым и старательным учеником, но и юношей с задатками настоящего спортивного таланта. И все же тренер был недоволен Павловым, ибо у него не было правильной координации движений на короткой дистанции!

Не первый уже месяц Макаров старался исправить недостаток в технике своего ученика.

Скольжению конькобежца помогают ритмичные наклоны корпуса то вправо, то влево. Наклоны эти должны быть строго согласованы с работой ног. Закончив толчок левой ногой, надо всю тяжесть тела перенести на правую, скользящую ногу. Толчок правой — и корпус перемещается влево. У Павлова, когда он бежал 500 метров, перенос центра тяжести на скользящую ногу чуть запаздывал, что неизбежно сказывалось на скорости

— Ну, попробуем еще раз! — говорил Макаров.

Снова Анатолий бежал следом за тренером, стараясь в точности копировать его движения. Потом они менялись местами. Позади шел Макаров, корректируя ученика...

— Толчок — и влево!.. Толчок — и вправо!.. Раз... Два... Не запаздывай, Толя! Вот так! Так!

— Получается, Аркадий Васильевич?

— Пробеги один. Посмотрим!

Все, что выходило вместе с тренером, пропадало, когда Анатолий оставался один. Павлов знал, что от него требовалось. Он мог заставить себя пробежать несколько метров совершенно правильно. Но ведь нужная согласованность движений должна получаться совершенно автоматически, непроизвольно, стать его конькобежной «походкой». А этого-то еще и не было.

Анатолий Павлов готовит коньки перед соревнованием.

И тренер и ученик не страшились неудач. С прежней настойчивостью работали они над устранением ошибки. Победа пришла только следующей зимой, пришла как-то совсем неожиданно.

Готовились к соревнованиям. Аркадий Васильевич предложил пробежать «пятисотку» вместе. Обычно на этой дистанции Макаров выигрывал у своего ученика с десяток метров. А тут вдруг Анатолий пришел к финишу первым.

Макаров не видел, как двигался Толя, потому что бежал сам, но он понял, почему его ученик закончил дистанцию быстрее обычного. Сомнений быть не могло: на этот раз координация была правильной! Павлов прошел еще один круг... Да, все правильно, хорошо, почти отлично! Павлов наконец поймал какой-то внутренний секрет этого движения. И теперь оно стало естественным и непринужденным.

Вскоре удалось устранить еще одну ошибку, которую совершал Толя. Он стал правильней проходить повороты. Резкое улучшение техники бега тотчас же сказалось на результатах.

А. Павлов на тренировке с мастером спорта А. Макаровым.

Фото Е. Умнова

Павлов стал бегать настолько хорошо, что его, еще юношу, допустили к участию во всесоюзном чемпионате 1949 года. В этих соревнованиях Анатолий занял 12-е место. Выступая вместе с опытными скоростниками, юный рекордсмен впервые в жизни пробежал «конькобежный марафон» — дистанцию в 10 тысяч метров.

Нагрузку не окрепший еще организм получил большую, но Толя Павлов рвался к новым рекордам и победам. Тренеру не раз приходилось его сдерживать.

В это же время он успешно окончил ремесленное училище и теперь занимался в вечерней школе рабочей молодежи. Осенью Анатолий собирался поступить в Институт имени Лесгафта.

«Отдохнуть! Летом ему надо обязательно хорошо отдохнуть!» — думал Макаров.

Но ведь летом конькобежцы должны не только отдыхать, но и тренироваться к следующему сезону. Как бы получше совместить Павлову отдых с тренировками? Спортивное общество «Трудовые резервы» предлагало путевку в санаторий. Конечно, и в санатории можно заниматься гимнастикой и грести, играть в теннис и кататься на велосипеде. Но принесет ли это пользу такому порывистому, живому юноше, как Павлов? Не станут ли для него и теннис и велосипед лишь скучными обязательными уроками?

У Аркадия Васильевича появился совсем другой план.

Путешествие! Путешествие по Кавказу на велосипеде! Вот что предложил тренер.

До Сочи они доехали поездом. Отсюда, взвалив на спину рюкзаки, тронулись дальше на велосипедах. Дорога к Батуми то стелилась у самого моря, то змеилась в горах. Путешественники не торопились.

Толя карабкался по скалам, упрямо преодолевал крутизну горных троп, дышал воздухом альпийских лугов, пил воду из ледниковых речек... А через день — другой велосипеды уносили Павлова с Макаровым дальше. Сколько еще впереди прогулок в горах, сколько новых впечатлений!

Конькобежцы вернулись в Ленинград к осени. Анатолий прекрасно отдохнул, окреп физически, еще сильнее стали у него ноги.

С первыми морозами Павлов вышел с тренером на лед. Продолжалась кропотливая «шлифовка стиля». Анатолий работал, как всегда, настойчиво, не отступая перед трудностями. И все больше отличался его стремительный бег высокой техникой, легкостью, непринужденностью, красотой.

Павлов стремился овладеть не только техникой, но и тактическим искусством конькобежца. В начале зимы его особенно занимала проблема распределения сил на длинных дистанциях. Однажды Толя решительно сказал:

— Нет, Аркадий Васильевич! Пять тысяч надо бежать не по вашему графику!

— А как же? — улыбнулся одними глазами Макаров.

— Сразу же брать более высокий темп... С первых же кругов!

— Выдохнешься! Сил не хватит.

— Не выдохнусь... Вот увидите!

Макаров понимал, что словами Анатолия не переубедишь. Пусть в своем заблуждении удостоверится он на опыте.

— Хорошо! — сказал Аркадий Васильевич. — Можешь следующий раз брать с места высокий темп... Но ты проиграешь!

Эксперимент был проведен на ближайшем же соревновании. Павлов бежал 5 тысяч метров в паре с мастером спорта Юрием Курбатовым. Начал Толя так, как давно этого жаждал,— очень резво, по 39 секунд круг. Но во второй половине дистанции сбылись все предсказания тренера. Толя выбился из сил... Каждый круг он проходил уже по 45—46 секунд. Юноша едва дотянул до финиша, много проиграв мастеру.

— Нет!.. Теперь буду ходить только по вашим графикам,— сказал Толя.

Вскоре под руководством своего тренера Анатолий Павлов стал побеждать многих мастеров: Пискарева, Прошина, Петрова, Головченко... Весь сезон 1950 года Толя выступал с необычайным блеском. Он установил 5 новых рекордов Советского Союза в разряде юношей (в том числе и рекорд в беге на 5 тысяч метров, державшийся 9 лет), обновил все рекорды общества «Трудовые резервы» и Ленинграда.

Всеобщее восхищение вызвали выступления Павлова на Всесоюзном чемпионате прошлого года. Розыгрыш последней десятикилометровой дистанции должен был решить судьбу общего третьего места. На это место среди участников претендовали заслуженный мастер спорта Н. Петров, мастера спорта П. Беляев и А. Пискарев и Анатолий Павлов.

Конечно же, Павлов волновался. Противники опытные, закаленные, дистанция — одна из труднейших. Но это не помешало молодому конькобежцу отважно вступить в последний «бой» на ледяной дорожке.

Павлов принял старт в паре с тем самым Юрием Курбатовым, которому недавно проиграл во время своего неудачного тактического эксперимента. Но теперь Анатолий уже хорошо знал, как важно правильно распределить и расходовать свои силы. 10 тысяч метров равны 25 кругам. И всю эту огромную дистанцию Павлов пробежал на редкость ровно, ритмично.

Вскоре после старта Курбатов ушел метров на 50 вперед. Просвет не смутил молодого конькобежца. Он продолжал бежать в заданном темпе, не делал рывков, держался своего графика. Со второй половины дистанции Курбатов стал снижать скорость. Просвет между противниками уменьшился. Курбатов явно устал, а Павлов чувствовал еще большой запас сил.

На последней прямой Павлов прекрасно использовал свои резервы. Он резко усилил скорость, опередил Курбатова и закончил дистанцию с отличным результатом — 18 минут 7,3 секунды. Анатолий Павлов занял в турнире сильнейших конькобежцев Советского Союза третье место, уступив лишь Ю. Головченко и В. Прошину.

Еще большего успеха добился Павлов в розыгрыше первенства РСФСР. Он стал абсолютным чемпионом Российской Федерации. Впервые в истории конькобежного спорта это почетное звание досталось представителю юношеского разряда, допущенному к соревнованиям в виде исключения. Вслед за этим Анатолий выигрывает приз имени С. М. Кирова.

Зимой нынешнего года студент Ленинградского института физической культуры имени Лесгафта А. Павлов выступает во «взрослом» разряде. И главная для него теперь задача — добиться таких результатов, которые дали бы право получить высокое звание мастера спорта. Этих результатов Павлов еще не достиг, но подошел к ним вплотную.

Не один Анатолий Павлов стремится нынче получить звание мастера. Совсем еще недавно выступали в молодежных разрядах горьковчане Л. Лисин, В. Фомичев, Н. Донченко, архангелец Б. Бахматов, кировчанка Л. Чернова, ленинградка Н. Богданова и товарищи Павлова по ремесленному училищу — В. Козлов и П. Павлов. Все они теперь находятся у порога мастерства. Кому дальше до заветного порога, кому ближе, но все горят желанием его перешагнуть.

Но и за этим порогом ждут Анатолия Павлова и его друзей новые трудности, будут манить новые высоты и дали. Бегать еще лучше! Бегать еще быстрей!.. Достичь мастерства, но не остановиться! Ибо в спорте, как и везде, подлинно большое мастерство не знает пределов.

НАРОДНЫЕ ИГРЫ

Когда радио донесло до высокогорного тяньшаньского колхоза «Куланак» радостную весть о присвоении нескольким членам артели высокого звания Героя Социалистического Труда, здесь состоялся большой той.

Утром весь народ вышел на окраину селения. Здесь начались традиционные спортивные игры. По древней традиции, эти игры открылись Аламан-байгой. На старт выехали на лошадях сорок подростков. Помахивая ременными плетками, они кружились пестрой и красочной толпой, перекликаясь, посмеиваясь над соперниками. Но вот распорядитель игр — пожилой колхозник, сидящий верхом на белой лошади,— снял со своей головы отороченную лисьим мехом шапку и поднял ее вверх. Сразу наступила тишина, всадники выстроились в линию; взмах шапки — и всадники, гикнув, ринулись вперед.

Аламан-байга — один из самых массовых и любимых видов народного спорта в Киргизии. Это скачки на восемь — десять километров. Сотни зрителей — тоже верхом на лошадях — рассыпаются по всей дистанции, встречая участников состязаний то восторженными приветствиями, то ироническими замечаниями. Нелегко в Аламан-байге одержать победу, она завоевывается в упорной борьбе, к которой всадник готовится иногда месяцами. Но зато как сладка победа! Молодежь носит победителя на руках, девушки кормят скакуна вкусными боорсоками.

После Аламан-байги, когда народ немного успокоился, на старт выехали десять юношей-джигитов. Они стояли спокойно. Вокруг теснились седобородые киргизы — знатоки лошадиной иноходи. Распорядитель игр подал сигнал — и всадники тронулись. Их лица были сурово напряжены, поводья крепко зажаты в руках. По условиям состязаний, они должны пройти всю дистанцию только иноходью.

В Киргизии встречаются удивительно натренированные иноходцы. Издали, когда наблюдаешь за их ходом, то кажется, что такой иноходец плывет, а вблизи, что он танцует.

Но вот в стороне вспыхивает смех, раздаются веселые возгласы. Там в круг, образованный праздничной толпой, выехали на лошадях два молодца. Оба они без рубашек, на них широкие кушаки. Это сильные и ловкие противники, которые, прежде чем вступить в борьбу, долго кружатся по поляне, стараясь как следует оценить сильные и слабые стороны друг друга. Потом они, поощряемые криками зрителей, стремительно съезжаются, и начинается увлекательная борьба. Всадники хватают один другого за руки, за шею, туловище, кушаки. Их задача — свалить противника с лошади, а еще лучше — перетащить его к себе на седло. Схватка проходит в стремительном темпе, всадники кружатся на месте, налетают друг на друга грудью, но вот один из них оказывается на земле. Победитель приглашается к почетному столу.

Начался куреш — борьба на поясах. Пожалуй, в киргизских аилах нет более распространенной спортивной игры. Стоит где-нибудь собраться группе молодежи — у входа ли в клуб, у красной ли юрты или на току под вечер,— и начинается куреш. На импровизированный ковер из разостланного по земле сена выходят борцы, берутся за пояса. Победителем считается тот, кто заставил противника хотя бы чуть-чуть коснуться земли спиной.

Солнце уже давно склонилось за полдень. Снова появляется распорядитель игр. Он везет на своем седле козла. У козла нет головы, нет копыт. Начинается самая популярная в тяньшаньских аилах игра — улактартыш, или козлодрание. Участники игры разбиваются на две группы, которые занимают свои заранее условленные места. Распорядитель игр отвозит козла на определенное, условленное место и подает сигнал к началу состязания.

Надо быть самому свидетелем улактартыша, чтобы по достоинству оценить и горячий азарт, с каким ведут игру команды, и восторг, который охватывает зрителя, когда какой-нибудь молодец на всем скаку хватает с земли козла, вздергивает его к себе на седло и, прижав его ногой к луке, мчится к своему условному месту. Вместе с ним летят, охраняя его, друзья, а противники, ведя нападение, стараются отобрать у него добычу.

В настоящее время в Киргизии есть немало прекрасных стадионов, волейбольных площадок, спортивных залов. Киргизы занимаются гимнастикой, альпинизмом, играют в футбол. Но вместе с этим в киргизских аилах продолжают пользоваться большой популярностью национальные народные спортивные игры и состязания.

Недавно во Фрунзе состоялась республиканская спартакиада по народным видам спорта, посвященная 25-летию республики.

На спартакиаде были выявлены подлинные мастера народного спорта. Среди них табунщик тяньшаньского конезавода № 53 Чотуров, колхозник из Джалал-Абадской области Тиленчиниев, Джумабаев и Абдралиев из Таласа, Жуков и Каньшов из Фрунзенской области; 75-летний колхозник Чанчаров.

С необычайным подъемом прошел улактартыш, в котором первенство завоевала команда Фрунзенской области (Сарбашев, Усенов и Шеншибаев).

...Если вам доведется посетить Киргизию, обязательно побывайте на колхозном тое, и вы увидите незабываемые сцены, прекрасные спортивные игры, издавна бережно хранимые трудолюбивым, мужественным и общительным киргизским народом.

Б. КУРГАНОВ

Улактартыш (козлодрание) в тяньшаньском колхозе «Куланак». Фото Г. Бойко

АМЕРИКАНСКИЙ образ жизни

«Слуги народа»

После того как прежний председатель пресловутой «комиссии по расследованию антиамериканской деятельности» Томас был посажен за мошенничество в тюрьму, его место блюстителя общественных нравов занял сенатор Маккарти.

Недавно в «комиссию по расследованию антиамериканской деятельности» был вызван для дачи показаний известный Пауль Гофман, доверенный человек автопромышленности, до недавнего времени возглавлявший управление по делам плана Маршалла.

Вот некоторые выдержки из беседы Маккарти с Гофманом:

«ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Обязательно надо вывозить табак. Табак составляет богатство моего избирательного округа.

СВИДЕТЕЛЬ: Конечно, сударь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Лучший в мире табак поставляет мой штат, Каролина.

СВИДЕТЕЛЬ: Совершенно верно, сударь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И я получаю изо дня в день жалобы от моих избирателей, что ваша организация (управление по делам плана Маршалла) вывозит недостаточно табака в Европу. Вы американец?

СВИДЕТЕЛЬ: Конечно, сударь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ну, тогда вы постараетесь это дело исправить.

СВИДЕТЕЛЬ: Я постараюсь, сударь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я также слыхал, что в Европу мало вывозят по плану Маршалла пишущих машин.

СВИДЕТЕЛЬ: Возможно, сударь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы американец?

СВИДЕТЕЛЬ: Надеюсь, сударь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Тогда вы будете экспортировать больше пишущих машин и в особенности нижеследующих марок» (следуют указания).

После заслушания другого свидетеля вновь вызывают Гофмана.

«ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Почитаю себя счастливым, господин Гофман, что имею возможность поговорить с вами о деле, которое я принимаю близко к сердцу. Мне предстоит сейчас встретиться с одним старым другом. Он занимается производством веников. Мне очень хотелось бы знать: контролируете ли вы в рамках плана Маршалла производство веников во Франции, Марокко и Бельгии? Знаете ли вы, сколько производят в этих странах веников?

СВИДЕТЕЛЬ: Нет, сударь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ну, тогда вы этим сейчас же займетесь: организуете в Европе бюро по продаже американских веников».

Этот диалог опубликован в стенографических отчетах «Конгрешнел Рикорд» — официального органа правительства США.

«Демократия»

В городе Джексоне, штата Миссисипи, была назначена казнь молодого негра Вилли Макджи. Его приговорили к смерти, обвинив без всяких оснований в изнасиловании белой женщины. Такой способ судебной расправы с неграми стал обычным в Америке и обоснованно получил название «легального линчевания».

За двое суток до казни в Джексон прибыл со всех концов страны 21 представитель американской общественности, чтобы требовать отмены приговора.

Вскоре делегатам стало известно, что губернатор готов их принять немедленно. Войдя в приемную губернатора, они были изумлены. Там их ждала большая толпа мрачных людей, часть из них держала в руках береты черносотенного «Американского легиона». Посреди толпы стояли судья верховного суда штата и рядом с ним губернатор.

Губернатор тут же объяснил, почему он решил откликнуться на приезд делегации.

«Лишь в течение сегодняшнего утра,— заявил он,— я получил 1215 протестующих телеграмм и писем».

Один из делегатов, Луи Бредли из Чикаго, старый человек, возглавляющий в своем городе Ассоциацию ветеранов войны, сказал, что Америка очень теряет в глазах всего мира, видящего, как в США относятся к неграм. Губернатор раздраженно перебил его:

«Штат из-за этого не станет менять свои законы!»

Атмосфера в зале была насыщена расовой ненавистью.

Затем выступила Джин Уэлтфиш, доктор Колумбийского университета. Она утверждала, что Макджи, отец четырех детей, которые его горячо любят, не может быть насильником.

Губернатор нервно смотрит на часы. Он дает делегатам 20 минут. В защиту Макджи говорят затем мать двух детей, жительница Нью-Орлеана Винифред Фейз и руководитель делегации Обрей Гроссмен, рассказавший о той обстановке террора, в которой происходил суд. Губернатор закрывает собрание. Все оставляют зал.

Большинство делегатов решает тотчас же покинуть город. Небольшая группа их приезжает на вокзал. В ожидании поезда она хочет пойти в буфет, но замечает, что все выходы из помещения закрыты. На делегатов нападает банда. Пять хулиганов ударами по

голове валят с ног мисс Фейз. Когда прибывает поезд, фашисты вбрасывают в вагоны людей, находящихся в бесчувственном состоянии.

Тем временем делегат Сидней Ордоуер ждал на аэродроме самолета в Чикаго. И его окружила шайка громил. Ордоуера зверски избили и кинули в самолет.

Гроссмен, запершись в номере, требовал от полиции защиты. Ему ответили по телефону:

«Чего вы боитесь? С вами ничего не случится».

На следующее утро к Гроссмену в номер ворвался вместе с начальником полиции и оравой полицейских сам губернатор. Он потребовал немедленного выезда Гроссмена из штата. Когда тот возразил, что он еще не готов к отъезду, губернатор со свитой удалился, крикнув:

«Пеняйте теперь на себя!»

Через два часа Гроссмена известили, что верховный суд штата под давлением общественного мнения решил отсрочить выполнение приговора. Это уже была частичная победа. А несколько времени спустя к Гроссмену постучали в двери.

«Телеграмма»,— произнес чей-то голос.

Едва Гроссмен открыл двери, как в номер ворвались восемь человек, вооруженные дубинами. Над Гроссменом, звавшим на помощь, учинили жестокую расправу. И только после того, как банда исчезла, появился директор отеля.

Когда Гроссмена, залитого кровью, увозили в больницу, он просил присутствовавшего полицейского чина посадить с ним в карету охрану. Но тот многозначительно повторил:

«Чего вы боитесь? С вами ничего не случится».

«Культура»

В Чикаго имеется «Ривер нью парк» — парк «развлечений и отдыха», о характере которых можно судить по следующим примерам.

За 20 центов вы имеете возможность посетить «галерею знаменитых американских преступников». Здесь вы увидите в натуральный рост фигуры гангстеров с ножами за голенищем сапога и револьверами за поясом. Надписи гласят: «Френк Джеймс — совершил 100 железнодорожных налетов и 24 убийства»; «Джим Джонекер — 30 убийств и 17 нападений на банки». Выглядит это как наставление для молодых посетителей «музея».

В парке можно видеть клетки с обезьянами. А рядом — другие клетки — с живыми людьми. На особых стульях, снабженных мишенями, сидят пять негров. Почтенную публику приглашают покупать шары. Если шаром попасть в мишень, стул опрокидывается и негр падает в воду.

В таком же стиле и другие «развлечения» в этом парке «американской культуры».

«Искусство»

Тенор Лео Слезак приводит в своей книге либретто оперы «Отелло», поставленной в Хустоне (штат Техас):

«Весь народ стоит на коленях и молится о спасении Отелло, который борется на своем корабле с тяжелым штормом. Опасность миновала. Отелло появляется и провозглашает:

«ДЛЯ КУХНИ ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ТОЛЬКО ЗНАМЕНИТЫМ ПИЩЕВЫМ ЖИРОМ «КРУСТО»!

«Радуйтесь! Турки побеждены и сброшены в море!»

Народ приветствует Отелло:

«КРУСТО» — ЕДИНСТВЕННО ПРИЕМЛЕМЫЙ ПИЩЕВОЙ ЖИР!»

Яго завидует Кассио, пользующемуся благорасположением Отелло, и спаивает его. Звучит застольная песня:

«ТОТ БЕЗУМЕЦ, КТО НЕ ПОЛЬЗУЕТСЯ ДЛЯ КУХНИ ЖИРОМ «КРУСТО»!

И Кассио, изрядно выпив, бросается с оружием в руках на Мотано. Появляется Отелло и кричит страшным голосом:

«КРУСТО» ВНЕ КОНКУРЕНЦИИ!»

«...Бросайте оружие!»

Тут появляется Дездемона, любимая жена Отелло. Отелло идет ей навстречу и поет с ней принадлежащий к лучшим произведениям оперного искусства прекрасный дуэт:

«КТО ОДНАЖДЫ УПОТРЕБЛЯЛ «КРУСТО», ТОТ НИКОГДА ДРУГОГО ЖИРА НЕ ЗАХОЧЕТ!»

Этим заканчивается первый акт».

Так рекламный пищевой жир «Крусто» тянется через все акты оперы.

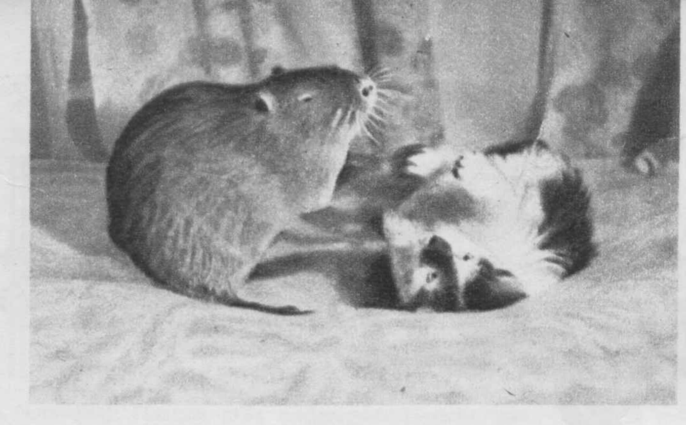
Завершается либретто следующими словами:

«Задушив Дездемону, Отелло закалывает себя кинжалом и, умирая, поет волнующие слова:

«ТРЕБУЙТЕ НЕСРАВНЕННЫЙ ПИЩЕВОЙ ЖИР «КРУСТО»!

«Целуй меня, целуй меня!» — и умирает».

Андрюшка

В № 44 журнала «Огонек» за 1949 год мы сообщали о том, что доктор биологических наук, заведующий лабораторией нутриеводства Института рыбного хозяйства профессор Л. В. Бойцов проводит удачные опыты по акклиматизации нутрии (болотный бобр), вывезенной из Южной Америки.

Летом прошлого года одна из бобрих погибла, оставив детеныша в двухдневном возрасте. Молодому зверьку также угрожала гибель. Жена и помощник профессора, Наталия Яковлевна, задалась целью сохранить сироту.

Сначала она попробовала подпустить крохотное существо к кошке, которая в то время кормила котят. Кошка ничего не имела против, но Андрюшка, так назвала Наталия Яковлевна своего питомца, не мог сосать: он не находил сосков. Соски у нутрии расположены не снизу, как у кошки, а почти у самой спины, что позволяет детенышам сосать и в воде.

Тогда Наталия Яковлевна стала кормить его с ложечки сливками, так как молоко нутрии очень богато жирами. Кормление производилось каждые два часа. Андрюшка очень зяб. На ночь Наталия Яковлевна закутывала его в пуховый платок.

Зверек развивался вполне нормально и очень охотно играл с котятами.

Но Андрюшку тянуло к воде, без которой в летнее время этот зверек не может существовать.

Интересно было наблюдать, как Андрюшка в сопровождении кошки и котят направлялся к пруду. Кошка и котята останавливались на берегу, а Андрюшка бросался в воду. Он прекрасно плавал и нырял.

В настоящее время Андрюшке пошел седьмой месяц, и чувствует он себя превосходно. Вес его — свыше четырех килограммов, что значительно больше стандартного веса в этом возрасте.

Рацион его теперь весьма разнообразен: морковь, свекла, хлеб, вареный картофель. Андрюшка — большой лакомка, неравнодушен к сладкому, особенно к меду.

Недавно Андрюшка переночевал в живой уголок базовой школы Московского областного педагогического института в качестве экспоната, которым в одинаковой степени интересуются как юные натуралисты, так и студенты института, будущие педагоги-биологи, производящие над ним наблюдения.

И здесь Андрюшка готов поиграть с каждым, кто удостоит его своим вниманием.

Особую радость испытывает Андрюшка, когда его навещает бывшая воспитательница. В такие минуты даже лакомые гостинцы он оставляет и бросается к ее ласковым рукам.

С. МИНАЕВ

Собрание планет

Редко на одном участке неба можно наблюдать сразу три планеты. В феврале, неподалеку одна от другой, на юго-западе, видны ранним вечером Венера, Юпитер и Марс — самые яркие планеты земного неба. Их легко узнать по величине, блеску и отсутствию мерцания, характерного для звезд. Наиболее яркая из них — Венера, окутанная, как коконом, густыми облаками своей атмосферы, сияет чистым серебристым светом. Немного уступает ей в блеске слегка желтоватый Юпитер. Марс, как уголь, горит красноватым огнем.

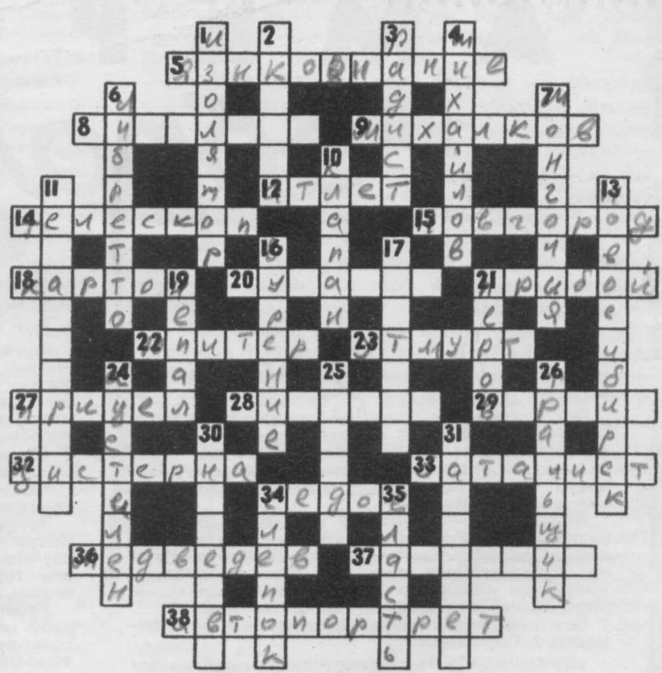
7 февраля к Юпитеру, величайшей планете солнечной системы, близко подойдет Марс, в воображении романистов давно населенный самыми разнообразными живыми существами, но, повидимому, имеющий только растительность. Красивейшая из всех трех планет — Венера, получившая свое имя в честь римской богини любви и красоты,— 11 февраля подойдет к Юпитеру, а 16-го — к Марсу.

Близкое расположение этих планет друг к другу дает возможность не только полюбоваться редким, красивым зрелищем, но также наглядно сравнить их видимую величину, яркость и окраску.

К концу месяца Юпитер скроется в лучах Солнца, и «собрание» трех планет окончится.

Б. М.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Лингвистика. 8. Город в Украинской ССР. 9. Советский поэт. 12. Спортсмен. 14. Оптический прибор. 15. Древний русский город. 18. Толстая бумага особой выделки. 20. Абсолютный чемпион СССР по гимнастике. 21. Бьющие в берег морские волны. 22. Планета. 23. Народность в СССР. 27. Приспособление у огнестрельного оружия. 28. Советский писатель. 29. Одно из толкований события. 32. Большой металлический резервуар. 33. Художник, изображающий военные действия. 34. Русский исследователь Арктики. 36. Автор книги «Это было под Ровно». 37. Род музыкального сочинения. 38. Портрет, писанный с самого себя.

По вертикали:

1. Изолирующее вещество. 2. Приспособление, скрепляющее части сооружения. 3. Специалист по беспроволочной связи. 4. Известный певец. 6. Словесный текст оперы. 7. Демократическая республика в Азии. 10. Крышка у отверстия в механизме. 11. Отрасль техники. 13. Город в Сибири. 16. Сверление почвы. 17. Известный советский ученый-медик. 19. Государство в Азии. 21. Русский художник. 24. Горючий бесцветный газ. 25. Состояние атмосферы. 26. Рыболовное или военное судно. 30. Чемпионка Европы в толкании ядра. 31. Герой Советского Союза. 34. Копия, слепленная с оригинала. 35. Право и возможность подчинять кого-нибудь своей воле.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 4

По горизонтали:

1. Гудок. 3. Туркмения. 7. Салют. 10. Рапорт. 11. «Аврора». 14. Ангелина. 15. Единство. 17. Отчизна. 21. Ковалев. 23. Патриот. 24. Минск. 26. Оскол. 28. Государство. 29. Колыма. 30. Фадеев. 31. Связь. 34. Кармелюк. 35. Мужество.

По вертикали:

1. Горнист. 2. Кантата. 4. Электрификация. 5. Прага. 6. Борин. 8. Архив. 9. Карта. 12. Кадровик. 13. Комсомол. 16. Злак. 18. Тарту. 19. Нерис. 20. Утро. 22. Водоем. 23. «Правда». 25. Стройка. 27. Сеченов. 32. Век. 33. «ЗИМ».

ДВА СЛОВА О ПОГОДЕ

(С польского)

Небо ясно, день хороший,
Но французский дипломат,
Зонтик взяв, надев калоши,
Погулять выходит в сад.

На вопрос: мол, «отчего-де
Зонтик при такой погоде!» —
Осторожный этот вождь
Отвечал спокойным тоном:
«Поутру над Вашингтоном
Разразился сильный дождь!»

АРГО

ДЯДЯ СЪЕМ — Рисунок Вл. Гальба

НЕ РАЗДУМЫВАЯ

Задачи-шутки

1

Как разделить, не разрезая, 5 яблок между 5 человеками так, чтобы каждый получил по яблоку и одно осталось в корзине?

2

Электропоезд идет с востока на запад. Набрав скорость, поезд делает 60 километров в час. В том же направлении — с востока на запад — дует ветер, но со скоростью 50 километров в час. В какую сторону относит дым поезда?

В этом номере помещены цветные репродукции с картин И. Крамского «Портрет М. Е. Салтыкова-Щедрина», К. Коровина «Зимой», Е. Лансере «Ботик Петра Великого», Б. Кустодиева «Ярмарка» и 4 страницы цветных фото.

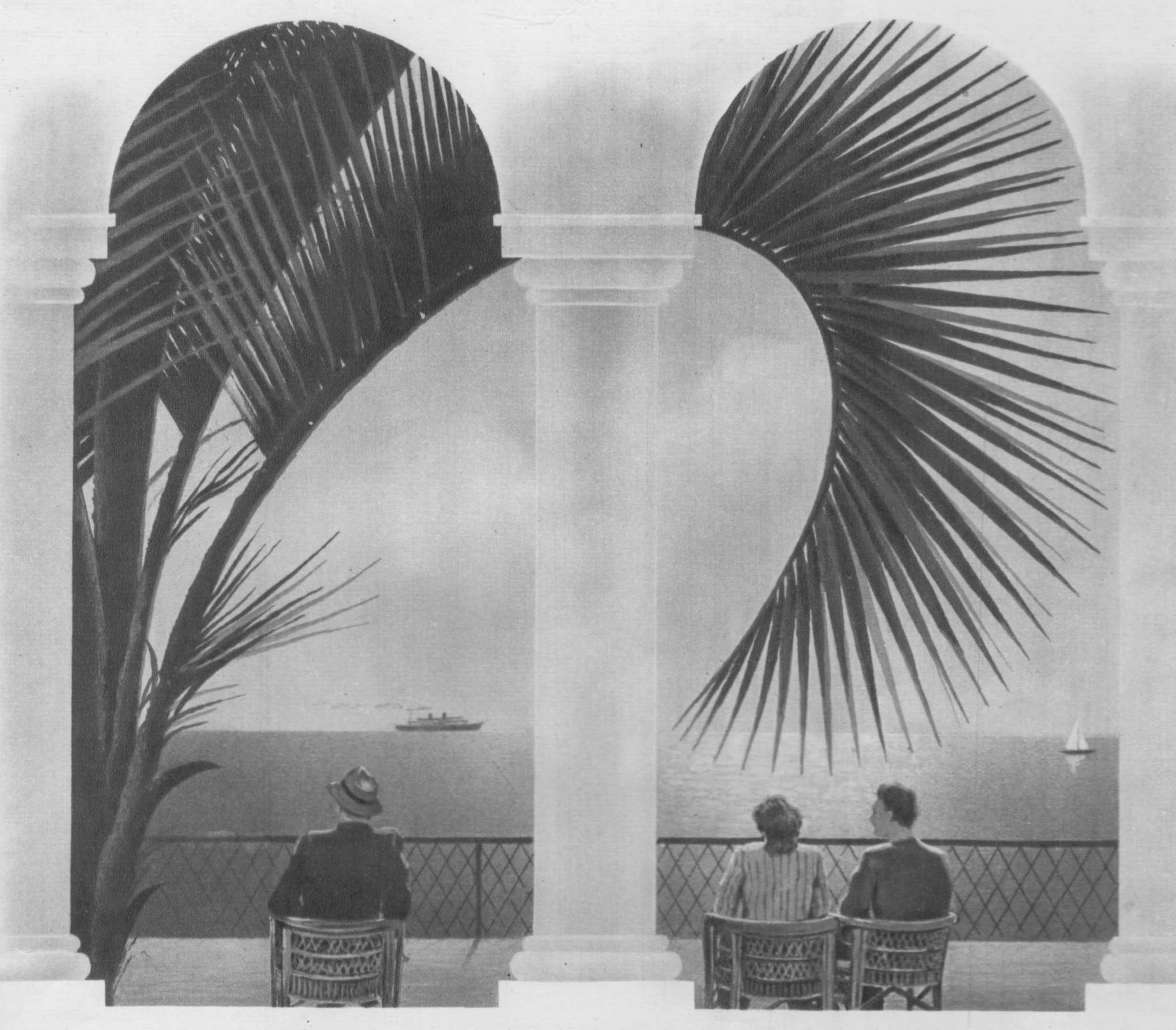
Главный редактор — А. А. СУРКОВ. **Редакционная коллегия: А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ, А. Н. СТУДИТСКИЙ.**

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-64. **Оформление И. Уразова.**

А — 01316. Подписано к печати 23/I 1951 г. Изд. № 18. 5½ печ. л. Тираж 406 000. Заказ 92. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ПОЛЬЗУЙТЕСЬ АМБУЛАТОРНЫМ ЛЕЧЕНИЕМ НА КУРОРТАХ!

Больные, страдающие заболеваниями сердца, желудочно-кишечного тракта, легких, ревматизмом, женскими болезнями, нервной системы и т. д., успешно лечатся на курортах: в Кисловодске, Ессентуках, Пятигорске, Сочи — Мацеста, на Южном берегу Крыма, в Евпатории, Саках и Железноводске.

На перечисленные курорты продаются путевки в санатории, а также на амбулаторное лечение с предоставлением лечебного питания и жилья в благоустроенных квартирах с полным обслуживанием.

ЗАЯВКИ НА ПРИОБРЕТЕНИЕ ПУТЕВОК СЛЕДУЕТ НАПРАВЛЯТЬ В БЛИЖАЙШИЕ КУРОРТНЫЕ КОНТОРЫ В ГОРОДАХ:

Москва	Ташкент	Ашхабад	Алма-Ата	Баку	Новосибирск
Хабаровск	Кишинев	Краснодар	Ростов-на-Дону	Воронеж	Ереван
Минск	Чита	Курск	Молотов	Свердловск	Киев
Казань	Иркутск	Ленинград	Фрунзе	Архангельск	Петрозаводск
Саратов	Куйбышев	Иваново	Кемерово		

Одновременно с заявлением необходимо высылать заключение санаторно-курортной отборочной комиссии.

Для своевременного обеспечения путевками на весь год курортные конторы заключают с учреждениями и предприятиями договоры.

ВСЕСОЮЗНАЯ КУРОРТНАЯ КОНТОРА

ЦЕНА
3 РУБ.